РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Р768 **Россия в изменяющемся мире** / Под редакцией В.А.Гусейнова. – М.: Красная звезда, 2008. – 168 с.

ISBN 978-5-94691-340-9

В сборнике представлены статьи, подготовленные в течение 2006–2008 гг. авторским коллективом сотрудников Института стратегических оценок и анализа под руководством директора Института, главного редактора «Вестника аналитики» В.А.Гусейнова для журнала «Российская Федерация сегодня» (рубрика «Анализ и прогноз»).

В статьях анализировались основные события, происходящие в Российской Федерации, странах СНГ и на мировой арене, давалась прогнозная оценка их влияния на политику, безопасность, экономику, социальную сферу нашей страны.

УДК 327

ББК 66.4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд является сборником статей, написанных в разное время для журнала «Российская Федерация сегодня» авторским коллективом Института стратегических оценок и анализа (ИСОА) под руководством В.А.Гусейнова. Сотрудничество нашего издания с ИСОА продолжается уже более трех лет. За это время сотрудники Института подготовили для рубрики «Анализ и прогноз» не один десяток ярких и интересных материалов, которые решено было собрать в отдельную книгу — «Россия: новая роль в изменяющемся мире». Статьи специалистов ИСОА отличает аналитичность, актуальность и литературное мастерство. Сложнейшие вопросы мировой политики изложены авторами в доступной даже для самого неискушенного читателя форме. Это обстоятельство делает исследования Института привлекательными для самого широкого круга читателей и серьезно расширяет аудиторию журнала «Российская Федерация сегодня».

Для начала — несколько слов о нашем уважаемом партнере. Институт стратегических оценок и анализа занимается исследованием широкого спектра политических проблем. В сферу его профессиональных интересов входят вопросы экономического развития России, южнокавказская проблематика, вопросы ближневосточного урегулирования, проблемные стороны взаимодействия России с Евросоюзом и многие другие. Приоритет при этом ИСОА отдает изучению роли России в быстро меняющемся современном мире, прогнозированию вызовов и угроз, которые ждут наше государство в недалеком будущем, и выработке стратегии ответов на эти угрозы.

В последние годы Институт самостоятельно или совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями страны провел ряд исследований по многим проблемам внутренней и международной политики. Результаты научно-исследовательской деятельности ИСОА обобщены в целом ряде трудов, таких, как «Модернизация России и Европа» (в 3-х томах), сборник «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (совместно с Российской академией государственной службы), «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и

Большим Ближним Востоком» (совместно с Институтом Европы РАН), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (совместно с Высшей школой экономики (ГУ ВШЭ) и Советом по внешней и оборонной политике (СВОП)); «Россия—Великобритания: очередное охлаждение», «Иракский кризис и становление нового мирового порядка», «Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации», «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить» (совместно с ГУ ВШЭ и СВОП).

Институт стратегических оценок и анализа издает собственный журнал—«Вестник аналитики» (главный редактор—В.А.Гусейнов), который пользуется популярностью среди российского и зарубежного экспертного сообщества. Членами редакционного совета этого журнала являются видные государственные и общественные деятели, экономисты и политологи: Михаил Делягин, Юрий Поройков, Владимир Егоров, Сергей Караганов, Андрей Кокошин, Николай Михайлов, Александр Назарчук, Алексей Пушков, Александр Рар (Германия), Владимир Рыжков, Леонид Слуцкий, Андрей Федоров, Александр Ципко, Сергей Кортунов.

Собранные в сборнике «Россия: новая роль в изменяющемся мире» статьи можно условно подразделить на четыре основных блока: проблемы развития российской экономики, взаимоотношения нашей страны с США и Западом в целом (особый упор при этом делается на углублении противоречий между Москвой и НАТО), ближневосточная проблематика (рост террористической опасности) и вопросы развития ситуации на постсоветском пространстве.

В контексте последних трагических событий на Южном Кавказе особую важность для читателей представляют статьи о Грузии и политике режима президента Саакашвили в отношении признанных теперь Россией — Абхазии и Южной Осетии. Авторы этих статей загодя указывали на желание Тбилиси силой решить проблему отколовшихся от республики этнических анклавов и справедливо отмечали, что опасность новой большой войны на Южном Кавказе в 2008 году приобрела дополнительную актуальность.

Конфликт на Южном Кавказе можно считать некоей доминантой, точкой отсчета новой политической реальности в регионе. Россия впервые за долгие годы не только проявила твердость позиций по важному международному вопросу (статус Сухума и Цхинвала), но и решительно заявила о своем желании играть на постсоветском пространстве самостоятельную роль, отстаивать собственные интересы, которые могут идти вразрез с геополитическими устремлениями Соединенных Штатов.

Исследователи из ИСОА справедливо отмечают, что признанием государственной независимости Абхазии и Южной Осетии Россия фактически предоставила молодым республикам гарантии безопасности, огородив их в дальнейшем от посягательств со стороны Тбилиси. После продолжительного периода сдачи всех возможных позиций на международной арене Москва твердо обозначила самостоятельность своего внешнеполитического курса, который она теперь намерена выстраивать без оглядки на Запад. Впервые Россия продемонстрировала, что готова защищать своих союзников, а не бросать их на произвол судьбы из-за косых взглядов мирового сообщества.

Однако сам собой возникает вопрос — что же ждет Россию дальше? Не аукнется ли для нее решительность на Южном Кавказе полным разрывом отношений с Западом, экономическими санкциями и возвращением к полномасштабной «холодной войне»? Ответ на этот вопрос можно найти в исследованиях ИСОА. Эксперты высказывают небезосновательное предположение, что пока вести речь о начале нового глобального противостояния не стоит. Запад (в особенности Европа) зависим от России в экономическом плане (как, впрочем, и Россия от него), нуждается в ее углеводородных ресурсах. Эта взаимозависимость и служит гарантией от дальнейшего глобального «похолодания». Не знаю как кому, а мне эта точка зрения кажется вполне взвешенной и правдоподобной.

Интересна и статья об Арктике. Эксперты ИСОА отмечают, что этот угол мира в скором времени может стать ареной борьбы ведущих мировых и региональных держав за контроль над скрытыми подо льдами полезными ископаемыми. К этой борьбе Россия должна начать готовиться уже сейчас — создавать арктический флот, строить газовозы и т.д., чтобы не потерять в перспективе доступ к запасам углеводородов, на которые она может претендовать на вполне законных основаниях.

Важные стратегические выводы содержатся в статье об иракском кризисе. Эксперты ИСОА видят перспективы его окончательного урегулирования в создании конфедерации курдской, суннитской и шиитской территорий. А также в максимальной интернационализации мирного процесса, в подключении к нему Ирана и ведущих арабских государств — Саудовской Аравии, Иордании и Сирии.

Я целенаправленно пересказал краткое содержание нескольких (на выбор) статей данного сборника, чтобы читатель понял, насколько разнообразны и актуальны исследования авторского коллектива сотрудников ИСОА, как широко простираются их профессиональные интересы. Здесь каждый найдет себе материал «по вкусу» — будь то конфликтология или борьба с терроризмом, проблемы международных отношений или геоэкономические вопросы. Необходимо отметить, что при такой творческой «всеохватности» работы Института четко структурированы и отнюдь не страдают поверхностностью. Видно, что их авторы владеют материалом и хорошо знают специфику исследуемых проблем.

Одним словом, сборник «Россия: новая роль в изменяющемся мире» будет полезен для специалистов, профессионально занимающихся по-

литическими проблемами, студентов соответствующих специальностей, а также наверняка вызовет немалый интерес у читателей, интересующихся глобальными политическими и экономическими процессами.

Перед читателем авторы сборника ставят многие важные вопросы: что ждет нашу страну и наше общество в будущем? Какое место займет Россия на геополитической карте планеты? Как будут развиваться отношения нашей страны с бывшими советскими республиками? Каковы перспективы СНГ? Какие угрозы ждут Россию и другие страны бывшего СССР в стремительно изменяющемся современном мире? Будет ли продолжаться глобальное доминирование Соединенных Штатов на мировой политической арене?

Я уверен, что сборник «Россия: новая роль в изменяющемся мире» не обманет ожиданий исследователей, и мои собственные положительные впечатления полностью совпадут с впечатлениями других читателей.

Зам. главного редактора журнала «Российская Федерация сегодня» **А.В.Черняк**

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА СДЕЛАННОЕ, ЗАГЛЯНЕМ ВДАЛЬ

О некоторых итогах ушедшего года и перспективах нынешнего

Во внутриполитическом плане 2005 год начался со слабо подготовленной реформы по монетизации льгот, что привело к росту в стране протестной активности, остановить которую властям удалось только путем массового вливания финансовых средств, намного превысивших запланированную в результате проведенной реформы экономию. Эти события ярко высветили недостаточную компетентность экономического блока Правительства, которое в погоне за реформами любой ценой не удосужилось просчитать все ее последствия и провести необходимую подготовительную и разъяснительную работу.

Закончился 2005 год достаточно оптимистично: протестная активность спала и находится в приемлемых рамках, уровень доверия населения Президенту по-прежнему весьма высок, партия «Единая Россия» уверенно побеждает практически на всех региональных выборах, оставляя далеко за собой и левых, и правых. Выборы в Мосгордуму лишний раз подтвердили, что политическая стабилизация в стране завершена. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что передача власти на федеральном уровне в 2008 году может пройти бесконфликтно.

Важной вехой прошедшего года стало определение Президентом национальных проектов, которые призваны существенно повысить уровень жизни населения. Все это дает обоснованный повод для осторожного оптимизма.

В экономическом плане итоги года весьма неоднозначны. С одной стороны, для него был характерен сдержанный экономический рост, прирост ВВП за год составил около 6%, хотя годом ранее рост ВВП был 7,2% годовых. Рос в 2005 году и инвестиционный спрос, правда, несколько более сдержанными темпами, чем в предыдущем году. Собран неплохой урожай зерновых — более 84 млн. тонн, что соответствует уровню 2004 года.

Значительно укрепилось состояние финансовой системы государства. В условиях роста мировых цен на топливно-сырьевые товары и ставок экспортных таможенных пошлин доходы федерального бюджета в 2005 году существенно возросли, их объем в 1,5 раза превысил уровень предыдущего года. Накопление значительных финансовых ресурсов в Стабилизационном фонде в совокупности с наращиванием золотовалютных резервов страны обеспечивает достаточные возможности для предотвращения кризисных ситуаций в финансовой сфере, а значит, и в политической.

Динамика реальных доходов населения вышла на траекторию, опережающую по темпам роста динамику 2004 года: уже за десять месяцев 2005 года доходы населения увеличились на 9,4% (против 8,4% в 2004 году), сохраняется и характерная для последних лет тенденция роста номинальной и реальной заработной платы.

С другой стороны, при очень высоком индексе экспортных цен в 2005 году рост экспорта товаров в физическом выражении снизился втрое, а основным фактором торможения экспорта стало сокращение физических объемов экспорта нефти. Кроме того, на фоне благоприятной экономической конъюнктуры происходит замедление темпов роста во многих отраслях промышленности.

Весьма актуальной для российской экономики остается проблема инфляции, которая по итогам года превысила 11-процентный рубеж. Серьезные опасения вызывает и тот факт, что очень значимым, если не основным, фактором инфляции стал высокий рост тарифов. Увеличение тарифов на жилищно-коммунальные услуги в среднем по России составило почти 35%, что в 1,3 раза выше показателей 2004 года (23,5%).

Таким образом, результаты работы Правительства, и в первую очередь его экономического блока, по уже сложившейся традиции нужно признать скорее неутешительными. Крайне опасно, что кроме собственных ошибок Правительства этому способствовал такой вызывающий серьезнейшую тревогу фактор, как практическое прекращение роста добычи и экспорта нефти. Если в предыдущие годы эти показатели росли на 12-14% в год, то в 2005 году рост экспорта нефти фактически не вырос, а увеличение добычи составило всего 2-3%. Это означает, что в ближайшие годы российская экономика может потерять ТЭК в качестве локомотива роста ВВП.

Еще один весьма опасный симптом — ухудшение конкурентоспособности российских товаров и как следствие существенный прирост импорта. Российская экономика исчерпала ценовую конкурентоспособность, появившуюся в результате дефолта 1998 года. Теперь наши товары по многим наименованиям должны конкурировать с иностранными не с позиций их дешевизны, а брать, что называется, качеством, что, очевидно, малореально в кратко- и среднесрочной перспективе.

В целом 2005 год не стал прорывным по сравнению с предыдущими. И это несмотря на то, что размер Стабфонда уже достиг фактически половины объема федерального бюджета!

Можно с уверенностью утверждать, что раз грамотной экономической политики у российского Кабинета министров за прошедший год так и не появилось, то не появится она и в 2006 году, хотя бы потому, что этот год – фактически канун парламентских (2007 год) и президентских (2008 год) выборов. Как показывает опыт, в такой ситуации даже куда более решительные правительства действуют по принципу «не навреди». Видимо, нас ожидает еще один «застойный» год: «министры-экономисты» будут выступать с броскими прожектами, но реально ничего существенного делать не будут. В частности, это относится к готовящейся медицинской реформе, о главных направлениях которой говорится далеко не все. Очень широко озвучено предложение об увеличении заработной платы врачам общей практики (участковым), но при этом никто не предупреждает о том, что узким медицинским специалистам предлагается также повысить содержание, но за счет введения платности за их услуги. Правительственные чиновники, проводящие такую линию (в лице Зурабова), искренне полагают, что специалистам (хирургам и др.) «и так платят, так пусть уж платят в кассу». На деле такой линейной зависимости нет, и введение обязательной платной медицины сильно ударит по населению.

Вызывает беспокойство и предстоящее уже с самого начала года новое повышение тарифов на коммунальные платежи, причем, по последним данным, на суммы, превышающие уровень инфляции. В целом фактический перевод отношений государства с гражданами на коммерческую основу в области медицины, образования, услуг и транспорта станет одним из самых болезненных вопросов для выстраивания отношений власти с народом. Здесь абсолютно все прогнозы совпадают: в 2006 году социальные отношения обострятся, поскольку у большинства россиян сегодня довольно низкий уровень жизни, о чем свидетельствует самый надежный показатель — постоянно ухудшающаяся динамика изменения численности населения. В этой связи можно ожидать тех или иных форм народного возмущения, однако опасных форм этот протест в 2006 году не приобретет: у власти достаточно средств, чтобы купировать возможное проявление недовольства населения по поводу реформы ЖКХ и других социальных реформ.

В области партийного строительства можно прогнозировать, что в следующем году, то есть накануне двух общефедеральных избирательных кампаний, в стране вряд ли появятся новые сильные партии в дополнение к «Единой России». А ведь такая ситуация напрямую отража-

ется на жизни граждан. Например, если бы в Госдуму в результате выборов прошли сильные оппозиционные партии, то Закон о монетизации льгот наверняка не был бы принят.

По итогам партийной борьбы в 2005 году можно отметить, что навыки независимой агитации и пропаганды претендующими на роль оппозиционных партиями утрачены. Стало обыденным явлением перетекание знаковых общественных деятелей из одной партии в другую, потому в 2006 году продолжится процесс падения численности партийных активистов у всех современных партий. Исключение могут составить лишь те политические силы, которые сориентированы на работу с молодежной средой.

Вместе с тем процессы, которые протекают в различных слоях общества, требуют своего адекватного политического отражения. Наиболее напряженная обстановка наблюдается в среде отечественной буржуазии и среди молодежи. Фактически здесь должны родиться новое правое и новое левое течения в отечественной политике. Возникнет стойкий интерес к политическим организациям нелегального толка, безусловную перспективу имеют партии, строящие свою работу на религиозной основе. Все это в совокупности означает, что 2006 год станет годом ярко выраженного партийного поиска. При этом нет никаких оснований усомниться в дальнейшем укреплении позиций партии «Единая Россия».

Самой важной проблемой 2006 года, по мнению многих политиков и наблюдателей, является вопрос о преемнике В.Путина на посту Президента. Очевидно, что ни на смену Конституции, ни на какие антиконституционные действия, чтобы продлить свои полномочия, Президент не пойдет. Поэтому все аналитики, заполняющие эфир и печатные СМИ различными анализами того, кто станет преемником В.Путина, «выстрелили» слишком рано. Этот вопрос будет решаться в 2007 году, а 2006-й станет годом своеобразных «смотрин», когда все политики, видящие себя на главном посту в государстве, должны будут продемонстрировать все свои способности.

При этом стоит отметить, что если Кремль хочет безоговорочно выиграть выборы 2008 года, то он должен уже в 2006 году начать решать проблемы, которые порождает, например, деятельность милиции, судов и прокуратуры. За того, кто сможет повысить уровень безопасности граждан и возвратить им ощущение справедливого общества, электорат отдаст свои голоса. В то же время если проблемы правоохранительных органов не будут решаться, то демонстрируемая ими сегодня порой неоправданная жесткость и, к сожалению, коррупционность приведут к политическим последствиям, более быстрым и радикальным, чем даже экономическое расслоение общества.

В заключение хочется отметить, что в условиях прогнозируемого обострения социальных противоречий каких-то особо ярких и глубоких

политических событий в 2006 году ждать едва ли приходится. Подходящим претендентом на роль несущей опоры для всей конструкции российской власти, придающей ей сбалансированность и устойчивость, опять выходит губернаторский корпус.

Во внешнеполитической сфере 2005 год можно в целом охарактеризовать как сравнительно благоприятный для внутреннего развития России. Он не принес каких-либо прорывных подвижек в нашей внешней политике, но не было допущено и ощутимых провалов. Постепенно устраняются и прежние перекосы, внешняя политика становится более сбалансированной и многовекторной. Но главное — в течение прошедшего года обозначились контуры стратегических подходов в российской внешней политике, тогда как ранее они носили скорее тактический характер.

Так как в предыдущем номере журнала «РФ сегодня» (№ 24/2005) внешнеполитические итоги года были представлены весьма обстоятельно, позволим себе не останавливаться на деталях, а сразу перейти к ответу на вопрос: «Какие задачи стоят перед российской внешней политикой и чего можно ожидать от нее в наступившем 2006 году?»

Скорее всего по всем основным направлениям будет обеспечена преемственность того стратегического курса, который обозначился в ушедшем году, — проведение сбалансированной между Западом и Востоком многовекторной прагматичной политики.

В отношениях со странами СНГ будет продолжена та стратегическая линия, которая обозначилась в 2005 году. Основной упор будет сделан на развитие двусторонних отношений с учетом дифференцированных подходов к каждой стране и на укрепление и развитие сотрудничества в рамках межгосударственных объединений, прежде всего ОДКБ и ЕврАзЭС. Вряд ли удастся совершить прорыв в создании Союзного государства Беларусь—Россия, но работа на этом направлении будет активно продолжаться, особенно учитывая предстоящие в 2007 году выборы в России и Белоруссии.

Политика в отношении сохранения СНГ как «клуба встреч президентов» будет скорее всего тоже продолжена. Во всяком случае, Россия не должна выступать инициатором роспуска этой организации, памятуя о том, что политические лидеры стран СНГ приходят и уходят, а народы, их многолетние связи в рамках единого государства, важность их сохранения остаются. Это относится и к тем государствам, лидеры которых проводят сегодня радикально прозападный курс.

На европейском направлении Россия, безусловно, должна будет стремиться расширять, а главное — конкретизировать сотрудничество с Евросоюзом в рамках принятых договоренностей. Но сдерживающим фактором, как и в 2005 году, будет политика ЕС. России придется приложить немало усилий для разработки и принятия такого документа вза-

мен СПС, который в максимально возможной степени учитывал бы долгосрочные интересы России и не допускал ее постепенного скатывания на роль вассала Запада. Тем более что конечная цель России обозначена нашим руководством четко — Большая Европа без разделительных линий.

На восточном направлении можно ожидать расширения внешнеполитических контактов и дальнейшего укрепления связей России с ведущими странами региона (Китай — в числе главных приоритетов) и с региональными организациями, а также со странами исламского мира.

В отношениях с США вряд ли можно ожидать крутых поворотов. Скорее всего градус двусторонних отношений будет продолжать постепенно понижаться. Причин для этого довольно много: усиливающаяся активность России в Центральной Азии, различие в подходах к Белоруссии, Украине, Грузии, атомная и оборонная программы Ирана, дрейф российского внешнеполитического курса в восточном направлении и сближение с Китаем, особенно в сфере военно-технического сотрудничества, изоляционистские — в отношении России — мотивы в политике США, а также внутрироссийские факторы, и прежде всего надвигающийся избирательный цикл 2007–2008 годов, результаты которого Вашингтон, судя по всему, не намерен пускать на самотек.

Наконец, с 1 января 2006 года Россия становится председателем в «восьмерке». Это серьезное испытание для российской внешней политики и дипломатии, особенно в условиях нагнетаемого на Западе ажиотажа относительно правомерности членства России в этом клубе ведущих государств мира и с учетом того, что мнения $P\Phi$ по целому ряду важных вопросов глобальной и региональной политики зачастую не совпадают с мнением других членов «восьмерки».

«Российская Федерация сегодня» № 1 – 2006 г.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК ЗЕРКАЛО «ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Последние месяцы ознаменовались бурными событиями, большинство из которых связано с регионом так называемого Большого Ближнего Востока (ББВ). Сенсационные результаты парламентских выборов в ряде стран региона, на которых успеха добились радикальные исламские партии («Братья-мусульмане» в Египте, «Хезболла» в Ливане, ХАМАС в Палестине, шииты в Ираке), волна возмущений, прокатившаяся в мире в связи с публикацией некоторыми европейскими СМИ карикатур, затронувших религиозные чувства мусульман, — все эти события, происходящие на фоне продолжающейся оккупации Ирака и антитеррористической операции в Афганистане, заставляют по-новому оценить доктрину «демократизации» Большого Ближнего Востока, инициатором которой явились Соединенные Штаты Америки. И не просто оценить, но и частично развеять тот политический и идеологический «смог», которым окутывается деятельность Вашингтона по реализации этого масштабного проекта.

Модернизация ББВ – настоятельное веление времени. В регионе в наиболее острой форме проявляются все несовершенства и проблемы современного мира. Увеличивающаяся незанятость населения, низкий уровень образования и социальной защиты, несопоставимые со странами «золотого миллиарда» уровень и качество жизни населения создают питательную среду для радикализма, экстремизма и терроризма. Поэтому доктрина «демократизации» поддержана большинством государств, включая и страны региона.

Но очевидно и другое. Под прикрытием этой идеи Вашингтон стремится решить и ряд собственных задач. Есть все основания утверждать, что главный стимул для США — энергоресурсный потенциал региона, его нефтяные кладовые. Здесь сосредоточено, с учетом Каспия, около 63 процентов разведанных мировых запасов нефти. Нужно быть очень наивным человеком, чтобы искренне поверить в то, что

США — основной потребитель нефти в мире, к тому же обладающие несопоставимой военной мощью (и как следствие чувством собственной безнаказанности), руководствовались бы в своей политике в странах основного нефтяного бассейна мира лишь альтруистическими целями типа установления «истинно демократического» строя. Факты говорят о другом.

В опубликованном в мае 2001 года докладе «комиссии Чейни», которой было поручено определить условия надежной энергетической безопасности США и рекомендации которой были положены в основу энергетической стратегии страны, признавалось, что США, которые поглощают три четверти добываемой в мире нефти, «вступили в полосу энергетического кризиса» и что нефть следует сделать «приоритетом внешней и торговой политики, уделить особое внимание России, Центральной Азии, Каспию, странам залива, а также Западной Африки». Американскими экспертами отмечается, что в 2003 году США импортировали 55 процентов используемой нефти. К 2020 году эта зависимость может вырасти до 70 процентов, из них около 50 процентов составит ближневосточная нефть. Как в этих условиях обеспечить энергетическую безопасность? Рекомендации экспертов, по существу, безальтернативны: США должны «постараться улучшить отношения с мусульманским миром», найти решение арабо-израильского конфликта, «заняться демократизацией арабского мира, а также успешно бороться с радикальным исламом». Едва ли это не полное содержание официальной американской доктрины «демократизации» ББВ!

Разумеется, нефть не единственный стимул, которым руководствуется Вашингтон. Среди других важное место занимают геополитические интересы и военно-стратегические соображения, обеспечение «управляемости» региона и создание здесь политического климата, благоприятного для глобального лидерства США, борьба с международным терроризмом, укрепление режима нераспространения ОМУ, перестройка системы взаимоотношений в рамках мирового сообщества.

Каковы же предварительные итоги реализации американской стратегии «демократизации» и реформирования ББВ?

Первое. Деятельность США по «демократизации» ББВ, которая, по большому счету, ничего нового в мировую практику не внесла (по существу, используется старая британская политика на раскол племен и народов и передел сфер влияния), привела к усилению нестабильности в регионе. Нарастают опасения государств за свою независимость, боязнь агрессии со стороны супердержавы, возглавившей «новый крестовый поход» на Ближний Восток, усиливается радикализация политической жизни стран региона, все большее влияние приобретают воинственные исламистские движения, возросли масштабы террористических проявлений.

Второе. Создается прецедент передела нефтяных ресурсов. Это наглядно проявляется в Ираке, где доминирующее положение обеспечено американским компаниям. Но и другие нефтедобывающие страны региона опасаются ограничения самостоятельности и притеснений в сфере их энергетической политики, дальнейшей экспансии в регионе американских компаний, экспансии, подкрепленной, как и всегда было в мировой истории, штыками.

Третье. Неоднозначные процессы были инициированы американской доктриной демократизации ББВ в Европе. Конфликт вокруг Ирака внес серьезные раздоры в еще недавно монолитный евроатлантический союз. Европа разделилась на «старую» и «новую». К «новой» Европе, поддержавшей воинственную политику США, отнесены восточноевропейские страны и страны Балтии. Прием их в НАТО и ЕС заметно усилил позиции США в Европе, послужил катализатором для ускорения «американизации» этих союзов.

Четвертое. Реализация доктрины модернизации ББВ, особенно события в Ираке, подстегнули процесс реформирования ООН и перестройки системы международных отношений, но не совсем в ту сторону, в которую хотелось бы Вашингтону. США, конечно, извлекли уроки из иракского кризиса, стали осознавать, что «ковбойские» методы мало пригодны для современного мира и что роль вселенского лидера, на которую претендуют США, требует не столько силы, сколько выдержки и глубокой проработки стратегии. Саммит-2005 в ходе 60-й сессии Генассамблеи ООН подтвердил безальтернативность этой универсальной международной организации, верность всех ее членов основополагающим принципам ООН, хотя и признана необходимость ее реформирования с учетом реалий сегодняшнего дня.

Однако это не означает, что Вашингтон смирился с приоритетной ролью ООН и Совета Безопасности в поддержании глобальной безопасности, в миротворчестве и миростроительстве. Наученные опытом Ирака, США не пойдут на полный слом этой организации, но и не отступят от планов перестройки этого всемирного института в нужном им направлении.

Пятое. Вашингтону не удалось добиться особых успехов в области нераспространения ядерного оружия. Относительным успехом можно считать отказ Ливии от своих программ, связанных с ОМУ. Но те события, которые разворачиваются вокруг ядерной программы Ирана, ставят под серьезную угрозу Договор о нераспространении, и США вносят в это свой негативный вклад. Политикой, основанной на силовых методах, они провоцируют стремление государств региона обеспечивать свою безопасность всеми доступными средствами, включая обладание собственным ядерным оружием.

Шестое, и самое главное. США инициировали запуск механизма исламского радикализма по всему миру, вооружили исламских радика-

лов убедительной конкретикой. Заложена фундаментальная основа для длительного идеологического противостояния, не ограниченного рамками региона, противостояния между цивилизациями, которое может стать намного более опасным, чем идеологическая конфронтация между Западом и Востоком времен «холодной войны». Волна масштабных террористических актов, прокатившаяся по Европе и другим континентам, неадекватная, казалось бы, реакция исламского мира на публикации карикатур, напрямую связана с политикой Вашингтона в регионе ББВ.

Какие выводы можно сделать на основе предварительных итогов «демократизации» ББВ?

- 1. Реформирование ББВ остается для США приоритетной задачей. Ближайшими целями являются: стабилизация в Ираке, ближневосточное урегулирование, давление на Сирию и Иран, которые выставляются в глазах мирового сообщества как главные спонсоры террористических организаций, ускорение реформ в странах союзниках Вашингтона (Египет, Саудовская Аравия и др.).
- 2. Главным стимулом политики США на БВВ на ближайшую перспективу останется нефть. Выступая с ежегодным докладом Конгрессу о положении в стране 1 февраля 2006 года, президент США поставил цель уменьшить зависимость США от ближневосточной нефти на 25 процентов к 2025 году, что лишний раз подтверждает этот вывод.
- 3. Действия США по внедрению демократизации пока не дали желаемых результатов. Даже президент США Дж. Буш признал, что в результате проведенных в 2005 году демократических выборов в Иране, Ливане и Палестинской автономии к власти пришли представители враждебных Западу исламских движений (президент Ирана Ахмадинежад, движения «Хезболла» в Ливане и ХАМАС в Палестине). Дальнейшая радикализация региона представляется вполне возможной.
- 4. Продолжается милитаризация региона. Военное присутствие США в регионе не только самое мощное по сравнению с другими районами заморского базирования, но и постоянно наращивается. За последние годы обозначились новые территории базирования Афганистан, Ирак, южные страны СНГ, освоена их оперативная инфраструктура, проводится подготовка театра к быстрой переброске в регион американских войск в случае обострения здесь обстановки. Все активнее действует в регионе и Североатлантический альянс. Наращивают усилия в военном отношении и страны региона Турция, Пакистан, Израиль, Иран, Саудовская Аравия, Египет и др.
- 5. Ирак останется первоочередной проблемой в преобразовательной деятельности США в регионе. Развитие событий показывает, что США основательно увязли в этой стране. Между тем в ноябре 2006 года предстоят выборы в Конгресс США, и республиканцы могут потерять ны-

нешнее большинство среди законодателей. Не за горами и президентские выборы - 2008. Избирателей необходимо убедить в том, что принесенные жертвы, гибель нескольких тысяч молодых американцев, были не напрасными.

- 6. Что касается дальнейших объектов «демократизации» ББВ, то первоочередными «претендентами» на эту роль в Вашингтоне рассматривают Иран и Сирию. Не исключено и военное вмешательство в Иране, который на сегодня рассматривается как главная угроза для США.
- 7. Особая роль в планах модернизации ББВ отводится Центральной Азии и Южному Кавказу. Растут опасения, что этот регион, который мог бы стать регионом сотрудничества России и США, может стать регионом соперничества. Инициируются процессы, направленные на ослабление российского влияния и постепенное выдавливание России из региона. Особенно это заметно на примере Грузии, которая стремится стать форпостом продвижения американского влияния и играть роль стратегического плацдарма США, используемого в планах модернизации ББВ и в других военно-стратегических целях.
- 8. Последовательно реализуемая Вашингтоном доктрина модернизации ББВ укладывается в общую концепцию строительства однополярного мира с американским лидерством. Но беспредельное доминирование США «по полному спектру» не только вносит в мировую политику элемент непредсказуемости, чревато опасностью принятия авантюрных решений, негативные последствия которых придется устранять многим странам, но и несет в себе ущемление их суверенитета.
- 9. Для России важно, чтобы прилегающий к ее южным границам регион ББВ был регионом мира и стабильности, а политика его стран предсказуема и дружелюбна по отношению к России. Реальная и ненасильственная демократизация ББВ в интересах России, и в этой области существует достаточный потенциал сотрудничества с Соединенными Штатами и европейскими странами. Провал планов модернизации ББВ, в том числе крах американской политики в Ираке, не принесет выгод никому. Это привело бы к образованию у наших южных границ зоны перманентной нестабильности, инкубатора многих угроз.

Именно под таким углом зрения надо рассматривать инициативы российского руководства, направленные на политическое разрешение ситуации вокруг ядерной программы Ирана и по спасению плана ближневосточного урегулирования, зашедшего в тупик после победы на парламентских выборах в Палестине движения ХАМАС. Именно этим целям служат трудные переговоры с Ираном относительно создания на территории России предприятия по обогащению урана для иранской ядерной энергетики и приглашение лидеров ХАМАС в Москву. При этом позиции России на этих переговорах четко определены: Иран имеет право на развитие собственной ядерной энергетики под контролем

МАГАТЭ, но создание им ядерного оружия недопустимо. В палестиноизраильском конфликте Россия также твердо отстаивает те принципы, которые одобрены «четверкой»: признание Государства Израиль, выполнение ранее заключенных соглашений между Израилем и Палестиной, прекращение вооруженной борьбы.

Обвинения России в том, что она использует в своих интересах благоприятную для нее политическую конъюнктуру в связи с усилением антизападных настроений в мусульманском мире, несостоятельны. Сегодня мир в связи с ситуацией на Ближнем Востоке вновь поставлен перед выбором: война или трудный политический диалог. И Россия остается одним из немногих каналов, использование которого еще может предотвратить крайне опасное для всего мира военное решение иранской ядерной проблемы, возвратить палестино-израильский конфликт в политическое русло, способствовать умиротворению подошедших к критической черте волнений в мусульманском мире.

Большой Ближний Восток переполнен горючим материалом, воспламенению которого способствовала и проводимая Вашингтоном непродуманная политика «демократизации», поддержанная силой оружия. События последнего времени наглядно показывают, насколько хрупок мир, как легко сломать устоявшийся мирный порядок даже неосторожными высказываниями и действиями отдельных личностей, СМИ, организаций, государств и как легко и быстро пламя пожара, пока еще только тлеющего в регионе БВВ, может разрастись и перекинуться на другие регионы. Поэтому усилия России по мирному разрешению обостряющихся ближневосточных проблем в интересах всего мирового сообщества.

> «Российская Федерация сегодня» №5 – 2006 г.

ТЕПЛЫЙ ГАЗ С ВОСТОКА И ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР С ЗАПАДА

«В прошлом году украинские «оранжевые» революционеры вернули долг своим западным спонсорам, в угоду американской стратегии переключив направление потока на противоположное в нефтепроводе Одесса — Броды. Примерно в то же самое время Америка и Великобритания злорадствовали по поводу завершения строительства нефтепровода Баку — Джейхан, который исключает Россию из экспорта каспийской нефти. Затем они объявили о транскаспийском газопроводе, по которому природный газ Средней Азии будет транспортироваться на Запад, минуя территорию России, не говоря уже о том, чтобы платить Путину транзитную пошлину. Запад, а не россияне диктует глобальную трубопроводную политику. В действительности Запад наступает, в то время как российские войска уходят с Кавказа и из Средней Азии. «Газпром» увеличивает цены для бывших советских республик, чтобы компенсировать утрату Москвой геополитической значимости».

Это не цитата из выступления одного из депутатов Госдумы и не отрывок предвыборной агитации патриотов — это размышления одного из наиболее трезвомыслящих европейских экспертов Марка Алмонда, статью которого «Россия отступает» опубликовала английская газета «The Guardian». Несмотря на некоторые фактические неточности цитаты, мы приводим ее без купюр. Поводом для такой оценки послужили события, развернувшиеся вокруг поставок российского газа в Европу. Полное драматизма противостояние России и Украины по вопросу поставок газа вызвало крайне болезненную реакцию в Европе, где и на официальном уровне, и в кулуарных беседах все чаще говорят о нашей стране как о неблагонадежном партнере. Между тем представляется, что вся шумиха, поднятая вокруг действий России на Украине, — лишь часть большой игры Запада, целью которой является сведение к минимуму политических последствий расширения присутствия России на энергетическом рынке Европы.

«Верхушкой айсберга» российско-украинского конфликта стало стремление «Газпрома» в рамках проводимой им политики перевода

торговли газом на постсоветском пространстве на рыночные рельсы повысить цены на «голубое топливо» для Украины до 230 долл. за тысячу кубометров. Де-юре конфликт был разрешен после заключения 4 января 2006 г. между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины» договора на поставку и транзит газа. Однако де-факто он продолжается и по сей день, особенно активно Украина начала воровать газ с наступлением январских холодов.

В настоящее время основные дискуссии идут вокруг вопроса о том, кому заключенный в самом начале года компромисс больше выгоден. Однако, на наш взгляд, гораздо большую значимость имеет другой вопрос, а именно: в какой мере «газовая война» явилась отражением конфликта интересов ключевых геополитических игроков, которые немедленно и очень умело использовали газовую проблематику в политических целях?

Что же получила в результате «газового противостояния» Россия? Вопервых, добилась определенных положительных результатов для своей газовой монополии («Газпром» перешел на рыночные отношения со странами СНГ в газовой сфере), а также ликвидировала бартерные схемы расчетов с Украиной. Во-вторых, субсидирование соседей по СНГ давно стало не только одним из основных финансовых барьеров для «Газпрома», но и фактически привело к тому, что в глазах партнеров по СНГ Москва стала своего рода «дойной коровой», за спиной которой (пользуясь дешевыми энергоносителями) можно осуществлять любые акции, в том числе направленные против России. В этом свете решение «Газпрома» о переходе на новые ценовые показатели в целом находится в рамках той внешнеполитической линии, которую проводит Россия на постсоветском пространстве, а применение газового рычага как орудия политического давления выглядит правомерно. Это, безусловно, плюсы.

Но есть и минусы. В частности, о России стали говорить как о ненадежном и непредсказуемом партнере для Запада. Переведя стрелки ответственности за происшедшее с руководства «Газпрома» на Кремль, западные СМИ начали разыгрывать карту превентивного давления на В. Путина в качестве председателя «большой восьмерки» в силу очевидной, по мнению Запада, политической направленности принятия решений в энергетической сфере. Кроме того, развитие газового конфликта показало слабость политических позиций России в диалоге с Западом.

Для понимания ситуации нелишним будет обратиться к истокам газового конфликта России и Украины. Приблизительно с середины 2005 г. Киев при поддержке Запада, подчеркивавшего свою благосклонность к идущим вразрез с интересами России инициативам нового политического руководства Украины, начал раскручивать маховик газового противостояния с Москвой. Украинские правители подвергли сомнению ряд проектов, непосредственно затрагивающих интересы «Газпрома».

При этом отказ от бартера и переход на рыночные отношения при транзите российского газа через территорию Украины в Европу был впервые предложен именно украинской стороной, желающей продемонстрировать Евросоюзу стремление жить по общемировым экономическим стандартам. Поддавшись на это, «Газпром» позволил втянуть себя в «газовую войну» и тем самым существенно потерял в глазах своих европейских партнеров. Несомненной ошибкой «Газпрома» в этой связи стало использование потенциала Президента России, что дало возможность широкому кругу аналитиков интерпретировать данный конфликт как проявление «имперских амбиций» Кремля.

Таким образом, ЕС получил мощный рычаг давления на Россию, чем не преминул воспользоваться. Несмотря на сдержанность формулировок, официальные лица Евросоюза дали понять, что не допустят усиления позиций России на Украине.

Уже тот факт, что подписание договора между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины» произошло в авральном режиме в ночь с 3 на 4 января, позволяет предположить, что данное решение было навязано «Газпрому» и приурочено к намеченному на 4 января экстренному заседанию Еврокомиссии, посвященному рассмотрению ситуации в сфере газовых поставок. Это скорее всего объясняется тем, что основные консультации по газовой проблематике велись между Россией и ЕС на неофициальном уровне и Москва была поставлена в известность о готовящихся жестких мерах со стороны Евросоюза в случае неподписания контракта.

Не исключено, что определенное влияние на исход конфликта оказала и жесткая позиция США, которые, не опасаясь в отличие от Европы возможных газовых санкций со стороны Москвы, фактически явились публичными выразителями обобщенной позиции Запада в отношении России. Так, госсекретарь США К.Райс заявила, что противостояние между Москвой и Киевом объясняется в первую очередь политическими претензиями Кремля и поведение России в ходе конфликта не соответствует ее статусу председателя «большой восьмерки». «Россия использовала газ и его поставки Украине как элемент политического давления», заявил на днях и заместитель госсекретаря США по вопросам европейских и евро-азиатских дел Д.Фрид. Дипломат все же признал, что Россия всегда будет очень важным поставщиком газа для Украины. Однако, по его словам, энергетическая безопасность сегодня «требует диверсификации поставщиков и видов энергии». «Этот вопрос – поле общих интересов Украины, США, Европы и России», - заявил Фрид и добавил, что Иран для Украины – не первый адрес надежных поставок газа.

В этой связи встает вопрос: как скажется газовый конфликт на дальнейшем развитии взаимоотношений между ведущими игроками на геополитической арене?

Как уже отмечалось, шаги, предпринятые «Газпромом» в отношении Киева, неоднозначно восприняты в Евросоюзе. Достаточно хотя бы мельком пробежать заголовки статей ведущих мировых СМИ для того, чтобы понять: одни понимают Россию, другие серьезно напуганы позицией Москвы. Рассмотрим позиции последних.

В политических, экономических и экспертных кругах Европы становится все больше сторонников проведения новой совместной политики в области энергетики, которая предполагает уменьшение влияния России на энергобезопасность ЕС. Формальные возможности для этого существуют. В частности, согласно оценкам брюссельского Центра европейских политических исследований (CEPS), из 525 млрд. кубометров газа, которые должны быть поставлены в Европу в 2020 г., 400 млрд. кубометров еще не оформлены договорами, в том числе значительная часть будущих поставок из России, намеревающейся обеспечить до 50 процентов потребностей ЕС в газе. Таким образом, Европа оставляет себе пространство для маневра и попытается использовать имеющийся у нее временной задел для того, чтобы избавиться от энергетической зависимости от России, хотя достижение данной цели будет сопряжено со значительными трудностями.

Основных путей снижения энергозависимости от России у Запада два: во-первых, это создание новых энергосберегающих технологий и распространение альтернативных источников энергии и, во-вторых, диверсификация поставок углеводородов. Европейцы уже давно пытаются решить проблему уменьшения энергозависимости от России. На состоявшейся еще в сентябре 2005 г. в Страсбурге сессии Европарламента комиссар по энергетике Андрис Пиебалгс представил план действий, направленных на то, чтобы к 2020 г. сократить на 20 процентов объемы потребления ЕС нефти и газа. Основными положениями этого плана стали развитие энергосберегающих технологий, стимулирование инвестиций в нефтепереработку, а также замена традиционных источников энергии на альтернативные. В качестве наиболее перспективных направлений в первую очередь рассматриваются биоэнергетика и строительство ядерных тепловых станций, интерес к которым в Европе вновь возрос. То обстоятельство, что в 2006 г. председательствовать в Евросоюзе будут Австрия и Финляндия – европейские лидеры по использованию альтернативных источников энергии (доля возобновляемых источников в энергобалансе этих стран в 2004 г. достигла 20,34 процента и 21,76 процента соответственно), - только подстегнет обсуждение этого вопроса в Западной Европе.

В то же время неурегулированность многих вопросов в рамках ЕС, а также расширение данной организации и включение в ее состав новых стран, в которых программы создания альтернативных источников энергетики находятся в зачаточном состоянии, не позволяют рассчиты-

вать на то, что в течение ближайшего времени на рынке объединенной Европы будет найдена альтернатива нефти и газу. Кроме того, до сих пор реализация конкретных проектов по внедрению альтернативных источников энергии в Европе ведется в основном на уровне национальных экономик. Некоторые шаги по решению данного вопроса на уровне Евросоюза стали предприниматься только в последнее время. Не стоит также забывать и о росте активности международных террористических организаций на Европейском континенте, что станет существенным аргументом для противников развития атомной энергетики.

В плане диверсификации поставок основные надежды европейские потребители связывают с увеличением доли в энергетическом балансе нефти и газа Северной Африки, а также государств Каспийского региона, Центральной и Средней Азии и Ближнего Востока. Но ситуация в Ближневосточном регионе порождает целый ряд политических и военных рисков, препятствующих реализации планов Запада на данном направлении.

Таким образом, пока трудно говорить о существовании реальных угроз (по крайней мере в обозримом будущем) снижения доли российских углеводородов на европейском рынке, что позволило бы Западу занять более жесткую позицию в отношении России. Однако стремление освободиться от ведущей роли России в энергетической сфере налицо, и не исключено, что и США, и ЕС готовы пойти на определенные политические и экономические издержки. В этой связи представляется, что эскалация именно сегодня обстановки вокруг Ирана, которая может перерасти в военный конфликт, на руку Западу, так как контроль над Тегераном является одним из наиболее надежных механизмов обеспечения диверсификации поставок углеводородов.

Другим важным следствием газового кризиса, вероятно, станет существенное осложнение отношений в рамках СНГ. Перевод экономических отношений между Россией и ближайшими соседями на «рыночные рельсы» дал дополнительные основания для их политической переориентации на Запад. В первую очередь это относится к Украине, которая, думается, скорее не по собственной инициативе, а под чью-то диктовку инициировала «газовую войну», чтобы, судя по всему, активизировать движение в сторону НАТО при поддержке со стороны США и других ключевых стран альянса. Эти же настроения превалируют и в Грузии, которая использовала срыв поставок газа, произошедший в результате террористического акта на магистральном газопроводе, для разжигания антироссийской истерии, одним из важных последствий которой призвано стать ускорение процесса вывода российских военных баз из Батуми и Ахалкалаки. Единодушие Запада по вопросу российско-украинского газового противостояния уже побудило Саакашвили, который привык действовать как не умеющий постоять за себя мальчишка, ищущий помощи у дворового «авторитета», выступить с заявлением, что ЕС должен поддержать Грузию и создать преграду для «захватнических действий» со стороны России.

Можно также предположить, что Запад активизирует усилия по вовлечению в орбиту своего влияния государств Центральной и Средней Азии, чтобы не только «выбить почву» из-под ног «Газпрома», в экспортных схемах которого центрально-азиатский газ является ключевым звеном, но и сделать важный шаг к выстраиванию геополитической и геоэкономической оси, связывающей Среднеазиатский и Каспийский регионы с рынками Европы в обход России.

В итоге, анализируя позиции сторон в отношении «газового кризиса», приходится констатировать, что, казалось бы, навсегда ушедшая в историю после крушения СССР тема противостояния России и Запада вновь выходит на первый план. Ведь ту бурную реакцию, которую вызвало на Западе поведение российского газового концерна, иначе как рецидивом «холодной войны» не назовешь.

Между тем, как отметил на состоявшемся в январе 2006 года в Берлине энергетическом конгрессе председатель правления крупнейшей немецкой газовой компании E.ON Ruhrgas Буркхард Бергманн, Россия свыше 30 лет является поставщиком газа в Европу, и за эти годы зарекомендовала себя в качестве надежного партнера. И никаких оснований для такой резкой реакции Запада на то, что Россия наконец решилась перевести свои отношения с партнерами по СНГ на рыночные рельсы, нет.

В этой связи вызывает удивление то усердие (за редким исключением), с каким западная пресса, очевидно, подстегиваемая заинтересованными политическими кругами, принялась обливать Россию грязью за недопоставки газа. Невольно создается ощущение, что шумиха, поднятая в Европе в отношении угроз, якобы исходящих от России, имеет целью возродить ту атмосферу «холодной войны» и недоверия, разрушить которую в том числе были призваны и последние инициативы Москвы в области энергобезопасности. И, как отмечает в своей статье Марк Алмонд, «десятилетиями дующий в сторону Кремля холодный ветер попрежнему приходит с Запада».

«Российская Федерация сегодня» №3 – 2006 г.

ЕДИНОЛИЧНЫЕ РЕШЕНИЯ ВАШИНГТОНА

Перспективы американо-индийского стратегического партнерства и интересы России

Соглашение по сотрудничеству в области ядерной энергетики, достигнутое между США и Индией в ходе визита президента Дж. Буша в эту страну, и ряд договоренностей по расширению военно-технического сотрудничества между ними со всей определенностью подтвердили взаимное стремление Вашингтона и Нью-Дели к укреплению отношений стратегического партнерства, приданию им нового импульса.

Особое значение в свете этих устремлений имеет соглашение по ядерной энергетике, которое влечет ряд серьезных последствий, касается интересов многих стран и в целом мирового сообщества. Неоспорима, в частности, геополитическая нагрузка этого масштабного проекта. Он серьезно затрагивает такие глобальные проблемы, как мировая энергетика, отношения с мусульманским миром, с развивающимися экономиками Азии и др. Его вполне можно расценивать и как крутой поворот в региональной политике Вашингтона, долгое время делавшего ставку на Пакистан как своего главного союзника. Но главный союзник утратил доверие Вашингтона после скандала с передачей недружественным США странам — Ливии, Ирану, КНДР — атомных секретов, связанного с пакистанским ученым-атомщиком Абдул Кадир Ханом, и фактической потери управления рядом провинций страны, где наиболее сильно влияние исламистов.

Важные нюансы вносит и тот факт, что этот долговременный энергетический проект заключен с Индией — крупнейшей страной, наиболее продвинутой среди стран Азиатского континента в демократическом развитии, с ответственной политической элитой, быстро развивающейся экономикой, занимающей четвертое место среди ведущих экономик

мира. Индия уже в ближайшее время может быть принята в состав «большой восьмерки». Она является одним из главных претендентов на включение в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Наиболее серьезные последствия заключенное соглашение несет для режима нераспространения ядерного оружия, международно-правовой основой которого служит Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу 5 марта 1970 года. Индия, не подписавшая ДНЯО (как и Пакистан, и Израиль), является сегодня ядерным государством де-факто. А индийско-американское соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере — шаг в направлении международного юридического признания Индии как ядерного государства, полноправного члена клуба ядерных государств мира.

Надо отметить, что Индия в последнее время, не без помощи других ведущих государств мира, в том числе ядерных — США, Франции, России, предприняла ряд других шагов, направленных на легитимизацию ее как ядерной державы. Среди них — соглашение по сотрудничеству в ядерной энергетике с Францией (февраль с. г.). США и Канада сняли ограничения на поставки уранового топлива в Индию. В конце 2005 года Индия принята в международный проект ITER по созданию экспериментального термоядерного реактора (участники проекта — Россия, США, КНР, ЕС, Япония, Южная Корея). Россия давно участвует в строительстве двух блоков АЭС в Куданкуламе на юге страны со сроками пуска 2007—2008 годы.

Какое влияние эти договоренности и продвижение Индии к международной легитимизации своего ядерного статуса окажут на режим нераспространения ядерного оружия? Гендиректор МАГАТЭ эль-Барадей, приветствуя согласие Индии поставить под международный контроль некоторые свои ядерные объекты, считает, что этот шаг будет способствовать нераспространению ядерного оружия и консолидации усилий в борьбе с терроризмом. Об этом же твердит президент США Дж. Буш.

Однако на деле не все так гладко. Индия намерена ставить под контроль МАГАТЭ только мирные объекты, перечень которых она определит сама. Стратегические (военные) объекты и ее военные ядерные программы останутся вне международного контроля.

А это значит, что, по существу, США дали добро на развитие Индией своего военного ядерного компонента вне международного контроля. Грань между мирной ядерной энергетикой и военными ядерными программами очень размытая (о чем мир наслышан в связи с ядерными программами Северной Кореи и Ирана), и американские ядерные технологии могут способствовать не только развитию мирной энергетики,

но и военных программ. США, заключая соглашение с Индией, нарушают требования ДНЯО, правила Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и собственное законодательство, которое запрещает поставки ядерных технологий и материалов в страны, не подписавшие ДНЯО и не охваченные всесторонними гарантиями МАГАТЭ. Утверждения о том, что допуск инспекций МАГАТЭ на ряд объектов ядерной инфраструктуры Индии укрепляет режим нераспространения, — это скорее пропагандистская уловка, призванная облегчить одобрение сделки Конгрессом США, где немало ее противников. Они считают, что это соглашение подрывает существующий режим нераспространения, допускает опасный перекос в американской ядерной политике, вносит серьезный дисбаланс в отношения между странами региона, лишает Америку морального права требовать от других стран выполнения ДНЯО. Создается весьма опасный прецедент.

Такой вопрос уже поднимается, в частности, со стороны Пакистана. И хотя для этой страны, как выразилась Кондолиза Райс, время для заключения подобных сделок в ядерной сфере «еще не наступило», однако проблема остается открытой. Приходится считаться и с тем, что в Пакистане весьма сильны позиции исламских фундаменталистов, и нельзя исключать возможности попадания ядерного оружия в их руки. Такой вариант представляет вполне реальную угрозу не только для Индии, но и для многих других стран. Фактическое признание Соединенными Штатами ядерного статуса Индии отнюдь не ослабляет эту угрозу.

Еще более сложное положение, грозящее новой войной в непосредственной близости от границ и России, и Индии, складывается вокруг Ирана. Ядерная сделка между США и Индией усиливает взрывоопасность ситуации. Действительно, Вашингтон, в обход требований ДНЯО, делает исключение для Индии. А вокруг Ирана, члена ДНЯО со всеми вытекающими отсюда обязательствами, сотрудничающего с МАГАТЭ, нагнетается напряженная обстановка, вплоть до угрозы военного вмешательства. Двойные стандарты относительно национальных ядерных программ являются одним из побудительных мотивов роста напряженности в регионе и возникновения новых конфликтов. Но Вашингтон еще раз показывает, что для него гораздо важнее собственные интересы и интересы американского большого бизнеса.

В частности, заключив соглашение с Индией, США решили для себя несколько важных задач.

Во-первых, США рассчитывают на расширение политического взаимодействия с нею. Как недвусмысленно заявил Дж.Буш, он ожидает, что Индия выступит в едином строю с Америкой за глобальное распро-

странение свободы. На языке практической политики это означает, что Вашингтон делает ставку на активную роль Нью-Дели в противодействии экономической и военно-политической мощи Китая, создает надежный противовес растущему влиянию Китая в АТР и на мировой арене. Возможно говорить и о расчетах американской администрации на то, что «великая азиатская демократия» окажет содействие планам США по снижению российского влияния на государства Центральной Азии за счет переориентации их экономических связей на Индию. Да и в обостряющихся отношениях США и других развитых западных стран с миром ислама, прежде всего с арабскими странами, с довольно опасными перспективами их дальнейшего развития (вплоть до предсказываемой некоторыми экспертами «войны цивилизаций») важно иметь на своей стороне такого союзника, как Индия, и использовать ее возможности для стабилизации и налаживания отношений с мусульманским миром. Этот фактор, думается, особенно важен для США, с учетом тех неудач, которые пока терпит их стратегическая концепция демократизации Большого Ближнего Востока.

Во-вторых, американский бизнес на долгие годы застолбил за собой весьма перспективный рынок ядерной энергетики Индии. Сегодня атомные электростанции Индии обеспечивают около 3 процентов потребностей страны в электроэнергии. Поставлена задача к 2050 году довести долю АЭС до 25 процентов. А если учесть, что за эти годы энергопотребление страны значительно вырастет, то индийский рынок ядерной энергетики становится еще более прибыльным. Соглашение между США и Индией существенно ограничит возможности на этом рынке других стран, прежде всего России, которая до сих пор была единственной страной, работающей в ядерной энергетической сфере Индии.

В-третьих, переструктуризация энергетического сектора Индии с резким увеличением в нем доли ядерной энергетики ослабит зависимость страны от поставок нефти и газа из Ирана и будет способствовать его изоляции и ослаблению.

В-четвертых, перевод значительной части быстрорастущей и объемной экономики Индии на ядерные источники энергии позволит сократить общемировое потребление нефти и газа и, следовательно, снизить мировые цены на них или в крайнем случае не допустить их запредельного роста, способного подорвать американскую и мировую экономику.

В-пятых, важные особенности курс на стратегическое партнерство Вашингтона и Нью-Дели вносит в индо-пакистанские отношения. Повышаются возможности и роль Вашингтона как третейского судьи, его

влияние на динамику и урегулирование застарелого, продолжающегося более полувека конфликта между этими странами. Вашингтон, поддерживая в большей степени Индию, но и не порывая отношений с Пакистаном, удерживает Исламабад от каких-либо непродуманных действий, направленных против Индии и обостряющих ситуацию между двумя ядерными державами. С другой стороны, Исламабад рассматривает решение США о снятии с Индии некоторых ограничений в ядерной сфере как дискриминационное, нарушающее сложившийся баланс и ущемляющее интересы безопасности Пакистана, что не может не сказаться отрицательно на отношениях Исламабада и Нью-Дели.

В-шестых, США, поставляя ядерные технологии и ядерное топливо, участвуя в строительстве объектов ядерной энергетики Индии, будут получать эксклюзивную информацию, касающуюся ядерной сферы страны, что позволяет им установить собственный контроль над ядерными программами Индии, и не только мирными, но в известном смысле и над военными. И не просто контроль — они получают возможность оказывать на них непосредственное влияние.

В-седьмых, США делают серьезный шаг по пути пересмотра режима нераспространения с учетом интересов США как державы, стремящейся к мировому лидерству, которая по их логике должна иметь право единолично принимать решения в отношении политики любой страны мира, и не только в ядерной сфере.

Некоторые эксперты считают, что активность США на индийском векторе приносит искомый результат, и Дели постепенно переориентирует свой внешнеполитический курс в американском направлении. Но нельзя не видеть и того, что Индия все больше стремится проводить независимую политику, ставя во главу угла собственные национальные интересы и, исходя из них, выстраивая свои отношения с Соединенными Штатами, Россией, Китаем и другими государствами.

Резюмируя, надо признать, что происходящая активизация американо-индийского сотрудничества по своим последствиям для российских интересов представляется весьма неоднозначной. Соглашение в ядерной сфере не только само по себе инициирует целый ряд факторов, касающихся в том числе и России, но и фактически знаменует собой кардинальный поворот во взаимоотношениях Вашингтона и Нью-Дели.

В этой меняющейся обстановке России важно найти правильные ответы и выработать оптимальные позиции по ряду важных вопросов.

Первое. Индо-американское соглашение по ядерной энергетике в перспективе расширяет и для России возможности по поставкам ядерного топлива и высокотехнологичного оборудования в этой капи-

талоемкой отрасли. Но перед Россией остро встает вопрос: как сохранить позиции на многообещающих индийских рынках ядерной энергетики и ядерных технологий, вооружений в условиях жесткой конкуренции с западными странами, прежде всего с Соединенными Штатами, которые взяли курс на завоевание лидирующих позиций на этих рынках? Эта конкуренция будет наиболее острой как раз в тех немногих высокотехнологичных областях, где Россия пока сохраняет достаточный потенциал: ядерная энергетика, военно-техническая сфера, космос. По словам представителей российского руководства, Россия может увеличить ежегодный взаимный товарооборот с Индией с 2 млрд. долл. (итоги 2005 г.) до 8-10 млрд. долл., хотя, честно говоря, эти прогнозы представляются чрезмерно оптимистическими. Для сравнения: двусторонний товарооборот США с Индией достигает 25 млрд. долл. в год, и его планируется удвоить в течение ближайших трех лет. Ежегодный торговый оборот с Китаем – 18 млрд. долл. Франция поставила задачу в течение ближайших пяти лет удвоить товарооборот с Индией, доведя его до 7 млрд. евро.

Второе. России надо заблаговременно продумать свою позицию в отношении легитимизации ядерного статуса Индии. Проблема непростая. С одной стороны, Индия де-факто является «незаконной» ядерной державой, но ставить вопрос о ее ядерном разоружении, даже в региональном контексте (например, в рамках безъядерной зоны в регионе Большого Ближнего Востока и Южной Азии, включая Израиль и Пакистан), пока нереально. Международное закрепление ядерного статуса за этой мировой державой потребует от Индии дополнительных сдерживающих обязательств, будет способствовать повышению ее международной ответственности, сделает ее ядерные программы более открытыми и подконтрольными, что в известной меию ОМУ.

Наконец, заслуживает самого пристального, настороженного внимания развитие американо-индийского внешнеполитического взаимодействия с перспективой формирования долговременной геополитической связки, способной существенно изменить сложившуюся расстановку сил в регионе. Нельзя исключать, что активизация США в Азиатско-Тихоокеанском регионе при опоре на нашего традиционного партнера, к тому же в антикитайском ключе, будет развиваться в ущерб выстраиваемой российским руководством системе отношений на одном из важнейших и перспективнейших направлений внешней политики России.

Сегодняшний уровень российско-индийских отношений достаточно высок. Россия, вне всякого сомнения, готова поддержать многие разумные инициативы, позволяющие Индии занять подобающее этой держа-

ве место в мировом сообществе, приводящие к ослаблению конфронтационных мотивов и повышению стабильности в регионе и в мире в целом. В этой связи детальная стратегическая проработка поставленных непростых проблем, в том числе с привлечением российского экспертного сообщества, была бы крайне своевременной и полезной.

«Российская Федерация сегодня» №7 - 2006г.

ЭТА «ПРОБЛЕМНАЯ» ДЛЯ СЕБЯ И ДРУГИХ УКРАИНА

Больше месяца прошло после выборов в Верховную раду Украины, а полной ясности, какое правительство придет к власти в соседней с нами стране, нет. Однако это совсем не значит, что завтрашний день Украины непредсказуем. Он вполне вырисовывается вместе с проблемами, которые будущая власть в Киеве может создавать для своих граждан и для соседних стран.

Голосование продемонстрировало те же тенденции украинского политического процесса, что проявились раньше на президентских выборах. С одной стороны, Партия регионов Виктора Януковича из всех «прокучмовских» сил оказалась наиболее дееспособной, подтвердив свои доминирующие позиции на юго-востоке страны и получив результат, близкий к показанному ее лидером на президентских выборах. С другой — партии Ющенко («Наша Украина») и Тимошенко (Блок Юлии Тимошенко — БЮТ) вместе также собрали примерно столько же голосов, сколько Ющенко получил на президентских выборах. Таким образом, кардинальных изменений в позиции украинского электората с тех пор не произошло.

Выборы также подтвердили наличие трех Украин: на западе победил Ющенко, в центре — Тимошенко, на востоке и юге — Янукович. И в этом смысле общая картина мало изменилась по сравнению с выборами 2004 года. Причем наиболее равномерные результаты показал БЮТ, именно Тимошенко сделала заявку на роль «центра» украинского политического спектра — ее блок одержал победу в большем числе областей, чем любая другая партия.

Формирование коалиции. После оглашения итогов занявшие 2-е, 3-е и 4-е места БЮТ, «Наша Украина» и СПУ подписали протокол о порядке формирования коалиции. Проект соглашения о коалиции будет парафирован в первый день работы новоизбранного парламента (рада должна собраться до 27 мая). Само соглашение предполагается состоящим из трех частей: программные основы, регламент коалиции и распределение сфер ответственности. Перед формированием

Кабинета министров должно быть принято решение относительно основ внутренней и внешней политики Украины, затем будет согласована процедура формирования руководства Верховной рады, состава комитетов и их руководителей. И лишь потом коалиция сформирует правительство.

Нерешенным, однако, остается самый важный вопрос: кто станет новым премьер-министром, который, согласно новой Конституции страны, будет играть ключевую роль в управлении государством за счет существенного сужения полномочий президента? Основным претендентом на этот пост остается Тимошенко как лидер партии, набравшей наибольшее число голосов среди всех членов коалиции. С этим, однако, не согласны Ющенко и политсовет «Нашей Украины», поскольку, по оценке многих украинских политиков, в этом случае резко возрастает риск политической и экономической дестабилизации на Украине: Тимошенко – человек очень конфликтный, и не исключено, что в случае ее назначения возобновятся клановые войны, вновь будут приниматься спорные экономические, зачастую популистские меры, что вызовет новое разочарование инвесторов. Против Тимошенко выступает и наиболее влиятельная часть окружения Ющенко. Таким образом, имя нового премьера станет известно не раньше конца мая - начала июня.

Следует также иметь в виду, что подписанный БЮТ, «Нашей Украиной» и СПУ протокол о порядке формирования коалиции будет оставаться лишь декларацией до тех пор, пока депутаты рады нового созыва не принесут присягу и не подпишут этот документ. Так что существующие весьма серьезные противоречия еще могут привести к отказам от коалиции в ее нынешнем составе. В «Нашей Украине» и СПУ есть люди, желающие объединиться с Партией регионов, и они будут вести с ней сепаратные переговоры, что называется, до последнего. Партия Януковича также стремится к созданию собственной коалиции. Не исключена и такая возможность, что контроль над ситуацией будет потерян, и тогда стране грозит парламентский кризис. Несмотря на все эти сложности и независимо от того, как закончится перипетия с назначением нового премьера, наблюдатели уже сейчас высказывают предположения относительно политики будущего правительства, тем более что оно будет вынуждено достаточно строго придерживаться программы, которая, так или иначе, должна быть согласована.

Общеполитические выводы из прошедших выборов, по мнению многих экспертов, сводятся к тому, что, во-первых (и это главное), продолжается переосмысление всей украинской государственности. Этот процесс идет уже с декабря 2004 года. Из «постсоветской» Украина становится пусть еще не европейской, но уже похожей на нее в основном страной: там идет реальное становление плюрализма. Реализация внут-

ренней и внешней политики страны будет зависеть теперь уже не от воли одного президента, но и от парламента, и формируемого им правительства.

Во-вторых, новая власть будет неустойчивой: стране предстоит переход от президентской республики к парламентско-президентской, а на это обычно требуются десятилетия спокойной жизни. Тем не менее складывающийся новый строй все же удержится, хотя хрупкость коалиции станет причиной многочисленных трений и скандалов.

В-третьих, коалиционное правительство по определению тяготеет к центру. Поэтому условием его формирования станет отказ от крайностей – типа немедленного вступления в ЕС и НАТО или национализации предприятий. Во внутренней политике такая коалиционность ведет к потере динамичности, но страхует от грубых ошибок.

В-четвертых, нынешние парламентские выборы на Украине открыли бизнесу дорогу к власти. «На Украине фактически состоялась буржуазная революция», — считает председатель украинского Центра исследования политических ценностей О. Доний. По его словам, «бизнес решил брать власть в свои руки и управлять государством. Этот процесс происходил путем покупки мест в избирательных списках как в провластных, так и в оппозиционных партиях. С одной стороны, это значительно снижает моральный уровень украинской политики. С другой — такое подчинение украинских партий бизнесу дает гарантию, что апокалипсические прогнозы относительно раскола Украины не состоятся. Бизнес ищет стабильности для своего развития».

Экономическая политика нового правительства остается уравнением со многими неизвестными. Сегодня вполне очевидно намерение группировки Ющенко сохранить за собой возможность определять общую направленность политического и экономического курса страны, его идеологию и приоритеты. Ни одной из сторон не удастся сохранить свои исходные программные установки, и экономическая стратегия скорее всего будет корректироваться.

Судя по всему, многие вопросы сотрудничества с Украиной России придется решать повторно. В первую очередь речь идет о такой «взрывоопасной» проблеме, как цена на российский газ для Украины. Позиции партнеров по коалиции по этому вопросу резко расходятся, и предсказать ход развития событий не берется никто. Так что судить о том, что здесь может приобрести или потерять Россия, сейчас преждевременно.

Для оценки будущего курса украинского правительства важно отметить, что экономика Украины уже исчерпала ресурсы экстенсивного роста. Но четкая стратегия развития страны отсутствует. Во вновь создаваемую коалицию вошли приверженцы различных вариантов экономического развития. Так, президент и ряд членов его команды выступа-

ют за «растворение в Западе». Фактической целью этого проекта является ослабление экономической базы олигархической оппозиции. Для Ющенко важен приход в страну иностранного, в первую очередь американского, капитала, который менее амбициозен политически, чем отечественный бизнес. Естественным внешнеполитическим курсом для Ющенко является вступление в НАТО и ЕС. Для представителей этой группы характерно отождествление европейской и евроатлантической интеграции. Вариант Тимошенко – это популистский авторитаризм. Ее идеал – государство (с нею во главе) как главный «разводящий» и главный олигарх. Ее «коронка» – «ручное» управление экономикой. Для Тимошенко характерна система «экономического фаворитизма», когда в качестве любимчиков выступает то одна, то другая бизнес-группа. Во внешней политике – это многовекторность, челночная дипломатия, игра на противоречиях и т. п.

Таким образом, восстановление политического союза «глобалистов» и «популистов» может привести к дальнейшей эскалации экономических кризисов, обусловленных новыми торговыми войнами и бюджетным перенапряжением в силу завышенных социальных обязательств, а также дестабилизации внутреннего рынка под влиянием внешних производителей (как следствие ускоренного вступления в ВТО).

Перед Украиной стоит задача — за короткий срок сделать рывок в инвестициях и повышении производительности труда, сохраняя при этом социальный мир в обществе и единство государства. Будущее украинской экономики в грамотном решении вопроса об управлении собственностью, а значит, о допуске стратегических инвесторов в уставный капитал компаний. Как все это будет решаться, пока большой вопрос, поскольку еще нет ни правительства, ни экономической программы.

Региональный аспект политики нового правительства также очень важен для будущего страны. Ведь кризисы центральной власти неизбежно создадут почву для федералистских и сепаратистских движений в регионах. Пока все разговоры об украинском федерализме и угрозах сепаратизма носили технический характер. У этих идей не было организованных социальных носителей. Кризис центра и фактический тупик в конфликте стратегий может вооружить региональные элиты новыми аргументами за децентрализацию. В этих условиях федерализм может быть реально противопоставлен унитарности страны — Украина может столкнуться с требованием регионов о радикальной реформе государственного устройства как новой панацее.

Во внешней политике также налицо неудача в плане позиционирования страны в международных экономических и политических альянсах. Украинское руководство не смогло правильно определить характер происходящих в мире процессов специализации и кооперации в экономике и сделало несколько системных ошибок, подорвавших ее переговорные позиции как участника международной экономической кооперации. Так, неверно была оценена перспектива отношений между континентальной Европой и Россией, переоценен экономический потенциал политики «многовекторности», которая на практике свелась к тому, чтобы «вести переговоры, но избегать обязывающих соглашений», что закончилось утратой доверия к Украине как в России, так и в Европе. Не оправдала себя и ориентация Киева на ЕС как на источник стратегических инвестиций в противовес России.

При этом для США Украина не представляет особого экономического интереса. Об этом свидетельствуют скудные инвестиции американских компаний. Ядерная энергетика, связь, транзит энергоресурсов в Европу по маршруту Одесса — Броды так и остались лишь декларативным интересом со стороны компаний США. В рамках геополитической стратегии Вашингтона Украине отводится роль противовеса созданию «евразийской империи». Поэтому акцент делается на таких задачах, как превращение Украины в «экспортера демократии» на постсоветском пространстве, создание разного рода региональных антироссийских альянсов и ее вступление в НАТО как единственно возможный путь в ЕС.

В то же время в странах Старой Европы (в первую очередь в Германии и Франции) нарастает скепсис по поводу евроатлантической интеграции и недовольство «нечестной конкуренцией» со стороны США. Идея расширения европейских структур на Восток выглядит привлекательной только для неофитов Евросоюза вроде Польши, которая надеется за счет Украины увеличить свое влияние внутри ЕС. Но Союз, который, как известно, далеко не един, в первую очередь заинтересован в надежности и диверсификации поставок энергоносителей. Сохраняя риторику по поводу поддержки демократических преобразований на Украине, европейцы не торопятся открывать двери EC для новых членов. Свои энергетические и «трубопроводные» интересы Старая Европа готова променять на судьбы новых демократий. Пока ЕС не решит проблему диверсификации источников и путей поставок энергоресурсов, Украине в Европе «ничего не светит». Эксперты рассматривают перспективу более активного сближения Украины и ЕС не ранее 2018-2020 годов.

Тем не менее прозападную ориентацию Украины уже можно считать закрепленной, а потому вряд ли Россия может рассчитывать на ее возврат в свою сферу влияния (по крайней мере в ближайшее время). Отношения с Российской Федерацией новое украинское руководство рассматривает как «партнерство по принуждению». За последние два года не было выдвинуто ни одной новой инициативы и не сделано инвестиционных предложений, ориентированных на развитие рынков на постсовет-

ском пространстве. Фактически у Киева отсутствует, как таковая, собственная евразийская стратегия. Впрочем, и на западном направлении все выглядит противоречиво. Правящая элита на Украине не расчленяет евроатлантическую и европейскую стратегии, рассматривая евроатлантизм как «инструмент» вхождения в ЕС.

Что касается отношений с НАТО, то и здесь перспективы весьма туманны. Возрастающие усилия по выдавливанию Черноморского флота РФ из Севастополя, несомненно, связаны со стремлением нынешнего украинского руководства, прежде всего Ющенко, как можно скорее вступить в НАТО. Согласно уставу этой организации, на территории стран — участниц пакта не должно быть иностранных баз. Поэтому украинские власти пустились во все тяжкие. Так что не исключено, что уже в ближайшей перспективе сотрудничество с НАТО будет серьезно интенсифицировано, а украинские власти продолжат нажим на Россию, с тем чтобы вынудить Черноморский флот покинуть Севастополь.

Вступление Украины в Североатлантический блок было бы крайне неприятным событием для России, поскольку наша страна оказалась бы фактически окружена своеобразным «санитарным кордоном». В то же время следует отметить, что на сегодня 75 процентов населения Украины выступают против вхождения страны в блок, что дает России шанс при правильной и взвешенной политике в отношении соседки как минимум достаточно надолго отсрочить эту перспективу. В этой связи следует подчеркнуть нецелесообразность выхода России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, чтобы не допустить развертывания натовских ракет средней дальности в точках, где подлетное время до важнейших центров нашей страны сократится до минут.

Российско-украинские отношения. Российско-украинские отношения останутся постоянной темой как для конфликтов внутри Украины, так и между политическими группировками в России. Существенным обстоятельством при этом будет то, что украинская власть в любом варианте — и так называемом пророссийском или антироссийском — боится тесного сближения с Россией, поскольку считает российскую элиту более агрессивной и конкурентоспособной.

В этих условиях количество разделительных линий между Москвой и Киевом будет возрастать. В Единое экономическое пространство, формируемое Россией, Казахстаном и Белоруссией, Украина не собирается. Зато Киев может поддержать решение ЕС объявить Лукашенко персоной нон грата в Европе. Разгорается российско-украинская торговая война, есть и другие противоречия. А попытка определенных сил Запада втянуть Киев в НАТО создаст дополнительную напряженность между Россией и альянсом, Россией и Украиной и может, по оценке наблю-

дателей, даже создать почву для настоящего конфликта между Москвой и Киевом.

Подводя итоги, следует, видимо, согласиться с теми экспертами, которые считают, что Украина, с одной стороны, своей евроатлантической политикой резко обострила отношения с Россией и рядом стран СНГ, с другой стороны, в обозримом будущем никто Украину в Евросоюзе не ждет, а против членства в НАТО выступают три четверти населения Украины. В этих условиях Киев может оказаться в своего рода геополитическом одиночестве. Не следует ожидать, что это заставит его броситься в объятия Кремля. Скорее в этой ситуации он попытается стать самостоятельным игроком в Восточной Европе. Но насколько это удастся, сказать трудно: пока украинская правящая элита продемонстрировала полную неспособность выступать в мировой политике в качестве самостоятельного игрока.

«Российская Федерация сегодня» №9 – 2006 г.

РОССИЯ И ЗАПАД: ТРУДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Россия. Сочи. 25 мая. Вице-канцлер Австрии Хуберт Горбах (на первом плане), верховный комиссар ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана, федеральный канцлер Австрии Вольфганг Шюссель и Президент Российской Федерации Владимир Путин (слева направо на втором плане) во время подписания совместных документов.

Какой в современном глобализирующемся мире должна быть экономика России, стремящейся занять в системе мирового хозяйства достойное место, отвечающее ее статусу одного из ведущих государств мира? Четкие ее контуры обозначены в недавнем Послании Президента РФ. Во-первых, уровень экономического развития страны должен соответствовать тому месту, которое стремится занять Россия в современном мире. Необходимым условием для этого должны быть соответствующие темпы экономического роста и объем ВВП. Во-вторых, российские товары и услуги должны быть конкурентоспособными на мировых рынках. В-третьих, - и это, пожалуй, самое главное, - необходимо изменить структуру нашей экономики, придать ей инновационные качества. Россия должна в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, авиастроение, добиться повышения энергоэффективности, стать крупным экспортером интеллектуальных услуг. В-четвертых, необходимо обеспечить должный уровень экономической свободы, равные условия для всех участников экономического процесса и их неукоснительное выполнение, укрепить права собственников, будь то частные лица или государство.

Задачи объемные, и решать их приходится в условиях жесточайшего дефицита времени. Уже сегодня отставание России от США и других передовых стран мира на целом ряде направлений в сфере высоких технологий достигло опасного уровня, а дальнейшее промедление может сделать его необратимым. И тогда стране останется один путь — окончательно превратиться в сырьевой придаток высокоразвитых стран с перспективой неизбежного распада после истощения сырьевых запасов,

поэтому экономика становится ключевым звеном выживания страны в не столь уж отдаленном будущем.

Но решение всех объемных задач, призванных поднять нашу экономику на новый качественный уровень, зависит не только от России, ее руководства и сообщества предпринимателей. Существенное влияние оказывают многие внешние экономические и политические факторы, которые играют весомую роль в развитии внутренних экономических процессов.

Можно и нужно критиковать Президента, Правительство РФ за ошибки и провалы в проведении административной реформы, за малоэффективную борьбу с бюрократией и коррупцией, которые принимают масштабы общегосударственной угрозы. Можно и нужно критиковать наших министров и руководителей отраслей за ошибки и медлительность в проведении экономических преобразований, в реализации намеченных планов, неумение эффективно распорядиться немалыми денежными потоками, вливающимися в экономику в последние годы за счет высоких цен на нефть. Можно и нужно критиковать обе палаты Федерального Собрания за медлительность в создании основанной на общемировых стандартах правовой базы, необходимой для нормального развития отечественной экономики в условиях ее открытости и глобализации. Но нельзя недооценивать и того негативного и тормозящего влияния на развитие экономики страны, истоки которого кроются в политике, проводимой в отношении России Соединенными Штатами и странами Евросоюза – наиболее активными игроками на экономическом поле России.

Цели политики, которую проводили в отношении России США, считающие себя победителями в «холодной войне», не особенно и скрывались, они и сейчас остаются прежними: не допустить возрождения России, ее становления как экономически мощной и конкурентоспособной державы, ограничить ее влияние на постсоветском пространстве, установить контроль над ее сырьевыми запасами или в крайнем случае превратить страну в управляемый и полностью следующий в фарватере политики США сырьевой придаток. Промышленный потенциал, научные и производственные кадры, кооперативные связи России с постсоветскими республиками и странами бывшего СЭВ стали, да и остаются сегодня, основными объектами воздействия для достижения этих целей.

Та экономическая стратегия и те модели перестройки плановой экономики в рыночную, приватизации предприятий госсобственности, которые были рекомендованы Вашингтоном и фактически осуществлены под руководством американских специалистов, привели к разрушению наиболее высокотехнологичных отраслей промышленности, подрыву их научно-производственной базы и кадрового потенциала. Основной упор сделан на разрушение оборонно-промышленного комплекса России, в котором были сосредоточены основные производственные мощности современного уровня, высокие технологии, лучшие научные и

производственные кадры. Да и добывающие отрасли, основной поставщик финансов в государственный бюджет, развивались в начальный период перестройки однобоко, упор делался на добывающий сектор, в ущерб развитию и технологическому переоснащению перерабатывающего, в ущерб долговременным перспективам развития отраслей.

Характерно, что сегодня серьезные западные политологи все реже обвиняют Россию в имперских амбициях, но все чаще задаются вопросом, кому могут достаться сырьевые богатства России, что будет с ее ядерным потенциалом в случае, если Российское государство, в конце концов, не сможет удержать под контролем свои огромные территории. «Величайшей несправедливостью» назвала Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США, ныне президент Национального демократического института, то, что огромной Сибирью владеет одна страна. З.Бжезинский предупреждает, что территориальную целостность Россия сможет сохранить только в том случае, если она станет «неотъемлемой частью Европы».

Но в последнее время, вопреки мрачным прогнозам, Россия все увереннее вновь становится сильной державой. Хотя и с замедлением, но в целом успешно реализуются задачи по укреплению, развитию и реструктуризации экономики, диверсифицируются экономические связи за счет ведущих азиатских держав, в том числе Китая, Индии и других. В Послании-2006 В.Путин отметил, что за четыре последних года страна перешагнула очень важный рубеж. Впервые за долгий период Россия стала политически и экономически стабильной, независимой и в финансовом отношении, и в международных делах. И вряд ли случайностью можно считать то, что в это же время со стороны Запада зазвучали голоса об опасном проникновении российского бизнеса на рынки постсоветских государств и стран Европы, о новых, якобы опасных для Запада формах российской экономической экспансии, об использовании нефти и газа как оружия шантажа, об энергетическом империализме и т. п.

Контакты руководителей и экспертов ИСОА с коллегами из Германии, Англии, других европейских стран позволяют сделать вывод о преднамеренном искажении сути экономической политики России. Впечатление такое, что в последние 5-6 месяцев в общественном мнении Европы вновь главными героями стали вылезшие из нафталина рыцари «холодной войны». Европейского обывателя вновь запугивают, но теперь уже не советскими танками и ракетами, а российской «газовой удавкой». Забота о стратегической безопасности своих стран приравнивается к геополитическому и экономическому реваншу.

Нашумевшее выступление вице-президента США Чейни на международной конференции в Вильнюсе, содержащее резкую критику энергетической политики России, с одной стороны, и соблюдения ею прав человека и демократических свобод – с другой, очень показательно контрастирует с его речами в Казахстане всего день спустя. Назвав Казахстан «стратегическим партнером» США, Чейни выразил восхищение демократическими переменами в этой стране, произошедшими за 15 лет правления Н.Назарбаева. Забыт «казахгейт», недавняя резкая критика режима Назарбаева за «антидемократичность», преследование оппозиции и другие «грехи». Никаких сомнений не выражено по поводу результатов президентских выборов, на которых за Назарбаева проголосовали 91,1 процента избирателей. А ларчик открывается просто: у Казахстана есть значительные запасы нефти и газа и возможность обеспечить их транспортировку на мировые рынки в обход России.

Одновременно с этим ужесточилась позиция Вашингтона в отношении вступления России в ВТО, критика России по иранской и иракской проблематике, выдвигаются требования исключить Россию из членов «восьмерки» и т. д. Усилилось давление на Россию и со стороны Евросоюза, вплоть до призывов лишить ее права председательствовать в Совете Европы. Причем на европейском направлении тон задают страны Восточной Европы, Прибалтики и некоторых стран СНГ, составляющие основу проамериканской «группы поддержки» в Европе, и политические деятели, пришедшие к власти при поддержке Вашингтона.

Наиболее наглядно направленность политики США и других стран Запада в отношении России проявляется в такой области, как энергетика. В западных СМИ усиленно муссируется тема растущей зависимости от поставок из России и искусственно нагнетаются страхи относительно российской экспансии на рынки США и Европы, предложенной Москвой концепции энергетической безопасности. В искаженном свете преподносятся любые наши инициативы в энергетической сфере. Устанавливаются препоны для проникновения российских энергетических компаний на европейский рынок. Бурю протестов вызвало намерение «Газпрома» приобрести пакет акций основного газового оператора Великобритании – компании Centrica, чтобы к 2015 году на 20 процентов обеспечивать британские потребности в газе. Российский «Газпром» по понятным причинам заинтересован в прямых поставках газа европейским потребителям, минуя посредников. Но доступ к газораспределительным сетям Европы для российской компании всячески блокируется. Это касается не только Великобритании, где намереваются даже законодательно ограничить доступ российских компаний на газовый рынок страны, но и Франции, Германии, Италии. Опасения Европы подогреваются Вашингтоном, который считает, что Россия, используя монопольное положение газового поставщика, может создать в Европе «новую форму империи». Объемы импортируемого газа из России действительно внушительны и составляют для Германии 41 процент, Италии – 32 процента, Франции – 30 процентов, Турции – 66процентов, Чехии -72 процента, стран Балтии -100 процентов. Замалчивается только, что Россия не меньше самой Европы заинтересована в обеспечении бесперебойных поставок газа и энергетической безопасности Европы. Пользуясь этим, на Западе, особенно в Германии, Франции, развернута срежиссированная кампания по запугиванию европейского обывателя «агрессивными» намерениями России, и этот же пропагандистский бум используется для поддержки и соответствующего финансирования программ строительства в ЕС атомных станций, использования биотоплива, программ строительства альтернативных трубопроводов из стран Ближнего Востока, Африки, переориентирования западных энергетических компаний с российского на другие рынки энергоресурсов и др.

Еще одним рычагом негативного воздействия на экономику России является сложившаяся практика ценообразования. Так, цена на российскую нефть устанавливается, как правило, ниже, чем на другие марки. И определяется эта цена не столько конъюнктурой рынка и реальным спросом, сколько исходя из прогнозов ведущих компаний. Из-за этого страна теряет, по расчетам, до 6 млрд. долл. ежегодно. Создание в России собственной биржи по торговле нефтью и газом, как это предложено Президентом, позволит включить реальные рыночные механизмы. Но эта идея сразу же встретила серьезное сопротивление.

В последнее время западные экономисты и политики стали проявлять растущее беспокойство тем, как Россия намерена использовать свой растущий на нефтяных дрожжах Стабилизационный фонд. Проблема действительно серьезная, тем более что российское Правительство в неприкосновенности этого фонда для внутренних нужд видит едва ли не единственный способ борьбы с инфляцией. Советы Запада сводятся к тому, что деньги фонда нужно вкладывать в акции зарубежных компаний. И этот процесс постепенно начался. Закон об инвестировании средств государственного Стабилизационного фонда в акции крупных иностранных компаний может быть принят уже в 2007 году, заявил министр экономического развития и торговли Г.Греф (по словам вице-премьера А.Жукова, речь может идти о 10 процентах денежных средств фонда, общий объем которого составляет около 2 трлн. руб.). Такой подход к использованию Стабфонда выгоден и западным компаниям, и России, но для западных компаний он не несет никаких рисков, чего не скажешь о России.

Важным рычагом воздействия на экономику является отток финансовых средств из России, который, по данным Центробанка, в 2005 году значительно вырос и составил 73,4 млрд. долл. (против 46,9 млрд. долл. в 2004 году). Правда, на такую же сумму выросли и иностранные инвестиции в экономику России. По зарубежным оценкам, еще 11,9 млрд. долл. выведено из страны по «черным», не контролируемым государством каналам (в 2004 году – 6,3 млрд. долл.). Ряд экономистов возрастающие масштабы бегства капиталов из страны, которое осуществляется в основном через офшорные компании, объясняют «страхом пе-

ред государством». В этом есть доля истины. Но, думается, дело не только в этом. Причины кроются также и в том, что некоторые российские предприниматели слишком увлекались укрывательством от налогов и, когда государство стало проводить более строгую налоговую политику, решили таким образом обезопасить свои капиталы. Кроме того, среди акционеров российских компаний достаточно много иностранцев, которые мало заинтересованы в том, чтобы вкладывать средства в экономику России, к тому же с неясными перспективами получения прибылей и в условиях постоянно подогреваемых слухов о возможной дестабилизации обстановки в стране.

Подводя итог, можно констатировать, что экономический диалог между Россией и Западом развивается в целом нормально, хотя и очень не просто. Не снимая вины за это с российской стороны (критических публикаций на эту тему, в том числе в российских СМИ, более чем достаточно), надо все же отметить, что главные трудности в этом сотрудничестве возникают из-за желания Запада при решении конкретных экономических задач и реализации проектов получать односторонние преимущества, не особенно считаясь с интересами России, надуманных опасений относительно монополизма российских энергетических компаний, наконец, чрезмерной политизации экономических проблем. В этом диалоге становится уже нормой сочетание громких фраз о стратегическом партнерстве и сотрудничестве и незначительных шагов, прежде всего со стороны ЕС, в реальном продвижении по пути взаимовыгодного сотрудничества. Недавний саммит ЕС - РФ в Сочи подтвердил эту тенденцию. Подписанные соглашения, в том числе о реадмиссии, больше выгодны ЕС. Было бы крайне полезным и для обеих сторон, и для улучшения общеевропейского климата переломить эту тенденшию.

Но, реально оценивая ситуацию, можно прогнозировать, что Запад в экономическом диалоге с Россией по-прежнему будет стремиться к получению существенных односторонних выгод, используя тактику небольших уступок второстепенного плана, добиваться максимальной либерализации российского рынка энергоносителей и закрепления за Россией места «прирученного» поставщика углеводородных ресурсов. Он будет препятствовать доступу к другим товарным рынкам и рынкам услуг, к передовым технологиям с конечной целью не допустить становления России как сильного конкурента.

«Российская Федерация сегодня» № 11 – 2006 г.

ЧТО НАС ЖДЕТ? ОТВЕТ ЗА НАМИ!

Давать прогнозы даже на ближайшую перспективу всегда было делом неблагодарным. Для России, которая далеко не полностью оправилась от великих потрясений конца прошлого века, неблагодарное вдвойне. С другой стороны, грандиозные перемены последних двух десятилетий настоятельно требуют составления просчитанных прогнозов, основанных на глубоких аналитических выкладках. К сожалению, у России за все годы ее существования в новом качестве не было и нет ни стратегических прогнозов развития страны, ни перспективного планирования, ни соответствующего государственного органа, который занимался бы стратегическим прогнозированием и планированием, определением стратегического курса. Страна до сих пор не имеет даже четко определенной стратегической цели и полтора десятилетия находится в поисках собственной идентичности. С начала 90-х годов и практически вплоть до сегодняшнего дня «мы занимались в основном латанием дыр и выживанием», признал Владимир Путин на расширенном заседании Совета безопасности РФ 20 июня. Но сейчас у страны есть возможность – и, добавим, острейшая необходимость – «заглянуть в завтрашний день и сформулировать долгосрочную стратегию развития страны по всем критическим направлениям». Все, чем приходится руководствоваться стране, это ежегодные послания Президента Федеральному Собранию, в которых ставятся задачи скорее тактического плана.

Уместно напомнить, что еще недавно экспертным сообществом России обсуждался доклад Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего (проект-2020)». Этот масштабный аналитический документ пронизан идеей, которую уже вряд ли можно считать бесспорной, — безусловного глобального лидерства США.

Будущее России в этом докладе, в других материалах аналогичного толка прогнозировалось в довольно серых тонах, ей отводилась не очень заметная роль в мировом сообществе первой четверти XXI века

– роль поставщика сырьевых ресурсов, с ограниченным влиянием даже на пространстве СНГ. Возрождение России как интенсивно развивающейся в экономическом и социальном отношении державы не рассматривалось. Предрекалась даже возможность распада России. И такая опасность действительно существовала. В Послании Президента России Федеральному Собранию 2005 года признавалось, что после крушения СССР «эпидемия распада перекинулась на саму Россию».

Но сегодня уже с достаточной степенью уверенности можно говорить о том, что опасность распада страны под воздействием сепаратистских сил миновала. Россия вступила в период относительной стабильности, экономического и социального подъема, пусть и идущего пока с определенными перекосами и огрехами и не теми темпами, которыми хотелось бы. Наблюдается улучшение социального климата, даже при всех издержках, имевших место в последние годы.

Но и на этом в целом благоприятном фоне проблема выживания страны продолжает оставаться актуальной. Вопрос также в том, сумеет ли страна в ближайшие 10-15 лет удержать и упрочить свое место в ряду ведущих государств мира, уготована ли ей участь технологически слаборазвитой страны, плетущейся в хвосте передовых держав мира, за которой будет окончательно закреплен статус сырьевого поставщика, или территория России станет, в конце концов, зоной нестабильности и кризисов, а страна подвергнется дальнейшему распаду и прекратит свое существование не только как великая мировая, но и как ведущая региональная держава.

Образно говоря, сегодня Россия стоит на перепутье, и от правильного выбора пути будет зависеть ее дальнейшая судьба. Сумеет ли Россия возродиться в своем новом качестве и по праву занять подобающее ей место в мире? Ответ на этот вопрос зависит от многих как внешних, так и внутренних факторов.

Что касается внешней среды, то отсутствие в последние годы широкомасштабных угроз извне, особенно военного характера, что позволило отказаться от изнурительной гонки вооружений, внешнеэкономическая конъюнктура, благоприятная для России как одной из главных мировых нефте- и газодобывающих стран, международная обстановка в целом способствовали не только укреплению позиций Российской Федерации на международной арене, но и, что особенно важно, ее внутреннему развитию. Насколько нынешние российские власти сумели воспользоваться этой благоприятной обстановкой – вопрос другой.

С достаточно высокой степенью вероятности можно утверждать, что в целом позитивный для России внешнеполитический фон в ближайшей перспективе удержится, хотя нельзя исключать и нежелательных возмущений внешней среды.

Сохранятся в основном на прежнем уровне отношения России с Соединенными Штатами и стратегический курс Вашингтона в отношении России, даже в случае прихода к власти в этой стране демократов. Хотя бы потому, что стратегическая цель США по отношению к России останется прежней: не допустить возрождения России как глобального противника и даже как регионального лидера. Но США и к 2020 году останутся ведущей державой мира, и для России важно, твердо отстаивая свои интересы, не переступить ту грань, за которой последует необратимая и невыгодная, прежде всего для нашей страны, конфронтация во взаимоотношениях с США.

Можно ожидать продвижения в отношениях России с Евросоюзом, хотя каких-то прорывных событий на этом направлении не произойдет.

На пространстве СНГ будет усиливаться борьба за передел сфер влияния между США, Европой, Китаем и Россией. Произойдет дальнейшее размежевание бывших советских республик по внешнеполитическим векторам, можно ожидать усиления политического влияния США в западных (Украина, Молдова) и южнокавказских государствах. Вместе с тем в этих республиках сохранится и влияние Москвы, особенно в экономической сфере. Скорее всего, Украина и Грузия станут членами НАТО — вариант для России невыгодный, но и не смертельный, даже с учетом того, что это существенно изменит геополитический ландшафт на пространстве бывшего СССР и повысит возможности Запада оказывать силовое давление на Россию.

Что касается СНГ, которое практически превратилось в недееспособную организацию с нарастающими внутренними противоречиями между его членами и теперь уже дышит на ладан, то к 2020 году оно вряд ли сохранится.

Более вероятны и пессимистические прогнозы в отношении создания Союзного государства Беларуси и России. Вполне обоснованы опасения, что Белоруссия может выйти из сферы влияния России и примкнуть к когорте стран, составляющих основу санитарного пояса, создаваемого сегодня на западных и южных рубежах России. К этому ее подталкивают внешние силы, этому, надо признать, способствует и политика России.

Повысится роль Центрально-Азиатского региона, в котором помимо России борются за усиление своего влияния США и Китай. США, начав с реализации энергетических проектов, вскоре обеспечили в регионе свое военное присутствие, а теперь стремятся создать блок региональных государств под своим патронажем, но без участия России. Все увереннее заявляет о себе Казахстан, стремящийся стать самостоятельным игроком в регионе и занять здесь лидирующие позиции.

XXI век все чаще называют «веком Азии», поэтому все большее значение будет приобретать азиатский вектор российской политики.

Обозначившиеся в последние годы тенденции сближения и расширения связей России со странами Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии, если они сохранятся и разовьются (а в этом существует обоюдная заинтересованность), будут способствовать укреплению позиций России в мире и в Евразийском регионе. Эти тенденции, в частности, получили свое развитие на последнем саммите Шанхайской организации сотрудничества, который внес немалый вклад в общую картину складывающегося сегодня мироустройства, в отношения между основными глобальными центрами силы, во многом определяющими магистральные направления и общие перспективы мирового развития. Внес он и новые нюансы в оценку исторических перспектив России, по крайней мере на ближайшие полтора-два десятилетия.

Можно сделать вывод, что в целом благоприятный для России внешнеполитический фон сохранится и на ближайшие 10-15 лет, если не возникнут какие-либо форс-мажорные обстоятельства, которые исключать нельзя.

Но решающее влияние на перспективы страны, ее состояние и положение в мире будут иметь, конечно, внутренние факторы и ресурсы. Именно здесь проходит сегодня главный фронт борьбы за будущее России.

К сожалению, в этой сфере положение страны пока далеко не радужное. Достигнутая относительная стабильность внутриполитической ситуации, экономический рост последних лет опираются в основном на весьма шаткий фундамент — рост мировых цен на энергоносители. Поток нефтедолларов временно ослабил, но не ликвидировал те проблемы, которые накопились перед страной в результате непродуманной приватизации, «парада суверенитетов», развала правоохранительных органов и спецслужб, систем здравоохранения, образования, науки. И сегодня страна стоит перед грузом серьезнейших проблем, от решения которых в буквальном смысле слова зависит само ее существование. Наиболее острые, критические направления — это демографическая ситуация, технологическая модернизация экономики, укрепление национальной безопасности по целому ряду направлений.

Демография недаром поставлена на первое место. Если в ближайшие 10-15 лет ситуация в этой области не претерпит существенных изменений к лучшему, другие насущные сегодня проблемы попросту отпадут, включая и обеспечение обороноспособности страны, их некому и не для кого будет решать. Люди — главное и незаменимое богатство страны. Уровень ежегодной депопуляции населения России приближается к 1 проценту от общей его численности, коэффициент рождаемости — 1,26 (а только для сохранения численности требуется

примерно 2.2), причем из 10 новорожденных семь не могут считаться абсолютно здоровыми. Детей в возрасте до 18 лет немногим более 30 млн., то есть меньше, чем пенсионеров. К 2020 году число пенсионеров сравняется или даже превысит число работающих. По данным на 1 декабря 2005 года, численность населения России составляла 142,8 млн. человек. Всего же через 15 лет она может стать меньше почти на 23 млн. человек. А к 2050 году составит не более 60 млн. Уже сегодня пустеют многие зауральские территории России. В большой Москве проживает около 15 млн. человек, а население Дальнего Востока и Крайнего Севера сократилось примерно на 40 процентов. Пустеет Сибирь, особенно ее восточные и северные районы. К этому надо добавить заметное ухудшение психологического и морального здоровья, образовательного и культурного уровня населения России. Так, общепринятый уровень физической деградации – 8 литров алкоголя в год на человека, а в России уже к концу прошлого века на каждую душу приходилось 15.4 литра чистого алкоголя. Приобретает уровень национального бедствия заболеваемость СПИДом. Буквально удручающим можно назвать отношение российского населения к собственному здоровью, физической культуре.

Этот процесс саморазрушения должен быть остановлен, если мы не хотим, чтобы наши территории в самом ближайшем, по историческим меркам, времени не отошли другим странам и народам, а экономика пришла к окончательному упадку. В конце концов, темпы роста ВВП зависят не только от инвестиций и открытости экономики, но главным образом от роста населения и человеческого капитала. Государство намерено тратить на демографические проблемы ежегодно 195 млрд. рублей. Достаточно ли этих средств, как и тех мер, которые намечены Правительством для преодоления демографического кризиса? (Оборонный бюджет России в 2007 году составит примерно 800 млрд. рублей, или 2,7 процента от ВВП, а через пару лет может достичь одного триллиона.)

Модернизация экономики — вторая по значимости проблема России. Дело не только в мизерном для страны, входящей в «восьмерку», объеме ВВП, который составляет всего 1 процент мирового, 6 процентов ВВП США и примерно в 6 раз меньше китайского. И это при том, что страна обладает почти 30 процентами мировых природных запасов и всего лишь 20 лет назад была второй экономикой мира! К катастрофическому уровню приближается износ технологического оборудования. Но самое главное — требуется кардинально и в сравнительно короткие сроки изменить структуру экономики, придать ей инновационный характер, ликвидировать все нарастающий технологический разрыв между отдельными отраслями промышленности, подвергнуть существенной модернизации нынешние экономические механизмы.

Инфляция, коррупция, бюрократия, монополизация некоторых отраслей экономики — вот те преграды, которые существенно тормозят развитие российской экономики в нужном направлении и в требуемых темпах.

Важность этой задачи для будущего страны понимают в Правительстве России, хотя пока и продолжают работать в основном по известному принципу «хотели как лучше». Михаил Фрадков на одном из последних заседаний Совета безопасности подвел убедительный итог такой работе: «Все слова сказаны, а качественных изменений пока нет». Вместе с тем он признал, что альтернативы прорыву в сфере высоких технологий реструктуризации экономики попросту нет, Россия обречена встать на путь возрождения.

В целом же, оценивая перспективы страны на ближайшие годы, надо отметить, что наряду с целым набором серьезных угроз, ставящих под вопрос не только возрождение, но и само существование страны, перед Россией сегодня открываются и широкие возможности. Растет интерес зарубежных инвесторов к российской экономике (правда, это касается в основном инвестиций в энергетику), укрепляется рубль, который в ближайшее время должен стать мировой валютой, растет объем золотовалютных резервов, хотя эффективное использование накапливаемых финансовых средств для развития экономики и подъема социального уровня жизни населения остается пока проблемой. Постепенно улучшается социальный климат. Приняты и реализуются масштабные национальные проекты, призванные поднять уровень жизни населения. Но самое убедительное - власть наконец перестает двигаться по кругу, переходит от слов к делу, наметила и приступила к реализации курса на возрождение страны с учетом имеющихся ресурсов и возможностей. Немаловажно и то, что руководство страны пользуется поддержкой населения, причем эта поддержка питается не только страхом перед непредсказуемостью и нестабильностью (и такой психологический момент в общественном настроении действительно присутствует), но и надеждами на лучшее будущее, верой в способность Президента и Правительства консолидировать российское общество и переломить ситуацию в стране к лучшему. Хотя, конечно, нельзя забывать, что этот потенциал доверия имеет свои пределы, тем более что способность нашей властной политической и экономической элиты справиться с вызовами времени зачастую вызывает обоснованные сомнения.

Все это позволяет с умеренным оптимизмом оценивать будущее России к 2020 году. Важно, чтобы в стране на этот период была обеспечена политическая стабильность. В этом отношении многое будет зависеть от результатов избирательного цикла 2007–2008 годов, который и без того усложнит решение приоритетных задач, так как на этот период значи-

тельные силы и средства государства и общества неизбежно будут отвлечены на политическую борьбу за пост Президента и депутатские мандаты.

России, по крайней мере, в ближайшие два десятилетия, конечно, уже не занять того места в мире, которое занимал СССР. Да этого и не надо. Но пока у страны есть возможности преодолеть сегодняшние трудности, главные из которых лежат внутри страны, выйти к 2020 году на уровень развитых стран и, в конце концов, занять достойное место среди ведущих государств мира, соответствующее не только ее историческим корням и традициям, но и реальным возможностям.

«Российская Федерация сегодня» № 13 – 2006 г.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ГЛАВНОЕ – НЕФТЬ И ГАЗ

Одной из главных общецивилизационных проблем XXI века становится проблема энергетической безопасности. Не случайно в триаде наиболее важных и взаимосвязанных задач («три Э»), которые стоят сегодня перед мировым сообществом, энергетической безопасности отдается приоритет перед такими важными для устойчивого и стабильного развития человеческой цивилизации задачами, как экономический рост и экология.

При этом надо отметить, что в структуре мировых энергетических ресурсов главную роль играют нефть и газ, доля которых составляет около 65 процентов. (Доля атомной энергетики — около 6,5 процента, возобновляемых источников — не более 1,5 процента.) И такая структура вряд ли существенно изменится в ближайшие полвека. Поэтому основные проблемы обеспечения глобальной энергобезопасности связаны с нефтью и газом, их добычей, переработкой, доставкой на рынки, истощением запасов.

В равной мере это касается и энергобезопасности России, которую нельзя рассматривать в отрыве от глобальной системы. Тем более что энергетика — одна из наиболее интернациональных по своей природе и интегрируемых отраслей мировой экономики, и особенно это касается нефтегазовой сферы.

Россия – глобальный поставщик энергоресурсов (первое место в мире по экспорту газа, второе – по нефти), которые составляют основу ее природных богатств (34 процента мировых запасов природного газа, 13 процентов нефти, 23 процента угля, 14 процентов урана) и служат главным наполнителем доходной части государственного бюджета (до 40 процентов). Поэтому в российских политических и деловых кругах, со своей стороны, высказываются опасения, что «безоглядная» либерализация энергетической сферы несет в себе неоправданные риски для российских компаний и в целом для безопасности страны. Нельзя сказать, что эти опасения безосновательны. Линия, которую проводит Запад в отношении стратегически важной для России ресурсодобывающей сферы,

часто выходит за рамки «чистой» экономики, несет в себе и четко выраженную политическую составляющую, реализация которой может привести не только к тесной привязке страны к Западу в качестве всего лишь «нефтегазового вассала», но и в конечном счете нанести существенный урон ее независимости и суверенитету.

Конечно, эти опасения, пусть в чем-то оправданные, не должны приводить к самоизоляции России в развитии ее энергетического сектора, ограничивать приток иностранных инвестиций и современных технологий. В этом отношении чрезмерная монополизация (которая, в частности, наблюдается в газовой отрасли страны), облегчая диалог с той же Европой и транзитными странами, тем не менее в известной мере подрывает объективные законы рынка, ограничивает приток инвестиций. У России есть возможность существенно увеличить добычу нефти и газа, добиться ее стабильного прироста, в том числе за счет месторождений северных морей, Восточной Сибири. Для их освоения необходимо массированное инвестирование в разведку и добычу с привлечением отечественного и иностранного капитала. Но пока объемы инвестирования не отвечают этим потребностям. Определенная вина за это лежит и на российском Правительстве, которое не очень умело руководит главной отраслью экономики, тормозит допуск иностранных инвесторов и в то же время не имеет четкой концепции использования немалых собственных финансовых резервов, полученных за счет сверхдоходов от экспорта нефти и газа.

С другой стороны, Россия должна быть уверена в надежности вложения капитала в свою энергосферу, в востребованности своих энергоресурсов на мировых рынках, иметь гарантии их стабильных долгосрочных поставок. Иными словами, концепция глобальной энергобезопасности должна предусматривать сбалансированный подход к безопасности и предложения, и спроса. То же можно сказать и о взаимной открытости рынков. В частности, российские компании — «Газпром», «ЛУКОЙЛ» и др. — заинтересованы в том, чтобы западные энергетические рынки были открыты и для них, в том числе предоставлен доступ к газораспределительным сетям. Речь, по существу, идет об адекватном обмене активами энергетических предприятий, что позволило бы снять озабоченность России относительно негативных последствий односторонней либерализации ее энергетического сектора. Но пока российские компании раз за разом наталкиваются на искусственно создаваемые западными партнерами препятствия.

Наша страна обладает уникальными возможностями по потенциальному вкладу в строительство сбалансированной и устойчивой глобальной системы энергобезопасности. Де-факто Россия уже исполняет роль ресурсного «буфера» для мировой энергетики. С 2000 года страна дала 40 процентов прироста мировой нефтедобычи, что стало решающим

фактором сохранения баланса спроса и предложения углеводородов. Строго говоря, весь прогнозируемый прирост мирового энергопотребления на предстоящие 15-25 лет может быть покрыт за счет увеличения добычи только на территории и на шельфе России. Этот факт сам по себе оказывает стабилизирующее воздействие на сырьевые рынки.

Сегодня обозначились три стратегических направления экспорта российских энергоносителей: Европа (которая в ближайшие 20–25 лет останется для России крупнейшим энергетическим рынком), Восток (Китай, Япония, Корея) и США. Развитие каждого из них предусматривает наращивание физического объема поставок. К 2020 году доля стран АТР в российском экспорте нефти должна вырасти с нынешних 3 до 30 процентов, газа — с 5 до 25 процентов. Для выхода на рынок США планируется строительство системы нефтепроводов Западная Сибирь — побережье Баренцева моря общей мощностью до 80 миллионов тонн в год.

Принимаются определенные меры по изменению структуры экспорта с увеличением в нем доли нефтепродуктов и сжиженного природного газа (СПГ). Так, Россия готова строить нефтеперерабатывающие заводы для производства бензина, отвечающего европейским стандартам. Можно отметить проект «Транснефтепродукта» по строительству продуктопровода (около 25 миллионов тонн в год) с выходом в порт Приморск.

Что касается СПГ, то обладание технологиями по его производству, по оценкам экспертов, в среднесрочной перспективе станет основным инструментом конкурентной борьбы за лидерство в газовом сегменте мирового ТЭКа. Ведущие российские компании разрабатывают экспортно-ориентированные проекты по производству сжиженного газа, в том числе и с участием иностранного капитала (Сахалин-2, Штокмановское месторождение, создание инфраструктуры по сжижению газа и его экспорту в Ленинградской области). К сожалению, участие иностранных партнеров на российском рынке СПГ пока довольно пассивное, несмотря на то что Россия имеет ряд неоспоримых преимуществ, в частности по стоимости транспортировки СПГ в США.

Однако этот далеко не полный перечень того, что Россия может предложить мировому сообществу в сфере глобальной энергетики, учитывая, естественно, и интересы собственной энергобезопасности, может быть реализован лишь при условии надежности, эффективности и продуманного развития национальной системы энергобезопасности, синхронизированной с глобальной системой. Не оставляя в стороне проблемы международного сотрудничества в энергетической сфере, создания надежной системы мировой энергобезопасности, России в большей степени следовало бы сосредоточиться на собственной энергобезопасности, состояние которой по многим показателям пока оставляет желать луч-

шего, подвержено значительным угрозам и рискам, перечень которых довольно внушителен.

Среди них: ценовые колебания и инвестиционные риски: технологические проблемы (износ и моральная отсталость добывающей и транспортной инфраструктуры, изношенность и устарелость трубопроводных сетей, нефтеперерабатывающих мощностей, высокая энергоемкость промышленности и недостаточная эффективность добычи и переработки и др.); наметившееся снижение добычи на разрабатываемых месторождениях и их истощение при недостаточных темпах разведки и ввода в эксплуатацию новых; структурные перекосы (преобладающая доля в экспорте первичного сырья, его недостаточное качество); экологические проблемы (значение и стоимость решения которых будут только возрастать); угрозы, связанные с возможным падением спроса (вследствие значительной структурной перестройки мировой энергетической корзины с увеличением в ней доли альтернативных источников энергии – ядерной и биоэнергетики, прорыв в области энергосберегающих технологий, возрастающая конкуренция со стороны других стран СНГ – экспортеров нефти и газа - Казахстана, Азербайджана, Туркмении); проблемы транзита, в том числе связанные с третьими странами; террористические угрозы; наконец, политические риски, вызванные как внешними, так и внутренними причинами. И конечно же нельзя забывать о такой фундаментальной угрозе, как неизбежное (вопрос только во времени) истощение запасов ископаемых энергоресурсов.

Разумеется, вес этих угроз и рисков не одинаков.

Так, например, по мнению экспертов, ценовые колебания как в ту, так и в другую сторону вполне возможны, но общая тенденция такова, что цены на энергоносители будут расти. И не только потому что нынешние цены на нефть во многом завышаются искусственно. На рост цен будут действовать объективные факторы — возрастающее потребление и неизбежное сокращение общемировых запасов энергоресурсов.

Вряд ли можно ожидать существенного уменьшения спроса на нефть и газ за счет ядерной энергетики, биотоплива и других возобновляемых источников, хотя их доля будет возрастать. Уже сегодня в возобновляемые источники в мире вкладывается около 30 млрд. долларов, примерно четверть всех вложений в энергетический сектор. В ЕС к 2020 году 20 процентов электроэнергии должно быть получено из возобновляемых источников. Но при этом импорт газа вырастет с нынешних 50 процентов до 70 процентов, увеличится потребление импортной нефти и нефтепродуктов. Даже если Россия значительно увеличит добычу энергоносителей, убежден председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу, этого окажется недостаточно для европейского рынка в 2020—2025 годах. Большие надежды в Европе возлагаются на диверсификацию по-

ставок за счет увеличения поставок из Северной Африки, Ирана, каспийской нефти и газа, а также на дальнейшее уменьшение энергоемкости промышленности, внедрение эффективных энергосберегающих технологий. Все это может привести к частичному сокращению спроса на российские энергоносители, но эти издержки будут в значительной степени покрыты возрастающим объемом энергопотребления, который, по расчетам, к 2025 году должен увеличиться на 50 процентов, а к 2050 году — вдвое.

Еще один фактор, который может повлиять на объемы продаж российских энергоресурсов, — возрастающая конкуренция со стороны других стран, в том числе Казахстана и Азербайджана. Вот некоторые цифры, иллюстрирующие уровень этой конкуренции. По данным «Бритиш петролеум», в 2005 году уровень добычи нефти составил (млн. т): Россия — 470, Казахстан — 63, Азербайджан — 22,4. К 2010 году Казахстан намерен добывать 84 млн. т, а к 2015 году — порядка 150 млн. т. Азербайджан к 2008 году планирует достичь уровня 50 млн. т. Что касается России, то она практически достигла потолка в темпах прироста добычи нефти и в ближайшие несколько лет, по данным Минэкономразвития, прирост добычи ожидается не выше 3 процентов.

Поэтому что касается ценовых колебаний и спроса, то они вряд ли будут представлять серьезную угрозу энергобезопасности России. Экспортные возможности стран СНГ также пока значительно ниже российских, хотя со временем с ними придется всерьез считаться. Не говоря уже об истощении ископаемых запасов (их хватит на 40-50 лет, по другим оценкам, – на 80-90), гораздо опаснее для энергобезопасности России технологические и производственные факторы, инвестиционные риски. Специалисты отмечают начавшийся застой в отрасли, причиной которого стала стагнация нефтедобычи. В последние годы загрузка экспортных трубопроводов достигла предела, и дальнейшее увеличение добычи нефти возможно только в случае создания дополнительных экспортных мощностей, хотя при наличии соответствующей инфраструктуры добыча к 2012 году может быть увеличена до 600 млн. т. K тому же состояние производственных фондов в добывающей промышленности характеризуется большой степенью износа (в целом по стране износ оборудования в нефтедобывающей сфере составляет 55 процентов, а по отдельным компаниям превышает 60-70 процентов). Значительно сократился ввод новых скважин (за период с 1990 по 1999 год – более чем в 10 раз), в несколько раз сократились объемы разведочного бурения. Еще хуже обстоят дела в нефтепереработке, которая все эти годы финансировалась по остаточному принципу, основные вложения шли в нефтедобычу. Для сравнения: в период с 1990 по 1999 год капвложения в нефтепереработку составили всего 3-5 процентов от вложений в нефтедобычу (в США – 25–50 процентов).

Не менее значимы и политические риски. Поток как отечественных, так и зарубежных инвестиций, капиталовложения компаний в свое развитие, в освоение новых месторождений тормозятся продолжающимся соперничеством различных группировок российской политической элиты за передел собственности ТЭКа и его использование в качестве политического ресурса, ожидаемыми политическими изменениями в связи с очередным избирательным циклом 2007—2008 годов да и известной неопределенностью геополитического выбора страны, когда руководящая политическая элита пока так и не смогла сделать окончательного выбора между Европой, США и Китаем, определиться, куда направлять основные экспортные потоки, а предприниматели не понимают, в развитие каких стратегических экспортных направлений вкладывать средства.

В целом же Россия, по крайней мере в ближайшие 40-50 лет, имеет все шансы остаться ведущей энергетической державой мира и одним из основных поставщиков углеводородного сырья на мировые рынки. Но в то же время правящей элите страны необходимо принять все меры для уменьшения политических рисков в развитии энергетического сектора, его правовой защиты, для повышения политической стабильности и предсказуемости развития страны и ее энергетической политики, для более эффективного управления на основе рыночных принципов этой важной отраслью, которую называют становым хребтом российской экономики.

К сожалению, России рано или поздно неизбежно придется столкнуться с истощением запасов минерального сырья. Поэтому недальновидно делать ставку на статус России как энергетической супердержавы, опираясь лишь на наши запасы нефти и газа, не думая о том, что мы оставим будущим поколениям россиян. Это тупиковый путь. Используя благоприятную пока для нас мировую конъюнктуру в сфере энергетики, собственные финансовые резервы, полученные за счет экспорта энергоресурсов, и всячески способствуя привлечению иностранных вложений, необходимо предпринять срочные усилия для внедрения эффективных технологий добычи и переработки углеводородного сырья, энерго- и природосберегающих технологий, для освоения альтернативных источников энергии, а главное — для качественной перестройки промышленности с упором на развитие перспективных несырьевых высокотехнологических отраслей.

«Российская Федерация сегодня» № 15 - 2006 г.

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ПЯТИЛЕТНЕЙ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

11 сентября в Америке и многих других странах отметили пятую годовщину терактов, повлекших за собой разрушение небоскребов Всемирного торгового центра и гибель, только по официальным данным, 2749 человек. Это событие перевернуло представления об устройстве миропорядка, войнах, противостоянии цивилизаций. Так, лишь в самое последнее время Дания объявила о раскрытии террористического заговора, Иордания задержала преступника, который убил и ранил несколько туристов, а Британия и Германия продвинулись в расследованиях планов взрывов в британских самолетах и немецких поездах. В Марокко также раскрыли заговор, связанный с «Аль-Каидой». Европейские и канадские военнослужащие под командованием НАТО, а не американские солдаты понесли самые тяжелые потери в Афганистане. И это лишь малая часть трагических событий, отсчет которых идет с 11 сентября 2001 года.

Сейчас многие считают события пятилетней давности вехой, с которой человечеству следует отсчитывать новую эру своей истории. Так это или нет — судить пока еще рано, но в любом случае эта дата дает хорошую возможность оценить произошедшие перемены в политике государств в новых условиях. По мнению многих наблюдателей, за эти пять лет ситуация на мировой сцене значительно изменилась, причем в худшую сторону. С сожалением приходится констатировать, что некоторые государства поступили как всегда: первоначальный всплеск единства в неприятии терроризма, реального объединения всех наций на основе борьбы с этой опасностью, осознание террора как реальной угрозы всему человечеству за прошедшие пять лет сменились вполне своекорыстными попытками использовать эту трагическую ситуацию для достижения своих частных по сути, хотя и глобальных по масштабам интересов.

Особенно ярко этот тезис проявился в практических действиях Вашингтона и Лондона. Анализируя политику США и Великобритании за последние пять лет, невольно ловишь себя на мысли, что они как будто нарочно пытались тушить бензином разгоравшийся костер. Во внутренней политике Вашингтона события 11 сентября сделали возможным скорректировать стратегию государственной безопасности. Всего через несколько дней после терактов американское правительство разработало так называемый Patriot Act (Патриотический Акт) — и тем самым, как пишет достаточно консервативный журнал US News & World Report, началось преобразование Америки в «государство внутренней безопасности». Патриотический Акт, который был принят Конгрессом после короткого обсуждения (в сенате «против» был подан только один голос!), предоставил невиданные полномочия «компетентным» органам. Теперь агенты ФБР и сотрудники других спецслужб имеют право прослушивать телефонные разговоры, просматривать электронную почту, затребовать данные у банков и медицинские документы. Все это вызывает вполне обоснованную критику многих граждан США, обеспокоенных ущемлением своих прав.

Во внешнеполитическом плане дела обстоят еще хуже. Так, в сентябре 2001 года Россия в лице своего Президента В. Путина однозначно поддержала президента Буша, и казалось, что это начало новой эры в отношениях двух стран. Но не тут-то было. Сейчас Россия и Америка реально дальше друг от друга, чем были до сентября 2001 года. США не спешат налаживать с нами партнерские отношения.

В Европе дела у Вашингтона обстоят немногим лучше. Почти вся европейская пресса придерживается либеральных позиций, что в сегодняшнем контексте означает — антиамериканских и антиизраильских. Если к этому добавить все возрастающую исламизацию Европы, то сомнения в том, что Старый Свет способен оказать Соединенным Штатам существенную поддержку в противостоянии с исламскими экстремистами, только крепнут. Те формы, которые Америка выбрала для борьбы против террора, в частности война в Ираке, лишь увеличили пропасть между Европой и США, об этом свидетельствуют результаты всех исследований общественного мнения. При этом сами европейцы стали намного увереннее в своих силах. Большинство из них отказываются признавать доминирование США в мировой политике и хотят, чтобы Евросоюз на международной политической арене играл более весомую и действенную роль. К таким выводам, в частности, пришли специалисты German Marshall Fund (GMF) в ходе проведенного опроса.

Особенно пострадала по ту сторону Атлантики репутация президента Буша. Катастрофичным выглядит приговор, вынесенный европейцами американскому президенту: лишь 18 процентов (меньше чем когда-либо) респондентов считают, что Буш занимает лидирующие позиции на мировой политической арене.

В глазах международного сообщества ничто так сильно не подорвало имидж США, как создание лагеря для интернированных лиц в Гуантанамо и секретных тюрем по всему свету, где содержатся не только террористы,

но — и это доказано — невинные люди, которым вот уже несколько лет не предъявляют никакого обвинения. В тюрьмах ЦРУ предполагаемые террористы подвергаются допросам, методы которых весьма напоминают пытки. Кроме того, США сознательно выдают своих пленников тем странам, в которых практикуются пытки. Сам Дж. Буш не только признал практику тайного содержания людей под стражей, но и выступил в ее защиту.

Растет оппозиция США со стороны Движения неприсоединения. После прекращения существования биполярной системы международных отношений Движение трансформируется в антиамериканскую структуру, чему способствует членство в нем наиболее негативно настроенных в отношении США мировых лидеров, использующих любую возможность для критики Вашингтона. Символично, что недавняя конференция Лвижения неприсоединения с участием глав государств-членов совпала с пятилетием событий 11 сентября, ставших катализатором военной активности США в мире. Тот факт, что участники конференции отказались почтить память погибших в терактах, отчетливо продемонстрировал растущее недовольство современной ролью США в мировых делах. В ближайшем будущем вряд ли можно рассчитывать на создание серьезного противовеса Вашингтону на международной арене, однако потенциально Движение неприсоединения может стать таковым, поскольку число государств с режимами, готовыми идти на жесткую конфронтацию с Вашингтоном, будет со временем только возрастать.

Что касается исламского мира, который, как принято считать, является источником терроризма на планете и граждане которого являются основным контингентом тайных тюрем, то он в результате политики Вашингтона отнюдь не умиротворен, а, наоборот, решительно радикализуется, в нем появился второй (если первым считать «Аль-Каиду») центр агрессивной силы — Иран. Причем два этих центра отнюдь не конкурируют, а выгодно дополняют друг друга. Бен Ладен успешно ведет антиамериканский пиар среди суннитского большинства исламского мира и занимается подготовкой точечных терактов, что позволяет держать в постоянном нервном напряжении весь мир. А Иран зовет на священную борьбу шиитов. Он сконцентрировался на антиизраильской деятельности (например, эффективная поддержка «Хезболлы»), а также вполне уверенно идет к созданию своей атомной бомбы. Когда иранский режим получит бомбу, а помешать ему при нынешнем политическом раскладе способно только чудо, перед ним откроются широчайшие возможности.

Он сможет, например, сам заниматься ядерным шантажом, подключив к этому ту же «Хезболлу». Иран вполне справедливо считает себя ведущей региональной державой, ключом к ближневосточным конфликтам. Без его активного участия невозможно урегулировать ни гражданскую войну в Ираке, ни хаос в Ливане. Поэтому иранский режим больше не чувствует себя обязанным идти на уступки.

Поле деятельности террористов также постоянно расширяется. Они уже не ограничиваются «неверными», под их прицелом оказалось население и других стран, в том числе исламских, руководство которых не хочет рвать отношения с христианским миром. Достаточно вспомнить масштабные теракты в Индонезии, Венесуэле, Испании, не говоря уже о России, чтобы понять, что ареной терроризма стал весь мир. Причем к методам террора стали прибегать не только исламисты, но и другие оппозиционные силы, недовольные политикой лидеров тех или иных государств.

Важно также отметить, что за пять лет, прошедших после событий 11 сентября 2001 года, тактика и стратегия исламистов, воюющих против американских и натовских сил, значительно усовершенствовались. Они теперь весьма успешно оказывают сопротивление всем техническим средствам, применяемым современными армиями против партизан. Экстремисты выигрывают войну за счет того, что они постоянно открывают новые фронты. Фактически речь идет о партизанских армиях, которые настолько успешно сливаются с местным населением, что западные телекомпании не могут взять интервью у их командиров. Именно так вела себя «Хезболла» в ходе недавней войны с израильскими войсками. Высокотехнологичные разведывательные средства и вооружения оказались беспомощными перед низкотехнологичной сетью подземных туннелей «Хезболлы». С успехом применявшиеся «Хезболлой» хитрость и скрытность на поле боя — именно то, что пытаются сейчас применять боевики по всему миру.

На юге Афганистана талибы также научились скрытно от разведывательных спутников и беспилотных самолетов-разведчиков США и НАТО собираться в большие группы и нападать на полицейские участки и армейские блокпосты. Они научились также рассеиваться до того, как американская авиация успеет нанести удар, а также прятать свое оружие и сливаться с местным населением. В племенных регионах Вазиристана вдоль пакистано-афганской границы союз экстремистских группировок, состоящий из боевиков «Аль-Каиды», пакистанских и афганских талибов, выходцев из Средней Азии и чеченцев, одержал победу над пакистанской армией, которая, потеряв около 800 солдат за последние три года, отступила, освободила пленных и теперь выплачивает крупные «компенсации» экстремистам. Этот регион является теперь полноценной базой «Аль-Каиды», предоставляющей широкий спектр услуг и оборудования, здесь проходят обучение военному и взрывному делу экстремисты со всего мира. Для этих целей широко используются последние достижения науки и техники, в том числе Интернет.

И все это стало возможным после американского вторжения в Ирак. В 2003 году для обоснования вторжения официальный Вашингтон заявлял о наличии у иракских правителей оружия массового уничтожения и поддержке авторитарным режимом международного терроризма. То,

что оружия массового уничтожения в Ираке нет, выяснилось достаточно быстро. Теперь же верхняя палата американского парламента признала, что Саддам не имел никакого отношения к «Аль-Каиде» и не поддерживал террористов.

Несомненно, на всех этих фронтах боевых действий исламские террористы несут потери. Однако многие регионы представляют собой практически неиссякаемый источник новобранцев для этой самоубийственной войны. Западные армии не уменьшают количество потенциальных экстремистов, когда убивают их, а, наоборот, подталкивают еще больше людей к вступлению в их ряды. Боевики со всего арабского мира и даже из Европы приезжают в Ирак. Недаром британский посол в Риме как-то назвал Дж.Буша «самым лучшим сержантом-рекрутером для «Аль-Каиды».

Если это действительно долгая война, как говорит администрация Буша, то США, несомненно, проиграли ее первую часть. Партизаны учатся быстрее западных армий, а Запад делает серьезные стратегические ошибки, в то время как тактика экстремистов постоянно совершенствуется. «Аль-Каида» и ее союзники, готовящиеся распространить свой джихад в Среднюю Азию, на Кавказ и в другие регионы Ближнего Востока, всюду принесут с собой накопившийся опыт и уроки прошедших пяти лет.

Каковы же основные итоги прошедшей «пятилетки борьбы с терроризмом»? С сожалением приходится констатировать, что перспективы, которые открыли события 11 сентября, выглядят для мира отнюдь не радужными. С помощью военных кампаний американцам в Афганистане и Ираке не удалось добиться ничего: бен Ладен не пойман, Ирак не замирен, решения иранского вопроса не просматриваются. Самый верный (наряду с Англией) союзник США – Израиль – потерпел моральное поражение в Ливане.

Внешняя политика США в однополярном мире все больше напоминает поведение слона в посудной лавке. Запуганная терактами Западная Европа расколота. Согласно результатам недавнего опроса жителей пяти европейских стран (Франции, Германии, Великобритании, Италии и Испании), главной угрозой мировой стабильности европейцы считают США. В общей сложности такие взгляды высказали 30 процентов опрошенных.

И ведь действительно, США пытаются вдалбливать «демократию» боеприпасами с урановыми сердечниками, уничтожают «международный терроризм» фосфорными бомбами, а чрезмерное применение силы и геноцид преподносятся как борьба за национальное освобождение. Пытки и издевательства над военнопленными оправдываются интересами борьбы с «международным терроризмом». Эта так называемая война с террором нанесла больше морального ущерба Соединенным Штатам, Британии, а теперь, после Ливана, и Израилю, чем материаль-

ного ущерба террористическим группировкам, против которых она ведется.

На Ближнем Востоке бывшие изгои стали диктовать политическую моду, а ранее лояльные Западу лидеры, не приемлющие такие средства борьбы, как терроризм, оказались почти повсеместно на обочине политических процессов.

Однозначно стало ясно, что в Ираке США преследуют задачу обеспечить контроль над иракской нефтью и не допустить туда другие страны, такие, как Россия и Китай. Все яснее вырисовывается основная задача США — удерживать развивающиеся страны под своим контролем, гарантировать такую ситуацию, когда те могли бы получать энергоносители только с разрешения американцев и в объемах, зависящих от их «поведения».

Радикализуется даже далекая от Ближнего Востока Латинская Америка. Тот же президент Венесуэлы Чавес ездит по всему миру в попытках разменять свою нефть на поддержку других стран в случае вполне возможной американской агрессии против его страны в той или иной форме.

Евро-азиатская зона терроризма и преступности накладывается на искусственно провоцируемую, так называемую «глобальную дугу кризисов» (охватывающую, по Бжезинскому, стык границ Китая, Индии и Пакистана, Афганистан, Иран, территорию Турции от южных границ с Курдистаном, Балканы). Причем эта дуга имеет явную тенденцию к расширению, захватывая все большие территории южных районов бывшего СССР.

Сложившаяся ситуация не может не вызывать беспокойство за безопасность и будущее как человечества в целом, так и судьбу каждого отдельно взятого народа. Демократические ценности оказались в заложниках у нигилизма. Понятия «прогресс», «справедливость», «честь», «суверенитет», «свобода», «независимость» и «гуманизм» дискредитированы, извращены и стали разменной монетой демагогии.

Западу нужны новые лидеры, которые смогут постепенно отказаться от нынешнего провального курса. Такое в истории бывало уже не раз. Многие страны пытались решать новые проблемы старыми методами, приводившими к успеху в прошлом, — в данном случае речь идет о военной мощи США. Однако зачастую эти методы в новых условиях оказывались неэффективными, и тогда начинался долгий и болезненный процесс разработки новых решений. Именно в такой ситуации мы оказались сейчас, через пять лет после 11 сентября.

«Российская Федерация сегодня» № 19 - 2006 г.

МОЖЕТ ЛИ КОНГРЕСС ПОМЕШАТЬ БУШУ ДРУЖИТЬ С ПУТИНЫМ?

Состоявшиеся в начале ноября выборы в Конгресс США принесли победу представителям Демократической партии. В результате республиканцы во главе с Дж.Бушем потеряли контроль над обеими палатами. «Выборы принесут перемены в Вашингтон», — признал в своем радиообращении к стране 11 ноября американский президент. Не скажутся ли эти перемены на международной политике США, не внесут ли коррективы в отношения Америки с нашей страной? Желательны ли такие коррективы?

Сотрудничество как императив

Нельзя не признать, что весьма самоуверенные действия «единственной сверхдержавы» по повсеместному продвижению своих экспансионистских устремлений зачастую вступают в серьезное противоречие с жизненно важными интересами России. В первую очередь это касается настойчивых попыток США закрепиться на постсоветском пространстве. Вашингтон оказывает достаточно эффективную поддержку руководству Грузии и Молдавии в проведении откровенно антироссийской политики, прилагает активные усилия, чтобы окончательно переориентировать внешнеполитический вектор Украины в евроатлантическом направлении. Продолжается кропотливая работа по политическому переустройству Азербайджана, Казахстана, Киргизии, других бывших союзных республик за счет инициирования «цветных революций». Наконец, наблюдаются достаточно очевидные свидетельства неафишируемых и осторожных, но вполне реальных попыток наиболее консервативно настроенной части политической элиты США способствовать смене внутри- и внешнеполитического курса нашей страны путем продвижения к власти более прозападно настроенных политиков. Вопреки всем реальностям, не изжито стремление США подорвать единство нашей страны, ее территориальную целостность.

И все же, сколь бы внушителен и обоснован ни был список наших претензий к американской политике, мы «обречены» на конструктивное сотрудничество, на терпеливый поиск взаимоприемлемых развязок по спорным вопросам, которые позволяли бы без балансирования на грани кризисной ситуации надежно обеспечить наши жизненно важные интересы. В свою очередь, и США объективно нуждаются в тесном конструктивном взаимодействии с нашей страной для продвижения своих внешнеполитических и экономических императивов. Президент Дж.Буш, руководители госдепартамента, Совета национальной безопасности США неоднократно указывали на необходимость и даже безальтернативность взаимодействия с Россией в борьбе с такими глобальными вызовами, как международный терроризм, распространение ОМУ, энергетическая безопасность.

Руководителями обеих стран подчеркивается общность принципиальных подходов к проблемам Ирана, Северной Кореи, Ирака, Афганистана — при всех зачастую достаточно серьезных расхождениях в тактике действий и методах достижения общих стратегических целей. Точно так же существующие несовпадения интересов на мировом энергетическом рынке не отменяют необходимости совместного поиска взаимоприемлемых решений проблем глобальной энергобезопасности. Этот перечень областей взаимной заинтересованности можно продолжать и продолжать. В сегодняшнем мире мы слишком зависим друг от друга.

Конец эпохи неоконсерваторов?

По единодушному мнению наблюдателей, главным фактором, определившим поражение республиканцев на состоявшихся 7 ноября промежуточных выборах в Конгресс и выборах губернаторов, стала иракская авантюра, последствия которой обходятся Соединенным Штатам слишком дорого. Повлияли на выбор избирателей и запятнавшие репутацию представителей власти известные коррупционные, сексуальные и иные скандалы. По существу, выборы вылились в голосование «за» или «против» Дж.Буша. Последствия победы Демократической партии, контролирующей теперь законодательную ветвь власти, могут далеко выходить за рамки собственно иракской ситуации, которая, по мнению демократов, лишь высветила в целом авантюрный характер политики президента-республиканца и его команды, ориентирующейся на силовые, односторонние решения в международных делах, принципиальную неспособность администраторов-республиканцев выработать для страны ясную перспективу. В результате США значительно подорвали свои позиции в мире. Как заявила новый спикер палаты представителей Конгресса Нэнси Пелоси, «избиратели высказались за перемены, и президент должен прислушаться к голосу нации».

Нет никаких сомнений в том, что давление на республиканскую администрацию и лично на президента Дж.Буша со стороны конгресса, где все руководящие посты теперь контролируются демократами, будет чрезвычайно сильным. Прогнозируются инициирование серии парламентских слушаний по наиболее критикуемым моментам политики администрации, противодействие этой политике за счет прежде всего блокирования бюджетных средств. Так что президенту США предстоят два трудных года. Достижение необходимого взаимопонимания с законодателями потребует от него существенных уступок, готовности идти на компромиссы.

Насколько сам Дж.Буш настроен вносить коррективы в свою политическую линию? Возможно, сегодня он и сам не вполне готов ответить на этот вопрос. Ряд наблюдателей, ссылаясь на мнение авторитетных представителей Республиканской партии, утверждают, что поражение на выборах произвело на президента чрезвычайно сильное впечатление и что он окончательно убедился в ошибочности и бесперспективности курса, который навязывался ему неоконсервативной частью его команды. Свидетельство тому – незамедлительное решение об отставке министра обороны П.Рамсфелда как одного из главных проводников неоконсервативной стратегии. Согласно таким оценкам, можно ожидать, что отныне Дж.Буш будет более восприимчив к советам прагматиков и реалистов. Так или иначе, его заявление на встрече с Пелоси об «открытости администрации для любых конструктивных идей» в связи с иракской проблемой можно расценивать и как проявление реальной внутренней готовности к пересмотру принципиальной политической установки на односторонние силовые подходы.

С другой стороны, нельзя однозначно утверждать, что отказ администрации Дж.Буша от неоконсервативной внешнеполитической стратегии неизбежен из-за невозможности ее проведения при контролируемом демократами Конгрессе. Исполнительная власть по конституции полностью самостоятельна в осуществлении внешней политики, рычаги которой, как бы то ни было, остаются в руках президента.

На этом фоне прогнозы большинства наблюдателей относительно возможности кардинального пересмотра американским президентом своей внешнеполитической линии остаются довольно осторожными и неопределенными. В чем аналитики едины, так это во мнении о неизбежном влиянии изменившихся настроений американского избирателя на исход президентских выборов 2008 года. Шансы демократов чрезвычайно возросли, тогда как республиканцы, по существу, лишились возможности продвинуть «своего» кандидата. Какие-то перспективы может иметь лишь тот из политиков-республиканцев, кто сумел (как, например, сенатор Дж.Маккейн) или сумеет четко дистанцироваться от политики нынешнего президента.

Корректировка стратегии

Сформировавшееся на данном этапе двухпартийное согласие насчет необходимости поисков выхода из иракского тупика, столь драматично воспринимаемого американским избирателем, пока означает лишь совместное публичное признание бесперспективности нынешней стратегии. При всем обилии высказываемых с обеих сторон идей к конкретным вариантам решения не пришли ни в штабе республиканцев, ни в стане рьяно критиковавших их демократов. Признается лишь необходимость некоей общенациональной дискуссии на этот счет и выработки практической линии по ее результатам. В центре дискуссии – вопрос о дальнейшей вовлеченности США в иракский кризис, главным пунктом которого является вывод из Ирака американских вооруженных сил. Необходимость их вывода, по существу, принята за аксиому, как, впрочем, и недопустимость поспешного ухода из Ирака, который вверг бы эту страну и весь регион в хаос. Речь идет о том, каким образом можно обеспечить поэтапное сокращение американского военного присутствия в Ираке параллельно с передачей надежного контроля над ситуацией в стране местным властям. Однако поиск решения (тем более в перспективе выборов-2008) едва ли будет происходить в идиллической атмосфере двухпартийного мира и согласия, и администрация по-прежнему будет испытывать мощное давление демократов и управляемого ими Конгресса. В частности, ожидается, что предстоящие парламентские слушания по иракской проблеме со всей остротой вернут во внутриполитическую повестку болезненные для Дж.Буша вопросы обо всех обстоятельствах подготовки и осуществления вторжения.

Надо полагать, осуждением иракской стратегии президента дело не ограничится. Администрации придется отбиваться от ожесточенной критики со стороны демократов по поводу неуспеха в Афганистане, в связи с определенными аспектами практики контртеррористических действий (нарушение прав подозреваемых в терроризме и заключенных), по вопросам нераспространения ОМУ (ядерное соглашение с Индией, ядерные программы КНДР и Ирана) и по иным дискуссионным моментам.

В целом демократы в соответствии с декларируемым ими неприятием односторонней силовой политики администрации, сформировавшейся под нажимом неоправданно влиятельного нефтяного и военно-промышленного лобби и отвратившей от США многих традиционных союзников, будут добиваться от команды Дж.Буша практических шагов по восстановлению доверия к США в мире, большего внимания, в частности, к укреплению трансатлантической солидарности. Так, потенциальный кандидат от Демократической партии на выборах-2008 Хиллари Клинтон в своем недавнем выступлении в нью-

йоркском Совете по международным отношениям говорила красивые (хотя и трудно сказать, насколько искренние) слова о «восстановлении интернационализма во внешней политике», об «отказе от демонстративного навязывания демократических ценностей, которое поставило США перед необходимостью практически в одиночку противостоять терроризму и другим вызовам».

Что касается ядерных проблем Ирана и Северной Кореи, то в соответствии с принципиальными установками демократов Конгресс, по-видимому, должен решительно противостоять эвентуальным попыткам осуществления односторонних военных сценариев. Вместе с тем межпартийные разногласия по названным проблемам не выходят за рамки тактических (демократы — за поиск решения путем прямых переговоров с Тегераном и Пхеньяном), а необходимость продолжения всестороннего давления на «враждебные режимы» для недопущения их доступа к ядерному оружию предметом спора не является.

Новые акценты на российском направлении

Отталкиваясь от сказанного выше относительно объективной заинтересованности США в конструктивном взаимодействии с Российской Федерацией на приоритетных для них направлениях международной политики, а также относительно возможности для президента Дж.Буша продолжать свой внешнеполитический курс вопреки противодействию Конгресса, ожидать принципиального пересмотра этого курса, как представляется, не следует. В конце концов, и раньше вполне определенный настрой Конгресса прежнего состава порой заставлял администрацию прибегать к достаточно резкой антироссийской риторике, что, однако, не препятствовало в целом поступательному развитию взаимных отношений, сколь бы сложны и противоречивы они ни были на современном этапе. Оснований для особого пессимизма не появилось и сейчас.

Скорее всего свойственный программным установкам Демократической партии «правозащитный» акцент неизбежно проявится в позиции Конгресса по отношению к России. Президент Дж.Буш будет подвергаться еще более ожесточенной критике за «попустительство» политике российского руководства, которое-де проводит курс на «свертывание реформ», «отказ от демократии», «наступление на права и свободы граждан», оказывает «политическое давление на соседние страны» и виновно в других грехах. Все, что Конгресс может сделать в перспективе президентских выборов 2008 года для «разоблачения и исправления» политики нынешнего американского президента, в том числе и на российском направлении, он, конечно, сделает. Включая, можно предполагать, и создание серьезных трудностей для ратификации протокола

двусторонних договоренностей о вступлении России в ВТО. Демократы будут добиваться от президента более акцентированного предъявления в рамках российско-американского диалога претензий к Москве по части «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве, доступа к энергоресурсам, поддержки американских антитеррористических акций.

Вместе с тем едва ли президент Дж.Буш примет тактику тотального отступления, повсеместной сдачи своих позиций. Ничего, кроме дезорганизации всей выстраивавшейся им внешнеполитической конструкции с полной потерей лица и уже окончательной утратой шансов на продвижение устраивающей его кандидатуры на выборах президента США в 2008 году, это бы не принесло.

Что касается самого содержания отношений с Россией, не говоря уже о ставших их немаловажным фактором личных доверительных контактах между двумя президентами, то нынешний глава Белого дома, наверное, не должен приносить их в жертву в общем-то иррациональным и «заидеологизированным» требованиям вопреки своей собственной неоднократно афишировавшейся убежденности в невозможности без взаимодействия с Россией достичь успеха на таких важнейших для Америки «фронтах», как Ирак, Иран, борьба с терроризмом, нераспространение ОМУ. Между тем такой успех представляется совершенно необходимым условием для возвращения доверия избирателей к политике Республиканской партии в перспективе президентских выборов. Так что объективных оснований опасаться кардинального пересмотра администрацией Дж.Буша своего подхода к российско-американским отношениям, как представляется, нет.

При этом, конечно, не ясно, как далеко может завести президента неизбежная теперь тактика торга с Конгрессом ради продвижения законопроектов по финансовому и иному обеспечению внутри- и внешнеполитического курса. Не ясно, чем он будет готов поступиться. Позволим себе все же высказать предположение, что дальше возможного ужесточения риторики по поводу «недемократического» пути России или «экономического удушения» ею своих соседей дело не пойдет.

Но следует все же оговориться, что ситуация может принципиально измениться в случае весьма вероятной, как сейчас представляется, победы кандидата от Демократической партии на президентских выборах в США в 2008 году.

«Российская Федерация сегодня» № 23 – 2006 г.

НЕ ОБЕРНЕТСЯ ЛИ ОЧЕРЕДНОЙ КРИЗИС НОВОЙ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНОЙ?

Ближний Восток считается одним из наиболее значимых в геостратегическом отношении регионов планеты. Важность его обусловлена, вопервых, энергетическими интересами в нем развитых индустриальных держав, во-вторых, тем, что отсюда исходит основное количество современных угроз — экспорт исламского фундаментализма, производство наркотиков, возможность распространения ОМУ. Подобное положение дел в регионе объясняется общей его экономической отсталостью, а также тем, что ближневосточные государства не могут пока полностью решить этноконфессиональные проблемы, унаследованные ими от османского владычества и периода колониализма.

Узел социально-экономических противоречий породил значительное количество региональных конфликтов, основным среди которых является палестино-израильское противостояние. Первопричина его кроется в нежелании Израиля, справедливо обеспокоенного проблемой национальной безопасности, позволить палестинцам создать собственное полноценное государство. Производными от этой проблемы являются другие составные части узла противоречий, а именно: возвращение палестинских беженцев в Израиль, статус Иерусалима, проблема еврейских поселений на территории Западного берега реки Иордан (ЗБРИ) и в секторе Газа и др.

Некая надежда на разрешение этого длительного конфликта забрезжила после подписания Израилем и Палестиной соглашений в Осло осенью 1993 года. Однако смерть одного из архитекторов мирного процесса — главы израильского кабинета министров Ицхака Рабина и нежелание сторон выполнять договоренности, достигнутые в Осло, фактически свели на нет начавшийся было диалог.

Конфликт между Израилем и Палестиной пережил неисчислимое количество стадий, сменявшихся временными перемириями, переговорами, подписаниями соглашений и т.д. Нынешнее его обострение явилось, по существу, продолжением «второй интифады», начало которой было положено еще в 2001 году, когда на смену умерен-

ному израильскому премьер-министру Эхуду Бараку пришло консервативное руководство Ариэля Шарона, тогдашнего главы блока «Ликуд».

Шарон, обвиняя своего предшественника в «капитулянтстве», позиционировал себя как жесткий политик, готовый положить конец палестинскому террору. Однако именно в период его правления накал страстей на палестино-израильском фронте достиг очередной критической отметки. Характерно также и то, что апогей палестинского сопротивления пришелся на период между 2003 и 2005 годами, когда США начали реализацию «модернизационной» стратегии так называемого Большого Ближнего Востока.

Фактически в период между 2000 и 2005 годами Тель-Авив и Вашингтон продемонстрировали в своей ближневосточной политике полное «бессилие силы». Чем крепче пытались они «закручивать гайки», тем интенсивнее становилось сопротивление в Палестине, Ираке, Афганистане. В результате израильскому руководству и Белому дому пришлось вырабатывать новую парадигму отношений с палестинцами. Первым ее этапом стал план «Дорожная карта», выработанный в 2003 году «четверкой» международных коспонсоров процесса ближневосточного урегулирования (США, ЕС, ООН и Россия) и одобренный конфликтующими сторонами. Однако эффективно следовать этому плану ни Израиль, ни Палестина оказались не в состоянии. Замораживание «Лорожной карты», по существу, было обусловлено в основном теми же причинами, что и провал всех предшествующих договоров и соглашений. К концу XX – началу XXI века между двумя народами накопилось такое количество ненависти и взаимных претензий, что опасно было даже обсуждать такие вопросы, как, например, статус Иерусалима, а без их решения достигнуть полноценного мира было невозможно.

Закономерным итогом радикализации палестинского общества стало усиление позиций различного рода исламистских группировок, наиболее крупными и влиятельными из которых были ХАМАС и палестинский «Исламский джихад». Вину за политическое возвышение исламских радикалов необходимо возложить не только на неэффективную и коррумпированную Палестинскую национальную администрацию (ПНА), но и на Израиль. Тель-Авив на протяжении нескольких лет регулярно в ответ на теракты, совершенные исламистами, блокировал резиденцию тогдашнего главы автономии Ясира Арафата, тем самым сводя и без того небогатые возможности для управления ситуацией на палестинских территориях со стороны официальных властей к нулю. При отсутствии реальной альтернативы ХАМАС и «Исламский джихад» захватывали в автономии все новые и новые политические позиции. Воспрепятствовать этому процессу не смогла даже тактика «точечного» устранения лидеров исламистов, широко применяемая Израилем на рубе-

же 2003–2004 годов (22 марта 2004 года был ликвидирован лидер XAMAC шейх Ахмед Ясин, 17 апреля 2004 года – его преемник Абдель-Азиз Рантиси).

Решающий момент для судеб ПНА и правящей на тот момент в Палестине партии «Фатх» наступил в ноябре 2004 года, после смерти Ясира Арафата. Избрание на пост президента Палестины Махмуда Аббаса открыло продолжительный период внутренней борьбы внутри палестинского руководства. В процессе этой борьбы «старая гвардия» «Фатх» пыталась поставить нового главу автономии под свой контроль. Параллельно с этим углублялись противоречия между «стариками» и «молодыми лидерами» «Фатх», требовавшими немедленного реформирования этой организации.

Понимая, что силовые методы неэффективны, Ариэль Шарон предпринял беспрецедентную попытку сформировать собственную концепцию урегулирования палестино-израильского кризиса. Она выразилась в создании так называемого «плана размежевания», согласно которому Израиль в одностороннем порядке определял границы будущего палестинского государства и выводил с этих территорий войска и поселения. Реализация этого плана началась в августе 2005 года, когда палестинцам, несмотря на протесты поселенцев и репатриантов, был передан сектор Газа, который тут же попал под фактический контроль набравших силу исламских экстремистов.

Освобождение сектора Газа привело к тому, что среди израильских консерваторов начало расти недовольство политикой Шарона. В результате премьер вышел из «Ликуда» и создал собственную партию «Кадима». Туда он сумел «перетащить» наиболее умеренную часть «ликудовцев», а также ряд политиков из либеральной «Аводы». Вскоре эксперты заговорили о возможности распространения «плана размежевания» на ЗБРИ, если «Кадима» победит на выборах в кнессет (состоялись 28 марта 2006 года). Партия Шарона была фаворитом и закономерно победила. Однако болезнь Шарона поставила крест на «плане размежевания», поскольку его наследник Эхуд Ольмерт в период своего премьерства совершил ряд серьезных просчетов (одним из них стала «война теней» в Ливане — июль—август 2006 года, — закончившаяся фактической победой «Хезболлы»), растерял общественную поддержку и вновь заговорил о возвращении к «Дорожной карте».

Несколько ранее, 25 января 2006 года, и в Палестине прошли парламентские выборы. На них впервые соперничали «Фатх» и ХАМАС. В результате раздираемая противоречиями «арафатовская» партия не сумела оказать серьезного сопротивления радикалам и потерпела поражение. ХАМАС завоевал абсолютное большинство мандатов в Законодательном совете Палестины (74 из 132 – ХАМАС, 45 – «Фатх») и получил возможность сформировать новое правительство.

Американская администрация взяла курс на то, чтобы любыми средствами положить конец господству ХАМАС в Палестине. По инициативе США, поддержанной европейскими странами, были заморожены платежи в бюджет Палестины. Израиль сразу же после победы на парламентских выборах движения ХАМАС перестал выплачивать ПНА налогово-таможенные поступления, которые он собирал от имени ПНА (800–900 млн. долларов в год).

Мировое сообщество требует от ХАМАС признать Израиль, отказаться от насилия, включиться в мирный диалог с Тель-Авивом. А руководство «Фатх» настаивает на том, чтобы исламисты признали все достигнутые ранее между автономией и еврейским государством договоренности. Однако большинство из этих требований для руководства радикального движения были неприемлемыми, поскольку подрывали основы идеологии движения. Той идеологии, которая фактически помогла ХАМАС одержать столь убедительную победу на выборах в Законодательный совет. Самое большое, на что смог пойти ХАМАС, — это объявить перемирие с Израилем.

По существу, в отношениях между Палестиной и Западом образовался вакуум, который попыталась заполнить Россия. Москва заявила о том, что не считает ХАМАС террористической организацией, а также пригласила руководителей движения посетить Россию (визит руководства ХАМАС в РФ состоялся 3 марта 2006 года). Однако инициатива Москвы, которую большинство аналитиков расценили как весьма своевременную, была начисто проигнорирована мировым сообществом, США и ЕС, которые лишь продолжали усиливать нажим на палестинцев.

Параллельно с этим западные столицы активизировали помощь президенту автономии Махмуду Аббасу, который в их глазах является реальным политическим противовесом исламистам. В частности, Аббас сделался единственным адресатом иностранной экономической помощи Палестине, которую решено было направить в обход правительства ХАМАС (главой кабинета по сей день остается один из «умеренных» представителей движения Исмаил Хания).

В этих условиях Аббас, по всей видимости, начал попадать все в большую зависимость от Запада, и его политическая линия в отношении ХАМАС стала серьезно ужесточаться (хотя в свое время палестинский президент был сторонником подключения радикалов к политическим процессам в автономии). Ужесточение это выразилось в том, что Аббас начал фактически навязывать ХАМАС свою волю по основным политическим вопросам (от принятия правительственной программы до формирования коалиционного кабинета министров). В ответ правительство ХАМАС приступило в мае 2006 года к созданию собственных полицейских подразделений (по закону все силовые структуры автономии под-

контрольны лишь президенту). Этот шаг радикалов стал точкой отсчета вооруженного внутрипалестинского конфликта, в процессе которого руководство «Фатх» сумело преодолеть существующие внутри него разногласия и объединиться против исламистов, пытавшихся стать «хозяевами» автономии. Усугубило ситуацию также и то обстоятельство, что ХАМАС, потеряв под давлением США, ЕС и «Фатх» рычаги управления ситуацией в автономии, не сумел воспрепятствовать выходу из-под своего контроля различного рода небольших экстремистских группировок, которые начали регулярно обстреливать территорию еврейского государства ракетами «Кассам».

В ответ Израиль в течение лета — осени 2006 года провел на территории Палестины две масштабные военные операции («Летние дожди» и «Осенние тучи»), завершившиеся арестом значительного количества палестинских чиновников, в том числе большей части правительства ХАМАС. Данное обстоятельство еще больше снизило возможности хамасовцев для наведения порядка в секторе Газа. Одновременно с этим Аббас начал переговоры с радикалами о создании правительства национального единства, которые не завершены и по сей день.

Таким образом, 2007 год на палестинском направлении процесса арабоизраильского урегулирования начался с очередного масштабного кризиса. Пока никаких реальных предпосылок для продвижения диалога между Тель-Авивом и Рамаллахом не просматривается даже приблизительно. ХАМАС не собирается признавать Израиль, а Тель-Авив, по всей видимости, будет и дальше наращивать прессинг исламистского руководства. В этих условиях очень многое будет зависеть от позиции Соединенных Штатов и от политической линии, проводимой ими на Ближнем Востоке. Очевидно, что легитимизация ХАМАС дала мировому сообществу уникальный шанс наладить с палестинскими исламистами регулярные контакты. Ведь, став во главе автономии, хамасовцы, так или иначе, вынуждены были бы организовывать хозяйственную и общественную жизнь Палестины, вести международные дела. Деятельность ХАМАС стала бы более предсказуемой, и не исключено, что в перспективе движение проделало бы ту же эволюцию, что в свое время движение «Фатх», которое также считалось террористической организацией. Однако шанс этот был упущен – политическая целесообразность в данном случае была принесена Вашингтоном в жертву идеологической доктрине.

В сложившихся условиях, по всей видимости, США, ЕС и Израиль будут наращивать поддержку Махмуду Аббасу, который уже сейчас проявил себя как достаточно жесткий и целеустремленный политик, способный и не боящийся диктовать исламистам свои условия во внутриполитическом диалоге.

Что касается ХАМАС, то он, скорее всего, не сумеет выдержать международного давления, будет сдавать свои официальные позиции. Под-

тверждение тому — недавнее признание одного из лидеров ХАМАС Халеда Машаля. Дело вовсе не в Израиле, который есть и остается реальностью, считает лидер ХАМАС, а в том, что палестинцы лишены собственного государства. По существу, со стороны политического руководства ХАМАС был дан сигнал, пусть пока и в довольно туманном виде, о готовности смягчить свои «несгибаемые» позиции в отношении Израиля. И если этот сигнал не будет услышан и развит «спонсорами» ближневосточного урегулирования за столом переговоров, ХАМАС будет уходить обратно в подполье, одновременно усиливая экстремистскую активность и, не исключено, создавая блоки с другими радикальными организациями. А это значит, что в ближайший год реального продвижения мирного диалога на арабо-израильском политическом театре добиться вряд ли удастся и мечта палестинцев о создании собственного государства так и останется лишь мечтою.

Резкое обострение в течение 2006 года палестино-израильского конфликта, который, несомненно, продолжает оставаться наиболее важным звеном, определяющим напряженные отношения Израиля с арабским миром, вкупе с «ломовой» политикой нынешней американской администрации по «демократизации» Большого Ближнего Востока, создает в непосредственной близости от южных границ России взрывоопасную обстановку, постоянно грозящую большим военным пожаром.

В этих условиях перед российским руководством, которое в течение последних лет пыталось вносить свой умиротворяющий и стабилизирующий вклад в палестино-израильский и другие опасные конфликты в регионе, стоит непростая задача — совместно с другими трезвомыслящими членами мирового сообщества и государствами региона постараться сделать все, чтобы предотвратить сползание ситуации к очередной войне, найти компромиссные решения по полыхающим здесь конфликтам, первоочередными из которых, помимо палестино-израильского, представляются конфликты вокруг Ирана и продолжающийся иракский кризис. По этой причине внешняя политика России на ближневосточном направлении в наступившем году должна стать более активной, сохраняя при этом свою прагматичность и взвешенность.

«Российская Федерация сегодня» №2 – 2007 г.

БЫТЬ ЛИ РОССИИ АВИАЦИОННОЙ ДЕРЖАВОЙ?

Как в период феодальной раздробленности

Главным источником проблем гражданской авиации России, средоточием охватившего ее системного кризиса следует считать не имеющую аналогов в мире фрагментацию рынка. Прочие трудности, даже такие острые, как резкое повышение мировых цен на топливо, физическое и моральное старение парка воздушных судов, имеют либо производный, либо второстепенный характер. В стране с 145-миллионным населением, большая часть которого в силу социально-экономических и культурных причин не отличается сколько-нибудь значимой мобильностью, сегодня официально зарегистрировано около 200 авиакомпаний.

По оценкам, почти 90 процентов российских авиаперевозчиков являются компаниями-призраками, или, точнее, «мертвыми душами». Это зарегистрированные хозяйствующие субъекты, оформившие в собственность несколько единиц воздушных судов, а иногда вообще один самолет. Сравнительно небольшая часть воздушных судов, принадлежащих компаниям-«фантомам», производит время от времени единичные полеты, в основном на местных маршрутах. О сколько-нибудь серьезном значении этой эпизодической деятельности с точки зрения экономики страны или социальной мобильности ее населения говорить не приходится. В то же время эксплуатация деквалифицирующимся (изза отсутствия летной практики) персоналом этой авиатехники, простаивающей большую часть времени без надлежащего сервиса, связана с повышенным риском. Исключение составляют лишь самолеты, принадлежащие (напрямую или через дочерние авиакомпании) крупным сырьевым концернам («Газпром», «Сибнефть», «ЛУКОЙЛ», РАО «ЕЭС» и т.п.), которые более или менее регулярно перевозят руководство (в том числе и за границу), а также рабочих к месту основной производственной деятельности или к местам отдыха. В основном это техника советского производства с продленным эксплуатационным ресурсом и действующим сертификатом годности, позволяющим совершать поле-

ты внутри страны. Таким образом, понятие «российская гражданская авиация», судьба которой напрямую зависит от незамедлительного проведения комплексных реформ в отрасли, на самом деле охватывает лишь самолеты, принадлежащие или эксплуатируемые 20-25 ведущими национальными авиакомпаниями. При этом перевозчики, входящие в эту группу, также характеризуются крайней неоднородностью как в плане своих финансово-экономических возможностей, так и с точки зрения ниши рынка внутренних и международных пассажирских и грузовых перевозок, которую они занимают или рассчитывают занять. Компании, входящие в первую пятерку национального рейтинга по комплексу показателей, как правило, характеризуются многовекторностью своей производственной деятельности, то есть работают на более чем одном сегменте рынка - внутренние и международные, пассажирские и грузовые перевозки, регулярные и чартерные рейсы. Совершенно очевидно, что в современных условиях экономически жизнеспособными могут быть лишь средние и крупные (по мировым меркам) перевозчики. Только они будут располагать достаточными возможностями для того, чтобы приобретать или брать в лизинг современную и эффективную в эксплуатации технику, содержать (включая обучение и периодическую переподготовку) квалифицированный персонал, внедрять новейшие технологии. Маркетинг, электронное бронирование и продажа билетов (на пассажирском рынке), мультимодальное логистическое обеспечение перевозок грузов, включая содержание современных складов (на рынке грузовых перевозок), предоставление комплексных услуг «от двери до двери» - все эти обязательные атрибуты перспективного участника рынка авиаперевозок XXI века под силу лишь достаточно крупным компаниям.

Консолидация – веление времени

Задача консолидации, укрупнения игроков отечественного авиационного рынка, пусть и с заметным опозданием, признана руководством страны. Катализаторами этого переосмысления государственной политики стали различные факторы. К их числу следует отнести заботу о повышении безопасности полетов (на фоне роста числа авиапроисшествий и авиакатастроф), неудовлетворенный спрос политической и деловой элиты на современные и эффективные самолеты для полетов внутри страны и за рубеж. Особо в этом ряду следует отметить осознанную необходимость создания достаточного числа крепких авиакомпаний, которые могли бы выступать в качестве заказчиков и потребителей серьезных объемов продукции отечественного авиапрома и, таким образом, спасти последнего от полного и окончательного коллапса. Руководство Минтранса России уже неоднократно публично заявляло о целесообраз-

ности последовательного укрупнения российских авиакомпаний, с тем, чтобы в ближайшей перспективе их осталось не более 4-5. По некоторым оценкам экспертов, в российских условиях этот количественный показатель не только недостижим, но и не вполне оправдан экономически.

С учетом размеров территории страны, необходимости решения специфических задач, связанных с обеспечением минимального уровня социальной мобильности населения, проживающего в отдаленных и труднодоступных районах, и сохранения территориальной целостности государства, по мнению этих экспертов, оптимальным числом российских авиакомпаний было бы 5-10. При этом подразумевается, что национальный перевозчик, а также 2-4 наиболее крупные авиакомпании выступали бы в роли основных перевозчиков внутри страны и за ее пределы. Остальные (в том числе вертолетные компании) осуществляли бы местные перевозки и играли роль «фидеров», подвозящих пассажиров и грузы к крупным перевалочным узлам — «хабам», откуда они следовали бы дальше рейсами основных авиакомпаний.

Старые самолеты – гиря на ногах

Серьезным симптомом кризиса российской гражданской авиации является неуклонное моральное и физическое старение парка воздушных судов. Речь идет о технике советского производства, срок эксплуатационной годности которой в большинстве случаев давно истек. Работы по продлению ее эксплуатационного ресурса никогда не производились, эксплуатационные сертификаты истекли и не возобновлялись.

В редких случаях произведенная техническая модернизация (в том числе замена двигателей) позволяет самолетам этой группы совершать нерегулярные полеты в соседние государства, главным образом в те, где сохраняются достаточно либеральные эксплуатационные требования. Срок жизни этих воздушных судов, однако, также ограничен: эксплуатационный ресурс не может продлеваться бесконечно, фюзеляжи и салоны даже после переоборудования остаются морально устаревшими, а техническая модернизация рано или поздно достигает своего разумного предела, за которым дальнейшее переоснащение становится дороже стоимости нового самолета аналогичного класса, не говоря уже о лизинге или разовой аренде. Прямым следствием этого является снижение рентабельности и безопасности полетов, а в конечном итоге - потеря рынка. Потребности отрасли оцениваются в 800-1000 современных воздушных судов различного класса в течение ближайших 10 лет, а российский авиапром выпускает не более 20-30 новых самолетов в год. (По данным Минпромэнерго РФ, российская авиационная промышленность произвела в 2006 году 26 гражданских самолетов.)

Будет ли у нас новый самолет?

Сейчас самые большие надежды воздагаются на разработку и строительство новых российских моделей. В этой связи следует отметить, что предусмотрено создание гражданского самолета МС-21, кроме того, активно развивается программа регионального самолета SuperJet-100. (При этом следует отметить, что возможно оснащение отечественного авиапарка и такими новыми самолетами, как Ту-334 и Ан-204, готовыми к серийному выпуску.) Самолет Sukhoi SuperJet-100 относится к семейству региональных самолетов типа RRJ (Russian Regional Jet – pocсийский региональный самолет, проект компаний «Сухой», Boeing и «Ильюшин»). Запуск самолетов в серийное производство намечен на 2008 год. Контракты на приобретение более 50 таких самолетов уже заключили «Аэрофлот», «Дальавиа», AiRUnion и другие компании. Поставка новых лайнеров авиаперевозчикам планируется с 2009–2010 годов. Российский ближне-среднемагистральный самолет МС-21 должен быть запущен в эксплуатацию в 2012 году. Самолет будет выпускаться в трех модификациях - на 132,150 и 168 пассажиров, - которые отличаются друг от друга лишь длиной фюзеляжа. Пальность полета составит до пяти тысяч километров, а в варианте LR (Long Range) - до 6350 километров.

Но все это планы на будущее. Пока же производство гражданских воздушных судов в России находится в критическом состоянии. Как констатировал недавно вице-премьер, министр обороны Сергей Иванов: «Мы уже докатились до того, что авиапром России перешел от крупносерийного к штучному производству». Значительным шагом на пути решения этой проблемы стало создание Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК). По словам С. Иванова, главным достоинством ОАК будет то, что корпорация будет использовать мощь военного авиастроения для развития гражданской отрасли. При этом Сергей Иванов предложил защитить российский рынок от старых иностранных самолетов. Таможенные пошлины для ввоза в Россию иностранных самолетов старше десяти лет должны носить запретительный, а не разрешительный характер, заявил он.

Между тем не секрет, что кое-кто пытается наверстать упущенное за счет иностранцев. Подобно автомобильным иномаркам, самолеты известных фирм могут теперь собираться в России. Так, Олег Дерипаска планирует собирать в Самаре канадские Bombardier, купив сразу и завод, и лицензию, и марку. По словам экспертов, Дерипаска рассчитывает открыть производство турбовинтовых самолетов Q300, предназначенных для перевозки пассажиров на небольшие и средние расстояния. Планируется, что эти машины частично заменят летающие сейчас самолеты советского производства (Ту-134, Як-40), возраст которых зача-

стую превышает 30 лет. Для канадцев самолеты Q300 —это уже почти устаревшая модель. Bombardier выпускает более современные самолеты со схожими характеристиками. Нам же опять достается далеко не самое лучшее. Пока же отечественные авиакомпании не видят иного выхода, кроме лизинга новых самолетов зарубежного производства или приобретения подержанных «иномарок».

Цены на авиакеросин – еще один камень преткновения

Что же касается наиболее часто обсуждаемой сегодня проблемы авиационной отрасли — резкого повышения цен на керосин, то ее последствия для российских перевозчиков действительно оказались еще более тяжелыми, чем для авиакомпаний большинства других ведущих мировых авиационных держав. Факторами, усугубившими ситуацию в России, стали неэкономичность подавляющего большинства эксплуатируемых самолетов (и как следствие этого еще более высокие топливные издержки в пересчете на рейс, пассажироместо или тонну перевезенных грузов) и практическая невозможность введения сколько-нибудь значимой «топливной надбавки» на внутренних рейсах ввиду низкой платежеспособности основной массы населения и угрозы социального взрыва.

Правительство страны, являющейся одним из мировых лидеров по запасам и объемам добычи нефти, оказалось не способным сдержать рост цен на авиакеросин. Методы политического воздействия на частный нефтяной бизнес не сработали, а к прямому субсидированию возросших топливных издержек Правительство оказалось не готово. Сейчас единственной жизнеспособной альтернативой является организация регулируемой биржевой торговли нефтепродуктами (в том числе керосином), которая предусматривала бы возможность государственных товарных интервенций с целью стабилизации цен. Эти меры следует претворить в жизнь в самые кратчайшие сроки. В противном случае дальнейший рост цен на авиационное топливо уже не позволит большинству отечественных авиакомпаний избежать банкротства.

Что же делать?

Если Россия сможет осуществить назревшие реформы и вывести свою гражданскую авиацию из системного кризиса, то постепенный переход к новым формам международно-правового регулирования ее отношений с внешним миром в сфере воздушного транспорта станет логичным и оправданным. Особого внимания, мощной и, главное, эффективной государственной поддержки и бережного отношения требует на-

пиональный перевозчик. Вне зависимости от своей доли в его капитале. государство должно существенно сократить степень своего прямого участия в каждодневной деятельности OAO «Аэрофлот», перестать чинить препятствия его нормальному развитию, будь то строительство собственного базового аэропорта или приобретение новых конкурентоспособных воздушных судов. Государство должно также проследить за тем, чтобы продвижение российских авиакомпаний на внешние рынки происходило не за счет передела завоеваний «Аэрофлота» (коммерческие права на международные перевозки, слоты и т. п.), а за счет освоения новых ниш и сегментов. Со своей стороны руководство «Аэрофлота» и других крупных компаний должно предпринять шаги с целью повышения эффективности работы своих компаний, оптимизации штатов, ликвидации убыточных или непрофильных видов деятельности. С учетом продолжающегося процесса старения летного состава авиакомпаниям необходимо при содействии государства предпринять срочные меры по привлечению молодых пилотов и штурманов к их профессиональной подготовке на воздушных судах нового поколения. Необходимо четко осознать, что без политической и экономической поддержки авиаперевозчиков – основных перспективных потребителей – возрождение отечественного авиапрома просто невозможно. Более того, только так можно сохранить оставшиеся внешние рынки для гражданской продукции российского самолето- и вертолетостроения и завоевать новые. И в этой связи радует тот факт, что С.Иванов намерен добиваться изменения таможенного и налогового режимов для авиапрома. По его словам, производить гражданские самолеты на российских предприятиях сегодня просто экономически невыгодно. «Я это прекрасно понимаю и поэтому хочу изменить правила игры, чтобы отрасль стала конкурентоспособной», - заявил вице-премьер России.

> «Российская Федерация сегодня» №4 – 2007 г.

ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ ПРЕДСТОИТ ЖИТЬ НАРОДАМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Крупнейшая геополитическая катастрофа конца XX века — распад Советского Союза превратил многовековую державу мирового уровня в размытое и аморфное «постсоветское пространство» (ПСП). На этом пространстве и сегодня, спустя полтора десятилетия, продолжаются турбулентные процессы, оказывающие неоднозначное влияние на перспективы становления и развития образовавшихся здесь государств. К началу 2007 года «цивилизованный развод» бывших союзных республик по «национальным квартирам» в основном завершен. И хотя большой войны удалось избежать, все же бескровным этот процесс не назовешь. Немало крови пролилось в вооруженных столкновениях «малого масштаба» — Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Чечня.

Существующая ситуация. Сегодня территория бывшего СССР являет собой довольно пеструю картину. «Концерта» суверенных республик не получилось. Не считая России, которая занимает большую часть ПСП и политика которой во многом определяет будущее этого пространства, здесь можно выделить несколько специфических групп государственных образований.

К ним относятся: страны Балтии, которые, эксплуатируя образ оккупированных СССР территорий и «новую российскую угрозу», сумели в короткий срок стать членами НАТО и ЕС; западные республики — Украина, Молдавия, Белоруссия; Южный Кавказ; Центральная Азия. На этом же пространстве существует несколько квазигосударственных образований, не признанных мировым сообществом, но стремящихся приобрести все атрибуты независимых, — Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье.

Несмотря на пестроту политического и социально-экономического ландшафта, на ПСП действуют ряд общих факторов, влияющих на развитие ситуации. К ним относятся:

- в политической сфере продолжающаяся перестройка внешнеполитического курса новых государств с усилением прозападного и ослаблением российского векторов, что характерно и для государств, придерживающихся многовекторной внешней политики;
- в экономике переход к рыночным отношениям, во многих странах сдерживаемый рудиментами политической системы советских времен, приспособленной для жесткого централизованного управления хозяйственной жизнью страны, но малопригодной для свободного рынка;
- в сфере технологий резкий спад технологического уровня и нарастающее отставание не только от стран западного мира, но и от многих развивающихся стран;
- в оборонной области ослабление военной мощи (не считая находящихся под зонтиком НАТО стран Балтии), особенно заметное на фоне роста военных сил и Запада (США, блок НАТО, объединенные вооруженные силы ЕС), и Востока (Китай, Япония). Сегодня ни одна из стран СНГ не в состоянии самостоятельно обеспечить вооруженную защиту своего суверенитета. Наиболее мощная среди них Россия (даже с учетом ее значительного, но постепенно тающего ракетно-ядерного потенциала) не может сравниться с США и НАТО, даже с КНР, неуклонно наращивающей и модернизирующей военный потенциал;
- **в области национальных отношений** переход от интернационализма советских времен к национализму;
- **в интеллектуальной сфере** снижение образовательного и интеллектуального уровня, разрушение научного потенциала, особенно в фундаментальных исследованиях;
- в идеологической сфере усиление влияния религиозных институтов, заметное проявление размежевания по конфессиональному признаку, рост ксенофобии и неприятия иных верований.

Не менее значимо влияние на ситуацию в странах ПСП и вторичных факторов, становящихся все более весомыми. Это приобретающие опасный системообразующий характер криминалитет и коррупция, демографические проблемы, неконтролируемая миграция, пошатнувшееся духовное и физическое здоровье наций.

Воздействие всех этих объективно и повсеместно действующих факторов на отдельные страны ПСП не одинаково. Соответственно глубина политических и экономических преобразований в этих странах, их развитие также заметно разнятся.

Перспективы развития ситуации. В ближайшем будущем постсоветское пространство полностью перестанет восприниматься как пусть рыхлое, с распадающимися связями, но все же единое пространство,

как целостный объект воздействия политики внешних сил, в том числе дипломатии России. Грани между постсоветским пространством и окружающим миром становятся все более размытыми, новые страны все прочнее встраиваются в мировую политическую и хозяйственную системы. Помимо России здесь борются за свои интересы и преследуют свои цели США и ЕС, Китай и Индия, Пакистан и Турция, Иран и Саудовская Аравия. СНГ, которое так и не смогло стать реально действующим сообществом стран, вставших на путь кардинальных политических и экономических преобразований, тихо прекращает свое существование. «Гранды» мировой политики все больший упор делают на дифференцированный подход к постсоветским государствам.

Вместе с тем со стороны внешних сил (США, ЕС, Китая) можно ожидать стимулирования интеграционных процессов в отдельных частях ПСП и в отдельных сферах (экономика, оборона, борьба с общими угрозами и т. п.). В борьбе за влияние на постсоветские государства и контроль за их природными ресурсами эти центры силы будут стремиться формировать объединения постсоветских республик под своей эгидой, в том числе с включением в них других государств. Примерами таких образований могут служить ШОС (одним из инициаторов создания которой выступил Пекин), ГУАМ, Содружество демократического выбора (последние два созданы под покровительством США и ЕС) и ряд проектируемых образований, в частности объединение стран Центральной и Южной (Афганистан, Пакистан) Азии.

В сущности, постсоветское пространство интересует США и Запад, во-первых, как дополнительный надежный поставщик первичных энергоресурсов и важная транзитная территория и, во-вторых, как средство ограничения влияния и амбиций России — наиболее опасного для их долговременных планов звена на постсоветском пространстве, ее «мягкой изоляции» или даже «управляемой блокады». Достижение этих двух целей укладывается в комплекс превентивных мер Вашингтона, имеющих целью исключить появление на месте бывшего СССР нового геополитического конкурента.

Дилемма в отношении будущего ПСП, в сущности, довольно проста. Если Россия сумеет добиться успехов на пути экономической и социальной модернизации и дальнейшей демократизации своей политической системы, она неизбежно станет мощным центром притяжения для ближайших соседей, их экономического и политического объединения на новой основе. И более того, центром консолидации мировых сил, выступающих против концепции однополярного мира со штаб-квартирой в Вашингтоне. Иначе сложится ситуация, если этого не произойдет. Экономически и технологически отсталая Россия навсегда распростится с надеждами на возрождение своего влияния на пространстве бывшего СССР и намного облегчит США достижение мирового господства.

Исходя из рассмотренных выше факторов и возможных сценариев эволюции отношений между Россией, Китаем, США и ЕС можно прогнозировать следующее развитие ситуации в постсоветских государствах.

Страны Балтии как северо-восточный форпост НАТО и ЕС окончательно связывают свое будущее только с этими организациями. Они, конечно, будут развивать экономические связи с Россией. И можно надеяться, что их политический курс на российском направлении станет более сглаженным и прагматичным, лишенным нынешних экстремистских антироссийских выпадов. Но надо учитывать и то, что курс этих стран, представляющих в НАТО и ЕС проамериканскую прослойку, в отношении России будет и впредь формироваться под влиянием Вашингтона.

Политическое руководство и политические элиты государств западного сегмента ПСП (прежде всего Украины и Молдавии) продолжат попытки ввести свои страны в сферу политического и экономического влияния Евросоюза, хотя членство в этой организации для них пока недостижимая цель. Тем не менее влияние ЕС на эти страны будет возрастать, и их экономические, трудовые, транзитные ресурсы окажутся предметом конкурентной борьбы между объединенной Европой и Россией.

Украина при поддержке ЕС сохранится в своих современных границах, оставаясь политически рыхлым государством с неустойчивым конституционным строем. Итогом жесткой политической борьбы с участием внешних сил станет возможное вступление «незалежной» в НАТО (этого, с достаточно высокой вероятностью, можно ожидать к 2012 году), что не избавит страну от появления ряда новых вялотекущих конфликтов на ее территории, особенно в восточных областях страны и в Крыму, где уже сегодня обозначились три противоборствующие силы: крымские татары, украинские националистические движения, пророссийские силы.

Молдавия, весьма вероятно, будет все дальше продвигаться по пути распада, становясь при этом объектом возможного конфликта между Украиной и Румынией.

Особое место занимает Белоруссия, которая сегодня находится, образно говоря, на перепутье трех дорог. В случае смены политического режима на прозападный она скорее всего попытается выйти из-под влияния России. Если нынешняя правящая элита Минска сумеет сохранить свои властные полномочия, страна может превратиться в предмет торга между Россией, США и ЕС.

Южный Кавказ в обозримом будущем, несмотря на массированное содействие США, в том числе финансовые вливания, и непосредственное участие Западной Европы, вряд ли превратится в полноценный и

надежный энергокоридор, оставаясь зоной региональных конфликтов. Грузия через 5–7 лет может стать членом НАТО. Главным препятствием на этом пути остаются территориальные конфликты, приемлемых путей разрешения которых пока не видно. Не исключено, что в связи с этим Грузия в конце концов может стать подконтрольным ООН анклавом. Вместе с тем нынешние высокие темпы милитаризации страны увеличивают вероятность попыток Тбилиси решить конфликты с Южной Осетией и Абхазией вооруженным путем.

Армения будет и впредь придерживаться сбалансированной между Западом и Россией политики, что в известном смысле будет ограничивать ее суверенитет. Вместе с тем все большую роль в политике Армении будут играть США и НАТО, доминирующее влияние России в этой стране будет уменьшаться.

Роль **Азербайджана** в силу его большей независимости от внешних факторов как главного поставщика энергоресурсов в субрегионе будет скорее всего возрастать. Этому будут способствовать и тесные связи с Турцией — «эмиссаром» НАТО в регионе, достаточно стабильный уровень взаимоотношений с Россией в политической и экономической сферах, поддержка со стороны исламского мира.

Существенным дестабилизирующим фактором будет оставаться пока неразрешимая проблема Карабаха, которая может в любой момент привести к новому витку вооруженных столкновений между Азербайджаном и Арменией.

В Центральной Азии продолжатся дезинтеграционные процессы. Ориентация Казахстана на Москву и Запад одновременно и на лидерство в ЕврАзЭС не найдет отклика в погрязшей в неразрешимых социально-экономических проблемах Центральной Азии.

Что касается **России**, то серьезный урон ее интересам на ПСП нанесли ошибки, допущенные во взаимоотношениях с Украиной и Белоруссией. Вместе с тем заслуга Президента Владимира Путина в том, что он сумел остановить процесс распада России. Это позитивно повлияло, хотя и в разной степени, на все страны СНГ и приостановило полную дезинтеграцию Содружества. Но серьезные вызовы интересам России сохраняются и нарастают.

На западе ПСП усилиями США и НАТО в ближайшие годы будет усилена попытка создать в Киеве альтернативный Москве центр влияния. Вступление Украины в НАТО, если оно произойдет (а на это направлены главные усилия США), станет крупнейшим вызовом России со времен крушения СССР.

В отношениях с Украиной России придется все больше опираться на формат стандартных международных отношений. Однако неустойчивость политической системы Украины будет тормозить процесс их установления. В ближайшие 10 лет не получит позитивного политического

решения между Москвой и Киевом проблема транзита российских углеводородов. Что касается проблемы базирования Черноморского флота России, то его вывод из Севастополя может потребоваться ранее оговоренного 2017 года.

Сотрудничество с Белоруссией будет и впредь иметь для России стратегический характер. Однако особенности нынешнего белорусского политического режима, с одной стороны, и «механистический» курс российского руководства, стремящегося перевести на рыночные рельсы отношения с этой страной без должного учета долговременных стратегических интересов России, — с другой, могут не позволить сделать Белоруссию своим стратегическим союзником, плацдармом для «прорыва» в Центральную Европу, надежным звеном для решения проблемы «калининградского» коридора. В итоге Белоруссия может повторить украинский сценарий и в значительной степени переориентируется на Запад.

На Кавказе будет активизироваться политика внешних сил по вытеснению России, и Москве придется искать пути закрепления своего влияния в этом важном для ее безопасности и обеспечения собственной территориальной целостности регионе (учитывая неразрывную связь Южного и Северного Кавказа).

В Центральной Азии главным вызовом явится растущая угроза дальнейшей экономической деградации и политической дестабилизации ряда стран — Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Будет обостряться политическая борьба за влияние в Туркменистане, где можно ожидать активизации проамерикански настроенной оппозиции нынешнему режиму.

В целом можно отметить, что общие интеграционные процессы на постсоветском пространстве слабеют. В обозримый период будут все больше доминировать двусторонние связи при усиливающейся конкуренции со стороны внешних сил за влияние на ПСП.

«Российская Федерация сегодня» №7 – 2007г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД?

Одной из коренных проблем мировой политики наступившего XXI века является кризис глобального управления. Ни одна из имеющихся международных организаций, созданных после Второй мировой войны, не способна адекватно ответить на качественно новые вызовы и угрозы.

В этой связи внимание обозревателей всего мира вновь и вновь привлекают перспективы эволюции главной международной организации – Организации Объединенных Наций. Конкретные варианты ее реформирования планировалось рассмотреть еще на Всемирном саммите-2005 в Нью-Йорке, однако никаких решений тот форум не принял, по существу, отложив реформу ООН на неопределенный срок. Традиционно считается, что ООН остается единственной универсальной организацией мирового сообщества, высшим носителем и стражем современного международного права и в этом качестве пользуется наивысшим моральным авторитетом. Эта точка зрения, которой неукоснительно придерживался СССР, а затем и Россия, с некоторых пор была поставлена под сомнение. Конец «холодной войны» породил многочисленные надежды, прежде всего на то, что операции ООН по поддержанию мира приобретут новые масштабы и значение. И действительно, некоторых успехов в конце прошлого века ООН добиться удалось. Однако после прекращения советско-американской конфронтации особенно рельефно выявились те недостатки организации, которые ранее находились на втором плане, – ее крайняя бюрократизация, некомпетентность многих чиновников, параллелизм в функциях многих структур, неясность перспектив реформы ООН и т.п. Пока все эти вопросы остаются без решений. За годы после конца «холодной войны» ООН так и не смогла найти новые организующие принципы для своей деятельности. Миротворческие операции последних лет характеризуются бессистемностью и низкой эффективностью. Организация по-прежнему больше реагирует на кризисы, нежели предотвращает их. Кроме того, избирательный интерес ООН к конфликтам в различных регионах мира дает основания утверждать о наличии в ее деятельности двойных стандартов. ООН, по существу, оказалась бессильной в нейтрализации таких общемировых угроз, как рост международного терроризма, воинствующего сепаратизма и национализма, интернационального криминала, как распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, все отчетливее наблюдаемая милитаризация международных отношений, игнорирование международного права, подмена его правом силы. То же можно сказать и о многих гуманитарных и социально-экономических программах ООН и ее специализированных органов. Все чаще задается вопрос о том, существуют ли вообще какие-либо объективные критерии, предопределяющие активность ООН в одних случаях и полное отсутствие деятельности в других. Реформа ООН назрела – с этим согласна и Россия. Но проблема для нас в том, как содействовать преобразованиям этой организации, минимизируя издержки для статуса России. С одной стороны, Россия не может и не должна выступать как главный тормоз на пути реформ. С другой стороны, принимая во внимание нынешние экономические, финансовые и военные реалии, нельзя допустить ущемления прав нашей страны в этой организации. Таким образом, вопрос о реформе ООН весьма сложный и болезненный для России. Реальная включенность России в мировые политические, экономические, информационные и технологические связи и способность оказывать конструктивное воздействие на процессы в международных отношениях требуют сохранения ведущей роли России в реформированной системе ООН. Все попытки западных государств «урезать» роль России в ооновских структурах должны получать обоснованный отпор. Только такой подход отвечает национальным интересам России. Если взять европейские организации, то и здесь в последние годы также все более четко проявляется тенденция качественного изменения их характера. С распадом социалистического блока и нарушением военно-политического паритета сил на европейском пространстве международные организации Европы все больше превращаются в инструмент оказания дополнительного давления на Россию, с использованием для этих целей двойных стандартов и представлением РФ чуть ли не изгоем в ряду респектабельных демократических государств. В первую очередь это касается Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в свое время служившей важным и заслуживающим доверия форумом, охватывающим военную, политическую, экономическую и гуманитарную сферы, а в настоящее время деградировавшей до уровня заангажированного контролера на территории нашей и ряда других стран, например Белоруссии. Для решения этой задачи организация проводит откровенно предвзятую кадровую политику. Так, Россия по-прежнему недостаточно представлена в ОБСЕ на руководящих должностях. Западные страны крайне неохотно допускают российских представителей «на внутреннюю кухню» ОБСЕ, предпочитая держать под контролем основные «кадровые высоты» в исполнительных структурах, утверждают российские представители в ОБСЕ. В условиях резкого снижения уровня управляемости международными кризисами и наращивания военного давления США и НАТО на Россию с территории Европы, ослабления (по сравнению с СССР) политического влияния Москвы становится очевидным, что механизм ОБСЕ, созданный для обеспечения общеевропейской безопасности, сейчас становится неадекватным. Получается, что возникающие проблемы, например нарушение военного баланса в Европе, скорее могут быть решены в рамках Совета РФ – НАТО или в ходе прямых контактов между США и Россией. Это тем более верно, что, например, в вопросе размещения американской ПРО в Чехии и Польше, создания новых военных баз в Болгарии и Румынии Вашингтон просто игнорирует мнение союзников.

Аналогичная ситуация складывается и в экономической сфере. Глобализация мировой экономики, совокупность проблем, связанных с поставками энергоносителей из России в Европу, специфика экономических отношений отдельных европейских стран с нашей страной и множество других вопросов, требующих оперативного решения, выдвигают на передний план диалог по линии Россия — ЕС и двусторонние торгово-экономические контакты. Громоздкий механизм ОБСЕ остается в стороне от этих задач да и не способен решать их.

То же самое можно сказать о гуманитарной сфере – пресловутой «третьей корзине» ОБСЕ, которая в связи с политическими трансформациями в Восточной Европе, и в России в частности, объективно должна была постепенно терять свое былое значение. Однако именно это направление было взято на вооружение для оказания давления на Россию со стороны якобы безгрешных в плане демократии старых и новообращенных членов ЕС и НАТО, задающих конфронтационный тон в работе ОБСЕ. Особый протест в России и ряде других стран СНГ вызывает тенденциозный подход ОБСЕ к разрешению конфликтов на территории бывшего СССР. С одной стороны, эта организация резко критикует Россию за нарушение прав человека, в частности в Чечне. С другой стороны, ОБСЕ подчеркнуто игнорирует нарушения прав русскоязычного населения в странах Балтии, где деятельность этой организации практически свернута. Достаточно вспомнить недавнюю вакханалию, развернувшуюся в Таллине в связи с переносом памятника Солдату-освободителю, многочисленные протесты по этому поводу из многих стран, в том числе военных ветеранских организаций стран Западной Европы. И где при этом была ОБСЕ? Разве она возвысила свой голос в связи с таким очевилным попранием демократических прав и свобод? Разве она осудила высказывания самых высокопоставленных руководителей Эстонии. обозвавших советских солдат, принесших Европе победу над фашизмом, «бандитами»? Даже трудно представить, как международная европейская организация могла дискредитировать себя больше, чем это сделала ОБСЕ прошедшей весной. Россия обоснованно опасается также предвзятого подхода ОБСЕ к грузино-осетинскому конфликту. Вовсе не случайна жесткая реакция Москвы на предложение Грузии расширить мандат ОБСЕ в зоне конфликта. Для эффективной работы миссии ОБСЕ в Южной Осетии, считают в российском МИДе, «требуется не увеличение численности ее наблюдателей, а непредвзятость, четкое следование своему мандату». Реальная деятельность ОБСЕ все больше контрастирует с декларируемыми ею принципами и словесными намерениями адаптировать организацию к нынешним условиям. Так, в 1992 году на Хельсинкской встрече на высшем уровне был принят документ «Вызов времени перемен». Намерения были благие – начать трансформацию ОБСЕ из форума преимущественно политического диалога между государствами-участниками в трансрегиональную организацию, ставящую целью поддержание военно-политической стабильности и развитие сотрудничества «от Ванкувера до Владивостока». В 1994 году в принятой на Будапештской встрече ОБСЕ политической декларации с громким названием «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху» вновь говорилось о необходимости перестройки деятельности ОБСЕ. А в 1996 году в итоговом документе встречи в Лиссабоне «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века» подчеркивалась необходимость строительства единой, мирной и демократической Европы без разделительных линий.

Но с 2003 года никакие политические декларации в организации не принимались.

Со своей стороны Россия стремится делать все от нее зависящее, чтобы найти выход из возникающего тупика. В 2004 году странами СНГ было сделано заявление о необходимости реформирования ОБСЕ. Франция и Германия выразили готовность провести с участием России заседание экспертных групп по этой теме. Сложилось впечатление, что они серьезно восприняли заявление государств СНГ о необходимости вернуть ОБСЕ к изначальным принципам, адаптации к новым условиям, сложившимся в Европе. Однако, как показала практика, впечатление было ложным. Неудивительно, что российское руководство и по сей день не видит прогресса в деятельности этой организации. «ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной группы стран в

отношении другой». – заявил Президент России, выступая на конференции по безопасности в Мюнхене. «Под эту задачу скроили и бюрократический аппарат ОБСЕ, который никак не связан с государствами-учредителями, скроили под эту задачу процедуру принятия решений и использования так называемых неправительственных организаций, формально независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит, подконтрольных», - подчеркнул В.Путин. Он напомнил, что, согласно основополагающим документам, ОБСЕ в гуманитарной сфере призвана оказывать странам-членам организации по их просьбе содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Задача действительно важная. Но эта помощь не должна выливаться во вмешательство во внутренние дела государств и в их двусторонние отношения с другими государствами. В ходе недавно состоявшейся в Германии встречи «большой восьмерки» В.Путин настойчиво предлагал ОБСЕ обсудить тему ПРО США в Европе, вместо того чтобы «искать блох на постсоветском пространстве». Во многих других международных организациях ситуация, к сожалению, мало чем отличается от той, что складывается в ОБСЕ. В первую очерель это относится к многочисленным европейским организациям, таким, как Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Сейчас Россию усиленно приглашают и в другие международные организации, например в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). И хотя ОЭСР – организация экономическая и членство в ней дает очевидные преимущества, тем не менее, с учетом накопленного опыта, нам надо хорошенько подумать, прежде чем принять окончательное решение. Достаточно сказать, что в настоящее время одним из новых и, можно сказать, «модных» направлений работы ОЭСР является создание Сети по борьбе с коррупцией в странах с переходной экономикой, в том числе в Российской Федерации. Коррупция, безусловно, серьезная проблема, в том числе и для нашей страны, но легко представить, как при желании можно развернуть эту тему против России в случае «политического заказа», использовать и эту авторитетную организацию как дополнительный рычаг давления на Россию и проталкивания собственных интересов. Не случайно Президент России на Экономическом форуме в Петербурге предложил коллегам из других стран подумать о диверсификации международных экономических отношений, в частности о создании организации, альтернативной ВТО. Повод достаточно весомый. Многие крупные международные организации - Всемирный банк, МВФ, ВТО и др., которые формировались под другие реалии, уже не справляются с регулированием глобального международного рынка и действительно нуждаются в реструктуризации и модернизации. Это видно на примере ВТО и переговоров в Дохе, которые зашли в тупик.

В мире явно назреда острая необходимость создания новых институтов свободной торговли, как и необходимость диверсификации финансовой системы. Подводя итог, следует отметить, что, к сожалению, попытки трансформировать ООН, ОБСЕ, как и ряд других межлународных организаций, до сего времени терпели неудачу. В чем смысл их существования с точки зрения Запада, понятно, однако вопрос о том, насколько членство в некоторых из них выгодно для России, остается открытым. Это относится, в частности, к ОБСЕ, ряду других институтов европейского направления. Не до конца определились российские власти и деловые круги и с членством в ВТО. Но Россия не только критикует международные организации, но и пытается придать им второе дыхание. Дело за тем, чтобы наши западные партнеры конструктивно откликнулись на российские инициативы и включились в совместный поиск решений проблем, которые действительно актуальны – будь то в глобальном масштабе или на евроатлантическом пространстве. По-видимому, нельзя полностью отказываться от старых структур, пусть даже и не очень эффективных. Но если не сделать попытки модернизации этих структур, занявшись выстраиванием новых, то это лишь приведет к возрастанию хаоса в международных отношениях.

> «Российская Федерация сегодня» №13 – 2007г.

СТОИТ ЛИ БРАТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ «БЕЗ ГАЛСТУКОВ»?

Какое наследство Путин и Буш оставляют российско-американским отношениям

В последние месяцы, особенно после выступления В.Путина на конференции по безопасности в Мюнхене, где российский Президент подверг острой критике некоторые опасные перегибы во внешней политике американской администрации, только ленивый не писал о резком ухудшении отношений между Москвой и Вашингтоном, о возврате к «холодной войне» едва ли не как о свершившемся факте. На этом удручающем информационном фоне прошли две последние встречи президентов России и Соединенных Штатов – в Германии, в рамках встречи «восьмерки», и неформальный визит Президента В.Путина 1-2 июля в США, где он провел рабочую встречу со своим американским коллегой. Встреча в Кеннебанкпорте никаких прорывных, судьбоносных решений не принесла. Да от нее и не ждали этого. Тем не менее, несмотря на хор ироничных и язвительных комментариев, в которых на все лады обыгрывались и «Першинги с омарами», и «у кого какой улов», и «кто на чью удочку попался», эту встречу двух высокопоставленных коллег вряд ли можно отнести к разряду заурядных встреч «без галстуков».

Серьезный анализ результатов деловой части неформального визита российского Президента в США позволяет сделать далеко идущие выводы, касающиеся состояния и перспектив двусторонних российско-американских отношений и их сотрудничества или соперничества в международных делах.

Прежде всего встреча в доме Буша-старшего призвана была сгладить накопившуюся в последнее время напряженность в отношениях США и России и попытаться найти взаимоприемлемые решения наиболее острых проблем. Но это ее, так сказать, тактическая цель. В более широком, стратегическом контексте встреча должна была, вопервых, подчеркнуть преемственность и неизменность курса США по

отношению к России - курса, в котором есть и хорошее, и то, что нам, мягко говоря, не совсем нравится. Во-вторых, стать для приходящих к власти в обеих странах новых команд определенным ориентиром на пути строительства дальнейших отношений. Насколько удалось достичь этих целей и чего можно ждать России на американском направлении своей внешней политики? «Россия нам не враждебна. Россия нам друг. И хотя я не всегда согласен с Россией, я рассматриваю Россию как дружественную страну, а не враждебную», - заявил президент Буш на пресс-конференции накануне визита В.Путина. Безусловно, надо делать скидку на дипломатическую вежливость, но все же нельзя не видеть за этими словами главного – американский президент выразил убеждение в том, что сотрудничество с Россией важно для Соединенных Штатов, даже несмотря на серьезные разногласия в подходах к целому ряду острейших международных проблем. Буш попытался создать благожелательный фон для предстоящих трудных переговоров с В.Путиным и подтвердить приверженность стратегическому курсу США на сотрудничество с Россией, альтернативы которому он не видит и который должен быть продолжен и после его ухода с поста президента. И это можно назвать первым положительным итогом встречи. Позитивным результатом можно считать и то, что американский президент отнесся к позициям России по обсуждаемым международным проблемам с известным вниманием, признал ее право на защиту национальных интересов. Россия - «значительный политический игрок», с мнением которого надо считаться, заявил, в частности, американский президент. С одной стороны, это признание следствие того, что Москва приобрела собственный и достаточно весомый голос в международных делах, почти утраченный за первое десятилетие после распада СССР и появление новой Российской Федерации. А Соединенные Штаты, со своей стороны, постепенно начинают понимать неприемлемость принципа «что хорошо для Америки, хорошо и для остального мира», включая Россию. Это вселяет надежду на то, что накопившиеся двусторонние и общие международные проблемы будут все же решаться не конфронтационным путем, а, по крайней мере, будут сделаны попытки найти какие-то компромиссные решения за столом переговоров, пусть даже эти попытки не всегда будут приводить к успеху.

Наконец, в результате переговоров стороны обозначили стратегический путь сотрудничества в ядерной области. В частности, объявлено о том, что вскоре будет заключено соглашение о сотрудничестве в области мирной ядерной энергетики, и подтверждено намерение продолжить обсуждение проблемы сокращения стратегических наступательных вооружений. Не стоит преуменьшать значения этих договоренностей. Во-первых, мирная ядерная энергетика и военный атом,

как показывает международная практика (та же иранская ядерная проблема), - пересекающиеся области. Следовательно, помимо взаимных экономических выгол соглашение по ядерной энергетике будет способствовать и снижению такой глобальной угрозы, как распространение атомного оружия. Но главное – будут начаты переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений. Срок действия Договора СНВ-1 прекращается в декабре 2009 года, СНВ-2 прекратил свое существование после выхода США из Договора по ПРО, а Договор о СНВ 2002 года неконкретен и противоречив, не содержит реальных уровней ограничения и не предусматривает мер контроля. Это, скорее, соглашение о намерениях, и не более того. Таким образом, стратегические вооружения (и оборонительные, и наступательные) остаются вне договорных рамок, тем самым открывается возможность для их бесконтрольного наращивания. Поэтому так важно заключение юридически обязывающего соглашения о сокращении СНВ. К сожалению, ядерная область практически единственная, по которой наметились какие-то конкретные решения. По таким острым проблемам, как проблема ПРО в Европе и в целом будущее действующей системы контроля над вооружениями, в том числе ДОВСЕ, как Косово, Иран, ближневосточное урегулирование, комплекс экономических проблем, стороны остались каждая при своем мнении, что и подтвердили последующие события. Буквально через две недели после визита В.Путин подписал указ о временном приостановлении участия России в ДОВСЕ. Тогда же было заявлено, что Россия не будет участвовать в работе над очередным вариантом резолюции Совета Безопасности ООН по Косову, который по-прежнему направлен на предоставление независимости этой сербской провинции вопреки возражениям Белграда. США со своей стороны подтвердили, что не намерены отказываться от планов размещения системы ПРО в Европе. В этом же ряду можно рассматривать и предпринятый МИДом Великобритании с одобрения Вашингтона дипломатический демарш, призванный перевести уголовное «дело Литвиненко» в политическую плоскость, и более того – в рамки отношений России и ЕС.

Надо отметить, что сама по себе проблема размещения элементов американской противоракетной обороны в ряде стран Европы является лишь частью намного более обширной и опасной проблемы милитаризации международных отношений, которая неизбежно ведет к слому сложившейся системы контроля над вооружениями (что и наблюдается сегодня на примерах канувшего в Лету Договора по ПРО 1972 года, ДОВСЕ, Договора о РМСД и др.) и к глобальному наращиванию военной мощи, к интенсификации работ по созданию новых и совершенствованию уже известных видов оружия, к усилению экспансионистских устремлений существующих военных союзов (Севе-

роатлантическому альянсу в этом отношении надо отдать лидерство) и созданию новых. В конечном итоге эта тенденция, если ее не остановить, ввергнет мир в новый и более масштабный виток гонки вооружений, в которую будут уже включены и многие государства, ранее занимавшие сдержанные или пассивные позиции по вопросам собственного вооружения. И задача США и России, как наиболее мощных в военном отношении держав мира, обладающих огромными ядерными потенциалами, политическим авторитетом, совместными усилиями остановить сползание мира к милитаризации. Пусть и в весьма расплывчатых чертах, но это намерение было подтверждено на встрече президентов, а в области СНВ сделан практический шаг по обузданию гонки вооружений.

Что касается, собственно, размещения элементов ПРО США в Европе, то здесь стоит отметить два наиболее существенных, на наш взгляд, момента. Во-первых, военное значение этих элементов не так уж и безобидно, как пытаются представить в Вашингтоне. Их надо рассматривать как весьма существенную добавку (увеличение почти на треть) в уже развернутую наземную группировку ПРО США (не считая разрабатываемых систем космического и воздушного базирования). Кроме того, противоракетная оборона – это не просто система вооружений. Это комплекс мероприятий, совокупная реализация которых сводит на нет количественный фактор, на который упирают сторонники размещения ПРО (их главный аргумент: «Что значит десяток противоракет против сотен российских ракет?»). К тому же весьма важную роль, непосредственно касающуюся стратегического потенциала России, будет играть РЛС в Чехии, размещаемая в районе, идеально подобранном именно для наблюдения за российской территорией. Но не менее важен и политический фактор, связанный с планами по развертыванию ПРО и военных баз США в странах Восточной Европы. Этот фактор должен стать головной болью в большей степени для Европы. И дело не только в том, что США берут на себя оборонительные функции Объединенной Европы на основе двусторонних соглашений с отдельными членами ЕС и будут единолично принимать решения по применению размещаемого в Европе стратегического оружия. Главное в том, что в Европе под руководством США, по существу, создается новое военное содружество, сцементированное не только тесными политическими отношениями, но и военными соглашениями, и едиными стратегическими задачами. Но в Брюсселе и других западноевропейских столицах предпочитают закрывать глаза на столь опасную по своим последствиям нарастающую военную активность США. Если бы США действительно беспокоил гипотетический ракетный удар со стороны Ирана, то им следовало бы принять предложение В. Путина создавать глобальную ПРО

совместными усилиями США, Европы и РФ. По существу, Президент России предложил новую модель безопасности. Отказ Вашингтона от этого предложения убедительно доказывает, что защита Европы от иранских ракет — задача для США третьестепенная, она лишь камуфлирует истинные военные цели США, связанные с ракетно-ядерным потенциалом России.

Серьезный разлад в российско-американские отношения вносит проблема Косова. Пока не видно ее приемлемого для всех решения. А вывод проблемы из компетенции Совета Безопасности ООН и передача ее ЕС приведет к автоматическому введению плана Ахтисаари и окончательному отторжению края от Сербии.

Что касается иранской проблемы и ее роли в российско-американских отношениях, то здесь в целом создано неплохое поле для сотрудничества США и России. Действительно, появление у Ирана ядерного оружия серьезнейшим образом и не в лучшую сторону изменит стратегическую ситуацию в этом взрывоопасном и уже пылающем регионе, не решая ни одной из накопившихся проблем Большого Ближнего Востока, а только добавляя новые. В этом не заинтересованы ни Соединенные Штаты, ни Россия. Расхождения между ними в путях решения проблемы только политическими и дипломатическими средствами, в чем убеждена Россия, либо не исключать и военных акций. Обе стороны согласились также на принятие экономических мер, которые должны поставить препоны на пути военной ядерной программы Ирана, но расходятся в том, насколько жесткими должны быть такие меры. Впрочем, серьезно затронуть Тегеран может только нефтяное эмбарго, но на это не готова пойти не только и не столько Россия, сколько другие страны – потребители иранской нефти, в том числе ближайшие союзники США. Да и вторжение США в Иран представляется в сложившихся условиях маловероятным. Вашингтону остается делать ставку на ужесточение экономических мер, не затрагивающих серьезно нефтяные поставки, на демонстрацию своей военной мощи и постоянно подогреваемую угрозу ее применения для принудительного прерывания военной ядерной программы и на расшатывание внутренней ситуации в Иране путем «несмертельной операции» с целью подорвать устойчивость существующего в стране клерикального режима.

Встреча В.Путина и Дж.Буша в Кеннебанкпорте была фактически последней их встречей в ранге лидеров своих стран. (В начале сентября президенты России и США планируют принять участие в работе саммита АТЭС в Сиднее, где может состояться их новая беседа.) Поэтому эту встречу можно рассматривать и как подводившую итоги российско—американских отношений за почти восьмилетний период и наметившую перспективу их дальнейшего развития.

Надо отметить, что основная стратегическая линия отношений между Россией и США все эти годы неуклонно выдерживалась. При всех сложностях и разногласиях стороны не скатились к банальной конфронтации, а стремились решать все разногласия за столом переговоров. Они активно сотрудничали в борьбе с международным терроризмом, более или менее согласованно действовали в сфере нераспространения ядерного оружия, в обеспечении глобальной энергетической безопасности, пытались найти, и не так уж редко находили, общий язык в решении наиболее острых проблем современности. Другое дело, что многое в отношениях между Москвой и Вашингтоном держалось на личных отношениях двух президентов, не было подписано ни одного двустороннего юридически обязательного соглашения. Это, конечно, вносит элемент неопределенности в будущее российско-американских отношений. Но созданный за эти годы дух сотрудничества, делового обсуждения, прагматического подхода при защите национальных интересов, как представляется, должен сохраниться и на ближайшее будущее в качестве стратегической линии взаимоотношений. Вместе с тем за этот же период накопилось довольно много острейших проблем, которые могут привести к дальнейшему похолоданию в российско-американских отношениях. США конечно же нацелены на сотрудничество с Россией, но не из-за признания России равным партнером. Просто такой путь представляется им более выгодным, чем жесткая конфронтация, от которой проиграет Россия, но в еще большем проигрыше может оказаться западный мир. А у США больше возможностей и больше рычагов воздействия на Россию, чтобы отстаивать свои интересы и проталкивать позиции за столом переговоров. Поэтому можно рассчитывать, что и при смене руководства в Белом доме, с приходом туда после президентских выборов 2008 года новой команды демократов (что весьма вероятно) стратегический курс США по отношению к России вряд ли изменится. Хотя некоторые особенности этого курса наметились уже сейчас. На Россию будет усиливаться давление по гуманитарной линии, критика ее внутренней политики. Во внешней политике можно ожидать активизации действий по укреплению евроатлантического единства и скоординированности в проведении политики на российском направлении, попыток притормозить растущее влияние России в регионе Большого Ближнего Востока, в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке. Можно ожидать также дальнейшей активизации деятельности США на постсоветском пространстве (причем основными центрами приложения этих усилий станут Украина, Казахстан, а также Туркменистан с его запасами энергоресурсов) и продолжения политики по выстраиванию вокруг России пояса стран с лояльными Вашингтону режимами. Будут предприниматься разносторонние попытки ослабить возможности России как энергетической сверхдержавы и притормозить развитие ее высокотехнологичных отраслей.

В целом российско-американские отношения ждет непростой период. И все же, как бы ни изощрялись на Западе определенные силы, стремящиеся полностью изолировать Россию, противопоставить ее демократическому миру, политическому руководству США приходится считаться с тем, что Россия за исторически короткий период существенно продвинулась по пути демократии и экономических преобразований, значительно интегрирована в глобальную и европейскую экономику. И эти процессы приобрели необратимый характер. Поэтому есть надежда — и июльская встреча президентов США и России это подтвердила, — что стороны все же не переступят черту, отделяющую мирное сотрудничество от «холодной войны», наметившаяся тенденция выстраивания баррикад «Запад — Восток» будет преодолена и Россия не будет втянута в разорительную гонку вооружений, которая отбросит мир на десятилетия назад.

«Российская Федерация сегодня» №15 – 2007г.

НОВЫЙ ЭТАП В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

«Арктика» — это очень родное для каждого русского понятие. Это почти сказочная страна, которую с огромным трудом открывали и изучали поколения наших предков. И добились в этом неоспоримых результатов, которые закреплены не только в исторических хрониках, но и в географических названиях. Эти результаты признаны мировым сообществом.

Исследовательский подвиг наших соотечественников отличался еще и тем, что это был систематический труд, который продолжался веками, шел по нарастающей и надолго никогда не прерывался. Это была наша северная работа, наш подвиг, наш интерес. Конечно, «севера» изучали и открывали не только мы. Но, повторимся, постоянный труд по освоению Арктики — это наша история, только наша. И продолжительность этой истории впечатляет — первый проект Д.Герасимова по освоению Северного Ледовитого океана восходит к XV веку.

А потому напряжение, с которым сегодня в мире стали говорить об Арктике, сарказм по поводу очередного российского шага в направлении освоения околополюсного пространства, торопливость в «ответных» шагах и намеки на «непозволительность поведения русских» оскорбительны, хотя уже и не удивляют. Слишком много примеров двойного счета в отношении России дает политическая практика последнего времени. Теперь по существу.

В 2007 году Россия провела две арктические экспедиции в рамках «Международного полярного года 2007—2008». Обе были посвящены изучению океанического шельфа Северного Ледовитого океана. Результаты работы экспедиций должны дать необходимые ООН ответы, что позволит Международному управлению по проблемам морского дна дать разрешение России на разработку океанических недр.

То есть обе экспедиции были сориентированы на то, чтобы в полном соответствии с требованиями Конвенции ООН о континентальном шельфе 1958 года и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года собрать дополнительные объективные сведения по структуре шельфа. Только таким образом, доказав однородность материковых и

шельфовых пород, любое государство может рассчитывать на получение разрешения на разведку и освоение богатств дна Северного Ледовитого океана. Все было сделано в полном соответствии с международным правом.

В этой связи не лишним будет напомнить, что до подписания этих конвенций, еще с 1920-х годов, СССР, Норвегия, Дания, США и Канада выдвинули и долгие годы придерживались концепции «полярных секторов». До начала XX века арктические страны (США, Канада, Норвегия и Дания) осваивали только побережье Ледовитого океана, не заявляя прав на его поверхность и дно. В 1909 году Канада первой законодательно закрепила за собой территорию от побережья до Северного полюса. В 1924 году права на Арктику заявили США, сообщив, что полюс является подводным продолжением Аляски. В 1926 году СССР определил границы советских полярных владений от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива. США, Канада, Норвегия и Дания этот акт не опротестовали. Таким образом, еще в 1920-е годы сложилась норма международного права, не отраженная в межгосударственных договорах, когда Арктика была поделена на национальные сектора, сходившиеся на полюсе. Почти 80 лет такое положение никого не смущало.

Справка. Под полярным сектором понимается пространство, основанием которого является северная граница государства, вершиной — Северный полюс, а боковыми границами — меридианы, соединяющие Северный полюс с крайними точками северной границы территории данного государства. Согласно этой концепции, каждое прибрежное государство имеет суверенные права на разведку и разработку природных ресурсов прилегающего к нему континентального шельфа, хотя эти районы и не находятся под суверенитетом государств и не входят в состав государственных территорий.

Естественно, что Россия оказалась в силу размеров своего Арктического побережья и обладательницей самого большого сектора. Несмотря на то что Россия обладала этим преимуществом, она пошла в 1997 году на подписание новых международных соглашений, которые существенно затрудняли для нее работу в Арктике. Почему так произошло — предмет крайне интересной, но другой статьи.

Но и этого нашим партнерам оказалось мало. Великий северный передел последнего времени теперь направлен на доказательство того, будто Российская Федерация не имеет никаких оснований, чтобы разрабатывать дно Северного Ледовитого океана. Вся история освоения Севера, десятки научных экспедиций и дрейфующих станций, открытие Северного морского пути (вообще уникального явления в мировой прак-

тике), наконец, приоритет первопроходцев теперь якобы не имеют никакого значения. Главное — соответствие шельфовых и материковых пород. Именно поэтому в 2000 году после проведения экспедиции «Арктика-2000» Россия заявила, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением континента и арктический континентальный шельф России должен быть увеличен на 1,2 млн. кв. км. В 2001 году Москва подала соответствующую заявку в ООН. Комиссия ООН ее не отклонила, но попросила представить дополнительные доказательства континентальной природы хребтов. Однако работа российских ученых и в этом направлении, как мы видим, подвергается сомнению и осмеянию.

Наиболее активны оказались политики США и Канады. Не смогла в стороне остаться и Великобритания, которая формально не имеет к данной проблеме никакого отношения. Причем речь идет не о научном освоении территории, а только о препятствовании действиям России в Арктике. Как заявил представитель госдепартамента Том Кейси, США пока не могут воспрепятствовать планам России и обосновать собственные претензии на континентальный шельф. Чуть раньше Буш-младший, обращаясь к Конгрессу США, утверждал, что подписание соответствующих международных документов теперь необходимо для США потому, что «это гарантирует защиту прав США на значительные морские территории и находящиеся там ценные природные ресурсы». А сенатор-республиканец Ричард Лугар высказался еще проще: «Если сейчас мы не ратифицируем конвенцию, которую поддерживают Пентагон, военно-морской флот, президент Буш и вся энергетическая промышленность, это нанесет прямой урон интересам США». И ни слова об Арктике и ее собственных интересах, ни одного выступления ученых, ни одного эксперта, который бы говорил не о материальных ценностях, а об интересах мирового полярного заповедника. Хотя очевидно, что разработка дна Северного Ледовитого океана требует соответствующих знаний, то есть изучения. Россия обладает огромными наработками этого рода и всегда говорила о необходимости первостепенного учета интересов самой Арктики. Наука скорее всего подтвердит «российское» происхождение северного шельфа. Большинство ученых уже сегодня сходятся во мнении, что во времена последнего оледенения 15-18 тыс. лет назад уровень Мирового океана был ниже сегодняшнего на 135 метров. Это означает, что миллионы километров шельфа находились выше уровня моря, составляя естественное продолжение материка.

Однако все усилия тех же Соединенных Штатов сегодня направлены на то, чтобы после ратификации Конвенции ООН немедленно подать заявку на разработку полезных ископаемых на дне океана. Этому посвящены были все их последние работы по замерам и пробам образцов

грунта, которые выполняли американские военные специалисты. Задача американцев — обогнать в этом вопросе Россию, которая намечает подать заявку только в 2009 году. Фактически ситуация складывается сегодня таким образом, что Россия теперь уже в Арктике должна отстаивать свои геополитические и экономические интересы. Если атмосфера далекая от сотрудничества и взаимоуважения будет и впредь нагнетаться, то, к сожалению, Россия получит еще одно поле конфронтации на своих северных границах, которые до сего дня считались даже необязательными для охраны.

И здесь возникает еще один аспект нынешнего «северного противостояния». Для России Арктика всегда была мирным пространством. Россия никогда не бряцала оружием ради северных территорий, тем более ради тех, которые были далеки от российских границ. Зато с XVI века история помнит план захвата Русского Севера, разработанный Генрихом Штаденом, шведскую интервенцию и датскую экспансию, помнит оборону Поморья. Вот и сейчас в риторике тех же американцев превалирует военная составляющая. Недавно Управление перспективных исследований и разработок Министерства обороны США (ЛАРПА), контролирующее выделение ассигнований на оборонные проекты, объявило конкурс на создание технологий для непрерывных операций в высоких широтах, которые бы обеспечили Соединенным Штатам военное превосходство в приполярных областях. Речь идет о вооружении, навигационном оборудовании и технических ноу-хау, которые могли бы «революционным образом» расширить возможности американской армии в суровом климате Арктики. Что касается Канады, то правительство этой страны планирует потратить 7,5 млрд. долларов на строительство и деятельность восьми арктических патрульных кораблей в рамках усилий по защите канадского суверенитета на Севере.

Оттава также заявила о намерении построить два военных объекта в канадской Арктике. Канадский премьер-министр Стивен Харпер объявил недавно, что новый армейский тренировочный лагерь разместится в населенном пункте Ризольют-бэй в провинции Нунавут, расположенном в 595 километрах от Северного полюса. Там будут находиться около 100 военнослужащих, подготовленных к ведению войны в условиях Арктики. В заброшенной деревне на острове Баффина будет сооружен глубоководный порт. Он будет построен у восточного входа в стратегически важный Северо-Западный проход из Атлантики в Тихий океан и будет использоваться в военных и гражданских целях. Канадский премьер также объявил об увеличении до 5 тыс. патрульного подразделения канадских стрелков-эскимосов. «Объявление о строительстве военных объектов покажет миру, что Канада рассчитывает на свое долговременное присутствие в Арктике. Защи-

та государственного суверенитета и целостности границ — главнейшая задача национального правительства», — сказал С.Харпер. Право Страны кленового листа на полярные территории канадский премьер намерен доказывать не только словом, но и делом: Харпер лично отправился в так называемый «арктический суверенный тур» по Северной Канаде и заявил там о расширении территории национального парка «Наханни» с 5,4 тыс. до 10 тыс. кв. км. Его пресс-секретарь заявил еще перед началом тура о том, что Канада будет проводить агрессивную арктическую политику. Скорее всего, после подобных высказываний Харпера напряженность вокруг Арктики только усилится. Канада исторически считала большую часть североамериканской стороны Арктики своей территорией и не согласна с утверждениями США, что Северо-Западный проход через этот регион является международным. Премьер-министр Харпер назвал Арктику ключевой для самосознания Канады как северной страны.

Однако у Канады нет северного глубоководного порта и подлодок, способных передвигаться под арктическими льдами. Ее стареющие ледоколы создавались для работы на окраинах Арктики и в реке Святого Лаврентия. У нее минимальное военное присутствие на Севере, и пока она рассчитывает, что, претендуя на тысячи разбросанных островов, составляющих Канадский арктический архипелаг, она сможет в качестве аргумента опираться на традиционное проживание в этом регионе коренного народа инуитов. Северо-Западный проход фактически представляет собой архипелаг, на другую сторону которого можно попасть по морю, проплыв через пять проливов. Он соединяет между собой два океана, но пока проход через них закрыт. Однако техника становится все совершеннее, и если этот регион благодаря техническому прогрессу или таянию льдов станет судоходным, Канаде будет все труднее и труднее утверждать, что это не международный пролив. В результате Оттава может решить, что, возможно, будет для нее лучше принять ситуацию как она есть и управлять режимом пролива вместе со своими союзниками, с учетом всех вопросов безопасности в регионе. Так что в ближайшем будущем нельзя исключать ситуацию, когда Канада объединится в этом вопросе с Соединенными Штатами, и они будут действовать единым фронтом против России. Оттава даже может пойти на серьезные уступки и передать этот самый проход под управление Вашингтона, так как вряд ли сможет освоить его самостоятельно по финансовым причинам. Вслед за канадцами болезненно отнеслись к российской экспедиции на Северный полюс и власти Дании. Недавно стало известно о том, что Копенгаген выделил свыше 500 млн. долларов на исследовательские проекты в Северном Ледовитом океане. Дания отправила к Северному полюсу экспедицию Lomrog (Lomonosov Ridge of Grenland), которую возглавляет Кристиан Маркуссен из Геологической службы Дании и Гренландии. В ней принимают участие шведский ледокол «Одеон» и российский атомный ледокол «50 лет Победы» — своих ледоколов такого типа у Дании нет. Экспедиция продлится около месяца. Ученые надеются доказать, что хребет является продолжением датской Гренландии. «Данные предварительных исследований весьма многообещающи. Они позволяют рассчитывать на то, что Северный полюс может стать территорией Дании», — заявил министр науки страны Хельге Сандер. Проблемой Арктики крайне заинтересована Норвегия, которая располагает потенциалом для проведения арктических экспедиций и к тому же имеет большой опыт добычи углеводородов на шельфе и в суровом климате. На Арктику поглядывают Финляндия и Исландия. Наверняка не останется за бортом Швеция, входящая в так называемый Арктический совет (он занимается охраной природной среды океана).

Позиции всех этих стран только добавляют откровенной позиции США «международный градус». Хотелось бы только напомнить, что до недавних пор у нас с этими странами особых разногласий по поводу Арктики не было. Видимо, стараниями недоброжелателей это время прошло. Лишь одно можно с уверенностью сказать: решение вопроса о принадлежности арктических запасов сырья уже не зависит только от результатов научных исследований. Теперь в них вмешалась еще и политика. Гонка за обладание природными ресурсами в Арктике только начинается. Она наверняка рано или поздно коснется и территории самой России. Поэтому от того, насколько цивилизованно будет решена эта первая — арктическая — проблема, зависит очень и очень многое в будущем.

«Российская Федерация сегодня» № 17 – 2007г.

КОМУ ВЫГОДЕН «КОСОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ»?

В ряду не решенных до сегодняшнего дня проблем, порожденных распадом бывшей Югославии, косовская по своей остроте и многозначности занимает особое место. Она ставит мировое сообщество перед весьма непростым и ответственным выбором.

Драматическая дилемма, перед которой оказалось международное сообщество в связи с сепаратистскими требованиями края Косово, населенного преимущественно албанцами и фактически отделившегося от Сербии в результате военного противостояния, выходит далеко за узкие рамки вопроса о территориальной целостности Сербии и положении сербского меньшинства среди недружественно настроенного албанского населения. Речь идет о серьезной угрозе миру и стабильности во всем Балканском регионе и на окружающем европейском пространстве. Более того, вследствие позиции ведущих западных держав, безоговорочно поддерживающих претензии косовских албанцев на полную и безусловную государственную независимость, возникает опасность эрозии основополагающих норм международного права, утверждающих принцип территориальной целостности государств, и создания прецедента, чреватого повсеместным всплеском сепаратистских устремлений. Что же касается значимости вопроса непосредственно для России, то из-за полной противоположности российского и западного подходов к его решению он вырос до едва ли не главной болевой точки наших отношений с НАТО и Евросоюзом, став к тому же реальным аргументом, используемым в связи с известными «замороженными конфликтами» на постсоветском пространстве.

Компромисс пока не найден

Шансы на то, что удастся найти взаимоприемлемое решение, представляются сейчас весьма неопределенными. Продолжает формально действовать резолюция Совета Безопасности ООН №1244, подтверждающая территориальную целостность Сербии и статус Косова как ее

составной части. Принятие новой резолюции, вводящей для мятежной сербской территории статус «контролируемой независимости» в соответствии с планом, разработанным по поручению Генерального секретаря ООН его специальным посланником М.Ахтисаари, единодушно поддерживаемым западными странами и неизбежно ведущим в перспективе к полному отделению Косова от Сербии, заблокировано Россией.

Сейчас, при сохранении диаметрально противоположных исходных позиций Белграда (возможна максимально широкая автономия Косова, но независимость исключается) и Приштины (независимость обсуждению не подлежит), возобновлены переговоры при участии международной «тройки» посредников (США, ЕС, Россия) с целью поисков взаимоприемлемого решения. При этом некоторая, хотя едва ли достаточная, готовность к смягчению своей позиции ради достижения компромисса демонстрируется лишь с сербской стороны. Отведенный на очередную переговорную попытку 120-дневный срок истекает 10 декабря сего года. На то, что сербы и косовары сумеют к этому времени договориться, реальных надежд питать не приходится.

Так что же потом?

Как говорится, возможны варианты.

Наиболее естественный, активно продвигаемый Россией и имеющий определенные шансы на поддержку в Совбезе ООН, прежде всего со стороны КНР, а также ряда непостоянных членов СБ, не относящихся к западному лагерю, — это продолжение переговоров и после 10 декабря, до тех пор пока компромисс не будет найден. И с оказанием соответствующего скоординированного международного давления как на Белград, так и на Приштину. То есть кропотливая и терпеливая работа с целью найти решение, которое устраивало бы обе стороны. С пониманием, что поиск развязки может затянуться надолго. Запад, особенно европейцев, перспектива «замороженного конфликта» на Балканах, несущего в себе постоянную угрозу взрыва насилия, разумеется, не устраивает.

Вполне справедливо указывая на нереалистичность попыток восстановления прежнего статус-кво в условиях фактически состоявшегося отделения Косова от Сербии, наши партнеры, однако, занимают откровенно пристрастную позицию в поддержку «плана Ахтисаари» и неизбежности косовской независимости. В отношении же того, каким образом эта независимость может быть оформлена, мнения расходятся. Можно говорить о единой позиции западников в смысле желательности подтверждения независимого статуса Косова решением СБ ООН.

В то же время из этого не следует вывод о бесперспективности попыток российской дипломатии добиться продолжения переговоров по

статусу Косова и по истечении 120-дневного срока. Поскольку альтернатива вырисовывается вполне определенная — неизбежное одностороннее провозглашение государственной независимости Приштиной. Такой поворот событий, безусловно, расколол бы западное единство. Если заявления представителей руководства США, Великобритании, Франции, ряда других западноевропейских государств не оставляют сомнений в отношении готовности их столиц незамедлительно признать самопровозглашенную косовскую независимость, даже и в отсутствие ее международно-правовой легитимации, то позиции, которые до настоящего времени озвучивались, в частности Мадридом, Афинами, Никосией, Будапештом, Братиславой, однозначно предполагают необходимость поисков решения исключительно в рамках ООН.

Говоря о перспективах того или иного варианта решения по Косову, можно заметить вместе с тем, что Вашингтон располагает весьма эффективными рычагами давления на своих нынешних и потенциальных партнеров по НАТО, а также на ряд других государств, и, вероятно, вполне способен в конечном счете склонить их к поддержке американской линии действий.

К тому же при всей нынешней твердости позиции Сербии нельзя исключать возможность вынужденных уступок в косовском вопросе также и с ее стороны, имея в виду заинтересованность Белграда в реализации натовской программы сотрудничества «Партнерство ради мира», к которой страна только что присоединилась, а также ее безусловное стремление стать членом Евросоюза.

Об уступках же со стороны косоваров, в отсутствие сколько-нибудь существенного давления на них, говорить, очевидно, не приходится.

С другой стороны, важнейшее значение для определения того, в какой мере международное сообщество, особенно же Балканские страны, будет готово поддержать решение, навязываемое Сербии вопреки ее воле – хотя бы даже не откровенно одностороннее, но коллективное, оформленное резолюцией Совбеза, - имеет ответ на вопрос, действительно ли такое решение способно повысить уровень стабильности и безопасности в регионе или же, напротив, оно лишь развяжет руки тем, кто готов вновь взяться за оружие. Трудно, во всяком случае, не обратить внимание на недавнее заявление госсекретаря сербского министерства по делам Косова и Метохии Д.Пророковича о готовности вновь ввести в мятежный край сербские войска, чтобы предотвратить самопровозглашение косоварами независимости. Зададимся вопросом: много ли в истории примеров, когда раздел суверенного государства против его воли надолго приносил мир и спокойствие? Напротив, история учит, что наличие победителей и проигравших лишь усугубляет конфликт.

Ящик Пандоры уже приоткрыт

Значение проблемы, однако, как было сказано выше, этим не исчерпывается и выходит далеко за региональные рамки. Возникает опасность создания серьезнейшего прецедента, подводящего международно-правовую базу под выдвижение сепаратистских требований где бы то ни было и кем бы то ни было.

Можно долго дискутировать по поводу уникальности, неповторимости косовского случая, находя или не находя убедительными выдвигаемые Вашингтоном и теми, кто его поддерживает, доводы насчет нахождения Косова под протекторатом ООН, массового характера этнических чисток в крае, практической необратимости его отделения от Сербии и прочей специфики. Согласимся, косовский конфликт уникален. Но, между прочим, ровно в такой же мере, в какой уникален и любой другой конфликт. В любом случае, однако, признание его специфического характера едва ли может служить достаточным основанием для того, чтобы обходить зафиксированную в Уставе ООН одну из основополагающих и универсальных норм международного права – принцип территориальной целостности государств. Подтверждаемый, кроме того, закрепленным участниками ОБСЕ принципом нерушимости европейских границ, сложившихся после Второй мировой войны. Весьма опасными представляются попытки манипулирования некоторой двусмысленностью, создаваемой видимым противоречием между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение. Первый в международной практике всегда благоразумно трактовался как имеющий приоритет над вторым в том смысле, что реализация права на самоопределение подразумевает хотя бы и вынужденное, но недвусмысленно выраженное согласие уступающей стороны.

Намечающийся в отношении Косова прецедент иной трактовки сложившихся норм международного права откроет ящик Пандоры. Собственно, он уже приоткрыт. Если говорить о территории, где интересы России затрагиваются наиболее непосредственным образом, а именно о постсоветском пространстве, то с нетерпением ждут прецедентного решения по Косову в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье.

Лидеры каждого из этих непризнанных формирований уже отметились сходными заявлениями, смысл которых вполне определенно выражается, например, словами Президента Южной Осетии Э.Кокойты: «Я думаю, что косовский прецедент поможет нам в решении наших актуальных проблем». Соответствующая, весьма обеспокоенная, даже нервная реакция прозвучала со стороны «метрополий». Представители, в частности, руководства Грузии в своих контактах с Западом сейчас настойчиво доказывают недопустимость решения косовского вопроса в об-

ход Сербии. Так, может быть, «косовский прецедент» не так уж для нас нежелателен? Возможно, это именно то, что укрепило бы российские позиции прежде всего в нынешних непростых отношениях с Тбилиси? Скрупулезное сопоставление всех возможных практических преимуществ и потерь, которыми могла бы обернуться для политики России на постсоветском пространстве попытка как-то обыграть статусное решение по косовскому конфликту в своих интересах, заставило бы нас выйти далеко за пределы основной темы. Это предмет для самостоятельного глубокого анализа. Ясно, однако, что некие весьма неочевидные выгоды во взаимоотношениях с соседями, если таковые вообще могут быть достигнуты, не компенсировали бы потерь в более широком международном контексте. Не говоря уже о том, насколько опасно было бы поощрять отнюдь еще не изжитые сепаратистские настроения внутри нашей многонациональной страны.

Но потенциальная опасность прецедента касается не только наших ближайших соседей. Аналогичные проблемы есть в Македонии, Боснии и Герцеговине, у других соседей Сербии. Не выходя за пределы Европы, можно упомянуть и о стоящих с разной степенью остроты, но вполне реальных проблемах, например, Каталонии и Страны Басков в Испании, Валлонии и Фландрии в Бельгии, Северной Ирландии в Великобритании, о Турецкой Республике Северного Кипра. Не на фоне ли дебатов по Косову правящая в Шотландии националистическая партия объявила о намерении провести референдум по вопросу о независимости от Великобритании? Угроза сепаратизма, конечно, очевидна для всех. Отсюда и попытки каким-то образом обеспечить непрецедентный характер навязанного статусного решения по Косову. Позволительно, однако, сомневаться в том, что какая бы то ни было ограничительная оговорка в соответствующей резолюции СБ ООН, а тем более легитимизированное в массовом порядке в обход ООН одностороннее провозглашение независимости остановят наиболее горячие головы, стремящиеся реализовать на практике свои мечты о самостийности, коль скоро мировое сообщество разрешило осуществить свои планы косовским албанцам. Со всеми вытекающими последствиями для международного мира и безопасности. Прецедент с неизбежностью создается самой логикой событий, независимо от намерений и благих пожеланий тех, кто к нему подталкивает.

Зачем нам Сербия?

Наиболее здравомыслящие западные аналитики отдают себе отчет в том, что Россия вовсе не заинтересована в «косовском прецеденте» с точки зрения возможности манипулирования им в «замороженных конфликтах» на территории бывшего СССР.

Тем не менее в их комментариях по поводу конкретных российских мотивов и интересов в косовском вопросе порой сквозит даже некоторое недоумение: чего же все-таки добивается Россия, столь твердо отстаивая интересы достаточно далекой от нее Сербии, коль скоро не приходится сомневаться, что будущее этой страны в любом случае определяется вовсе не связями с Россией, а неизбежной в конечном счете евроатлантической интеграцией, к которой недвусмысленно стремятся сами сербы? Не является ли Косово всего лишь «разменной монетой» в сложной игре России с Западом и не откажется ли она однажды от своей жесткой позиции в обмен на западные уступки в каких-то действительно важных вопросах? Или же у России более далеко идущие планы и она, полагая, что США стремятся сделать независимое Косово своим военным плаплармом в Европе и инструментом американского политического влияния на европейские дела, в свою очередь, надеется приобрести в лице Сербии «точку опоры», позволяющую раскалывать укрепляющееся сейчас европейское единство? Все эти домыслы и предположения, основанные только лишь на своеобразном понимании логики современной европейской и мировой политики, остаются, однако, чисто умозрительными. Справедливость и прозорливость политических позиций может быть подтверждена только дальнейшим развитием событий. Реальным же фактом остается последовательное отстаивание российской дипломатией линии, в очередной раз озвученной недавно главой МИЛ России Сергеем Лавровым, который решительно отмежевался от «попыток решить проблему Косова за счет мирового сообщества, то есть на путях создания прецедента, выходящего за рамки норм международного права». Можно привести и слова российского представителя в международной «тройке» посредников на переговорах по статусу Косова А.Боцан-Харченко, выразившего уверенность в том, что способ решения косовского вопроса станет прецедентным, и призвавшего «не идти по пути выборочных решений».

Обоснованность такой позиции оспорить трудно, сколь бы ни казались любопытны рассуждения о связанных с нею реальных или мнимых издержках для России.

«Российская Федерация сегодня» № 19 – 2007г.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Почему в Португалии не было прорыва?

Объективная необходимость конструктивного и всестороннего взаимодействия между Российской Федерацией и Европейским союзом естественным образом вытекает из их географической близости и важной роли в системе современных международных отношений. Тесное переплетение экономик и высокие темпы роста торгового и инвестиционного сотрудничества сторон, невозможность решения без их участия ключевых проблем не только регионального, но и общемирового значения с неизбежностью подталкивают Россию и Евросоюз к совместному поиску развязок, согласованию подходов к вопросам взаимного интереса, созданию действенных механизмов сотрудничества.

В своем последнем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации В.Путин особо выделил значение отношений с ЕС, отметив их конструктивный характер и подчеркнув необходимость «закреплять и развивать» их позитивную динамику. В подготовленном МИД России в конце прошлого года по поручению Президента Обзоре российской внешней политики Европейский союз обозначен в качестве нашего главного партнера на Европейском континенте, сформулирована задача «строительства Европы без разделительных линий» при гармоничном сочетании общих ценностей и взаимных интересов. Аналогичные намерения провозглашаются и со стороны руководства Евросоюза. Комментируя перспективы отношений с Россией по завершении неформальной встречи министров иностранных дел ЕС 7-8 сентября с.г. в Португалии, верховный представитель Евросоюза X. Солана подчеркнул необходимость «работать над созданием настоящего стратегического альянса». О стратегическом партнерстве с Россией говорила и еврокомиссар по внешним связям Б.Ферреро-Вальднер. Не внес каких-либо негативных коррективов в стратегическую линию сотрудничества и юбилейный, 20-й саммит Россия – ЕС, прошедший 26 октября в г. Мафра (Португалия). Саммит подтвердил, что диалог между нами остается в целом конструктивным и позитивным.

Сложный этап

Реальную атмосферу отношений, однако, сейчас трудно было бы назвать безоблачной. Едва ли есть достаточные основания употреблять слово «кризис», но то, что сотрудничество между Россией и Евросоюзом переживает непростой период, более чем очевидно. Идиллическая картина сравнительно недавнего постперестроечного прошлого, когда рисовались радужные перспективы естественного и беспроблемного включения России в общеевропейское партнерство, вплоть до утопических, но, наверное, достаточно искренних высказываний отдельных вполне ответственных политиков о возможности в более или менее отдаленном будущем формального вступления нашей страны в ЕС, соответствовала настроениям времени, хотя, разумеется, была далека от реального положения вещей. Тем не менее становлению сотрудничества был придан мощный импульс. К настоящему времени заложена солидная база взаимоотношений. Ее составляют действующее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (срок действия которого, как ожидается, будет продлен еще на год) и «дорожные карты» по четырем общим пространствам, охватывающие весь спектр взаимодействия - экономику, внутренние дела и юстицию, безопасность, гуманитарные вопросы. Дважды в год проводятся саммиты Россия – ЕС, осуществляются регулярные контакты представителей Правительства России и Еврокомиссии. На практике достигнут достаточно высокий уровень сотрудничества по широкому спектру проблем. Помимо активного развития экономических связей, речь идет о совместной работе по урегулированию региональных кризисов (таких, как палестинская проблема, иранская ядерная программа, ситуация в Ираке), по реагированию на глобальные вызовы современности (борьба с международным терроризмом и наркоторговлей, преодоление последствий изменения климата, энергетическая безопасность), о развитии связей научного, гуманитарного характера и прочих направлениях сотрудничества. Из конкретных достижений самого последнего времени можно упомянуть о подписании сторонами соглашений об упрощении визового режима и о создании механизма раннего оповещения относительно возможных перебоев с поставками энергоносителей из России. Надо надеяться, что принятый на саммите ЕС Договор о реформе будет способствовать укреплению ЕС как субъекта, способного договариваться и развивать диалог с Россией.

И все же главное, что отличает нынешний момент в отношениях между ЕС и Россией, — это нарастание взаимного непонимания, явное торможение диалога. За прошедшие годы создан немалый потенциал сотрудничества, но параллельно с ним растет и потенциал конфликт-

ности. Сейчас вдруг всплыл целый комплекс противоречий, причем весьма существенных и принципиальных. В чем же стороны винят друг друга, что мешает результативному сотрудничеству? И почему именно сегодня происходит накопление потенциала конфликтности?

Взаимные упреки

Даже схематичное и весьма неполное перечисление наиболее существенных претензий к позиции России, озвучиваемых с теми или иными акцентами лидерами стран-членов Евросоюза, руководителями европейских институтов, способно ввести в уныние самого заядлого оптимиста. Наиболее фундаментальное препятствие на пути к сближению усматривается нашими партнерами в мнимой ревизии российским руководством ранее намечавшегося курса на развитие в стране демократии, в подавлении оппозиции, неуважении прав человека и гражданских свобод, в целом в неготовности России разделить те «общие ценности», на которых построена единая Европа. Как не отвечающие духу добрососедства расцениваются принимаемые в последнее время активные меры по укреплению Вооруженных сил России, такие, как испытания новых систем оружия или возобновление боевого патрулирования стратегической авиации. Неприятие и раздражение наших собеседников вызывает то, что они называют проявлениями «неоимперской политики» Кремля, - «попытками восстановить прежнее влияние» в отношении Украины, Молдавии, Грузии, стран Балтии.

Немало нелицеприятных слов звучит в наш адрес в связи с якобы имеющим место использованием поставок энергоносителей в качестве политического рычага, применением по отношению к нашим соседям различного рода экономических санкций. К тому же Россия-де тормозит развитие экономического сотрудничества, не ратифицируя подписанный Договор к Энергетической хартии, не допуская западные инвестиции в стратегические отрасли российской экономики. Особо подчеркивается приверженность Москвы двусторонним контактам с отдельными членами ЕС, что трактуется, как попытки разрушить европейское единство и игнорировать Евросоюз как единого собеседника.

Наконец, источником серьезных противоречий являются прямо противоположные или несовпадающие позиции сторон по таким важным для европейской безопасности вопросам, как независимый статус Косова, мораторий на выполнение Россией положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе, размещение в Чехии и Польше элементов ПРО США, ядерная программа Ирана. Каковы же итоги 20-го саммита Россия — ЕС в Португалии? Сколь-либо существенного продвижения ни по одному из направлений сотрудничества не было достигнуто. Еврочиновники объясняют это отчасти тем, что накануне предстоящих в на-

шей стране парламентских и президентских выборов вопросы отношений с Евросоюзом отошли в числе забот российского руководства на второй план и ему пока не до внесения новых конструктивных идей и предложений по дальнейшему развитию взаимодействия.

У России, в свою очередь, накопилось немало встречных претензий к политике Евросоюза. Их смысл и содержание сводятся главным образом к тому, что Европа стала склонна безоговорочно солидаризироваться с ущемляющими российские интересы требованиями и позициями присоединившихся к ней бывших прибалтийских советских республик или союзников по Варшавскому Договору. Основная связанная с этим конкретная коллизия порождается поддержкой Брюсселем требований Польши, которая в связи с запретом на импорт в Россию ее мясной продукции заблокировала начало переговоров о новом рамочном соглашении о сотрудничестве ЕС и России. Не иначе как проявление предвзятой, недружественной по отношению к нам позиции может расцениваться отсутствие внятной реакции со стороны государств Евросоюза на ущемления прав русскоязычных меньшинств в странах Балтии и на известные антироссийские выпады эстонского руководства. Противоречат российским интересам и позиции Брюсселя по ряду вопросов торгово-экономического сотрудничества. Речь идет, в частности, о выдвижении на многостороннем раунде переговоров о вступлении России в ВТО ряда новых, в нашем понимании, требований по ранее уже согласованным в двустороннем порядке вопросам, а также об ущемлении интересов российских компаний, прежде всего OAO «Газпром», в результате недавно принятого Еврокомиссией решения о разделении активов энергомонополий и запрете на их приобретение компаниями третьих стран. Взаимных упреков накопилось, таким образом, немало.

Изменились и мы, и они

Каковы же первопричины нынешнего положения дел? Представляется, что истоки сегодняшних нестыковок заключаются прежде всего во внутренней эволюции как России, так и ЕС. Что касается нашей страны, то сегодняшняя ситуация убедительно демонстрирует иллюзорность надежд тех на Западе, кто полагал, что состояние слабости России, ее неуверенности в себе, характерное для периода распада СССР, сохранится надолго. Быстрый рост экономики, укрепление оборонного потенциала, достигнутая общественно-политическая и социальная стабильность позволяют России вновь обрести чувство собственного достоинства, активнее добиваться восстановления своих международных позиций, требовать уважения к себе, жестче отстаивать свои законные права, заставлять партнеров считаться с ними. Конечно же поведение России на международной арене изменилось. Теперь жертвовать своими интересами ради благорас-

положения Запада мы уже не склонны. Именно это и вносит свой вклад в рост тех противоречий, о которых сказано выше. Запад в целом, как и Евросоюз в частности, просто еще не привык видеть Россию такой. Поэтому реагирует нервно. Тем более что своими предыдущими действиями, неразумной покладистостью либо бездействием мы не раз сами давали партнерам повод надеяться, что головной боли доставлять им не будем. Изменился, в свою очередь, и Евросоюз. Усиление антироссийских акцентов в политике расширившей свои границы единой Европы главным образом обусловлено вступлением в ЕС Польши и бывших советских прибалтийских республик, чьи исторические обиды на Россию составляют едва ли не стержень всей их внешнеполитической линии. Пока им удается вполне успешно навязывать Брюсселю свои антироссийские подходы, основанные на узконациональных, эгоистических интересах. Особо же негативный для нас смысл приобретает позиция Польши, которая, руководствуясь своей глубоко укоренившейся русофобией, упорно блокирует переговоры по новому рамочному договору. Важной чертой современного ЕС стало, кроме того, несомненное усиление политической воли к демонстрации европейской солидарности, к выработке единого подхода стран-членов по принципиальным вопросам. Не всегда это единство реально достигается. но явно возросло понимание его необходимости для более эффективного отстаивания своих интересов, в том числе, разумеется, и в диалоге с Россией, что нашло отражение и в упомянутом выше Договоре о реформе, который фактически представляет усеченную конституцию ЕС. Порой в европейских инстанциях сейчас звучат даже довольно парадоксальные заявления о том, что выступление с единой позиции в том или ином вопросе важнее самого содержания этой позиции. В значительной мере привнесению в действия Брюсселя такой философии способствовала смена руководства Германии, Великобритании и Франции и приход новых лидеров, не склонных к некритическому восприятию политического наследия своих предшественников. Так или иначе, вполне конструктивные, но уже не предвзято-позитивные подходы к отношениям с Россией, демонстрируемые со стороны А.Меркель и Н.Саркози, по-видимому, не позволяют нам строить свою политику в отношении Евросоюза с расчетом на «особые» отношения с Германией и Францией и показывают всю несостоятельность недавних разговоров о треугольнике Москва – Берлин – Париж.

Трудности преодолимы

Другими словами, изменились мы, изменился Евросоюз. Нам стало несколько труднее находить общий язык. И все же ситуацию, как представляется, не стоит чрезмерно драматизировать. При сохранении сторонами понимания того, насколько Россия и ЕС объективно нужны друг другу, дальнейшее всестороннее развитие стратегического парт-

нерства не только вполне возможно, но просто не имеет разумной альтернативы. На основе такого обоюдного понимания конечно же могут быть найдены и взаимоприемлемые решения конкретных проблем, которые сейчас перед нами встают.

Важно при этом учитывать, что Евросоюз все же далек от того, чтобы повсеместно, консолидированно выступать с антироссийских позиций, что у нас существуют значительные области совпадения интересов. Заинтересованность в наращивании взаимодействия, наличие широких возможностей для взаимовыгодного сотрудничества по-прежнему недвусмысленно подчеркиваются в брюссельских коридорах. Отнюдь не расстроены и основанные на достаточно прочном фундаменте наши отношения с европейскими «грандами». Можно, наконец, констатировать, что в перечислявшихся выше спорных вопросах российская позиция находит ту или иную степень понимания со стороны Италии, Испании, Греции, ряда других государств ЕС. Как бы то ни было, вполне справедливо мнение о том, что в вопросе о начале переговоров по новому рамочному договору о сотрудничестве с Россией слово сейчас за нашими европейскими партнерами. Действие нынешнего СПС, согласно содержащемуся в нем положению, в отсутствие иных решений должно продлеваться. В согласовании же новых рамок сотрудничества ЕС заинтересован отнюдь не в меньшей степени, чем Россия. Так что для спешки, ради заключения рамочного договора любой ценой, оснований нет. Можно подождать, пока созреют наши партнеры. То же самое относится и к вопросу о нашем вступлении в ВТО, о чем не раз недвусмысленно высказывались представители российского руководства. Таким образом, веских причин отказываться от нынешней жесткой линии в отстаивании своих законных интересов в диалоге с Евросоюзом у России нет. В сочетании с внимательным отношением к интересам наших партнеров, с реалистичностью подходов и при готовности к терпеливым поискам разумных компромиссов такая линия обязательно позволит найти точки соприкосновения и прийти к взаимоприемлемым решениям по спорным вопросам. В конечном счете лишь такая твердая и достойная позиция обеспечит должное уважение к России со стороны Европы, как и собеседников в других районах мира. Именно на такой основе возможно эффективное многостороннее сотрудничество в противостоянии глобальным вызовам современности на благо всех и каждого.

«Российская Федерация сегодня» $N^221 - 2007$ г.

ГРУЗИЯ: ОТ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ» К «РЕВОЛЮЦИИ РОЗГ»?

В последнее время внимание мирового сообщества вновь привлекли события в Грузии, где едва не состоялась очередная «цветная» революция. Президент Михаил Саакашвили вроде бы сумел подавить в зародыше разгорающийся революционный пожар. Но надолго ли — на этот вопрос пока никто не готов ответить однозначно. Жестокий разгон 7 ноября участников мирного митинга протеста в Тбилиси, в ходе которого был применен весь набор далеко не безобидных полицейских средств, еще не скоро будет забыт в Грузии. Тем более что жертвами «операции» на 96 процентов были недавние сторонники Михаила Саакашвили.

Грузинский президент, который был объявлен на Западе едва ли не главным демократом всего Южного Кавказа, да и всего постсоветского пространства, решился на неадекватное применение силы в отношении своих граждан, ввел в стране чрезвычайное положение и ужесточил цензуру. После этого в политическом воздухе страны повисло тревожное, предгрозовое молчание. Чтобы упредить опасное для его личной власти развитие событий, Саакашвили 8 ноября заявил о проведении досрочных президентских выборов, назначив их на 5 января 2008 года. Когда в 2004 году Михаил Саакашвили на «розовой» волне и не без поддержки своих американских покровителей выиграл борьбу за президентский пост, едва ли кто мог предположить, что по истечении без малого четырех лет он сам окажется в ситуации, подобной той, в которой оказался Эдуард Шеварднадзе. Только действовал в критических обстоятельствах Саакашвили, не в пример своему «мягкотелому» предшественнику, решительно и жестоко. Бесспорно, в этих событиях грузинский лидер проявил себя как достаточно твердый политик, способный без всяких либеральных рефлексий бороться за власть любыми средствами. Только эта самая жестокость, как полагают многие эксперты, сослужила ему и дурную службу, став одной из причин снижения популярности президента Грузии, рассорив его с большей частью местной политической и деловой элиты, а главное – сильно подмочив его репутацию на Западе как «маяка» демократии.

Авторитаризм Саакашвили, его бескомпромиссность в вопросах государственного управления привели к тому, что президент приобрел внутри своей страны серьезных оппонентов. Среди них необходимо назвать в первую очередь Ираклия Окруашвили (ближайшего сподвижника Саакашвили, с января 2004 года занимавшего ряд высших государственных должностей - генпрокурора, министра внутренних дел, министра экономического развития, министра обороны), Бадри Патаркацишвили, Георгия Хаиндраву и других известных политиков времен «революции роз». Эпопея с преследованием Окруашвили совпала по времени с атакой, предпринятой грузинским лидером на местных олигархов. В результате всего этого образовался довольно влиятельный и финансово обеспеченный тандем Патаркацишвили – Окруашвили, который и бросил открытый вызов режиму Саакашвили. Особенность внутриполитической ситуации в Грузии состоит в том, что состав парламента формировался также на «бархатно-революционной» волне и не отражает истинного расклада сил в обществе. В нем правит бал подконтрольное Саакашвили «Единое национальное движение». Наиболее активные оппозиционные силы блокируются фактически за стенами высшего законодательного органа республики. А парламентская оппозиция была (и остается) разобщенной и откровенно слабой.

И это не могло не беспокоить президента Грузии, так как на этом фоне особенно наглядно были видны авторитарные замашки в личности Саакашвили и проводимой им политике, в том числе для Запада, что особенно неприятно для грузинского президента. К тому же Саакашвили опасался, что отсутствие реальных оппонентов в рамках, что называется, правового поля может привести к появлению куда более сильных противников среди грузинской политической элиты. В октябре 2007 года на совещании с представителями парламентского большинства Саакашвили заявил, что стране нужна новая, более серьезная оппозиция, призвал «сделать все для трансформации нынешней оппозиции в конструктивную парламентскую силу». «Мне неприятно, что из-за политической слабости оппозиции на Грузию показывают пальцем», — заявил грузинский президент, явно имея в виду мнение своих западных наставников, неоднократно указывавших на однобокость грузинского парламента.

Однако подобные сетования Саакашвили не привели к реальным политическим сдвигам. Оппоненты режима продолжали набирать силу. Доверие к парламенту и полиции в Грузии снижалось с завидным постоянством, что регулярно демонстрировали опросы общественного мнения. Так, в частности, после эпопеи с арестом и освобождением под залог Ираклия Окруашвили 61,3 процента участников очередного социологического исследования заявили, что верят в обвинения, прозвучавшие из уст экс-министра обороны в адрес Саакашвили. Не

поверили же им всего 10,5 процента. Так что вряд ли правы те, кто полагает, что лишь разногласия внутри грузинского истеблишмента привели к «революционным» событиям ноября 2007 года. В их основе лежало глубокое разочарование широких слоев грузинской общественности внутриполитическим курсом, который проводило руководство республики. За время, прошедшее с момента «воцарения» Саакашвили в Тбилиси, жизненный уровень простых грузин существенно не поднялся. В стране по-прежнему царят безработица и инфляция, не останавливается рост цен, не утихают разговоры о глубокой коррумпированности государственных и правоохранительных органов республики. Вдобавок не совсем ясна истинная наполненность грузинских реформ, которые при «впечатляющих масштабах» пока не достигли своей главной цели – вывода из кризиса экономики страны и улучшения качества жизни населения.

В качестве объяснения гражданам Грузии причин медленного продвижения реформ и неэффективной социальной политики режимом Саакашвили предлагается два тезиса: первый – «во всем виноват Кремль, российские шпионы и диверсанты», второй - «во всем виновато тяжкое наследие правления Шеварднадзе». Как первый, так и второй тезисы в политической практике новейшего времени не новы. И условия их пропагандистского применения также стандартны. «Образ врага» всегда возникает в наиболее сложные для слабой и неуверенной в себе власти моменты, когда необходимо свалить на кого-то вину за ошибки и просчеты. Не оказалась исключением и нынешняя грузинская власть. При этом обвинения в адрес России со стороны Тбилиси носят какие-то гротескные формы, балансирующие порой на грани абсурда. Значительную часть грузинского населения подобные несерьезные объяснения попросту перестали устраивать. Люди ждут реальных перемен в своей жизни, а им вместо этого пытаются подсунуть набор русофобских заклинаний. Оппозиция в данном случае лишь попыталась, хотя и не совсем удачно, оседлать волну стихийного протеста.

В условиях ширящегося массового возмущения Саакашвили попробовал сыграть на опережение и инициировал ряд изменений и нововведений в Конституцию страны. По его предложению были внесены поправки, касающиеся совмещения парламентских и президентских выборов и переноса парламентских выборов с апреля на осень 2008 года. Далее Саакашвили предложил уменьшить проходной барьер в парламент с 7 до 5 процентов (чтобы в парламент могли попасть мелкие лояльные или умеренно оппозиционные группировки; этот шаг связывают с падением рейтинга «Единого национального движения»), увеличить срок полномочий парламента с 4 до 5 лет, сократить число депутатов в парламенте и ввести ограничения на право его роспуска президентом.

Эти нововведения были восприняты непарламентской оппозицией как попытки ослабить противников режима перед предстоящим голосованием. Свои претензии к власти оппозиционеры изложили в манифесте. Предлагалось создать независимые суды, пресечь политическое насилие, обеспечить неприкосновенность частной собственности и свободу СМИ.

Описанная картина событий в республике будет не совсем полной, если не сказать о роли в ней вашингтонской администрации. Незадолго до начала акций протеста заместитель помощника госсекретаря США Мэтью Брайза заявил, что оппозиция в Грузии «имеет право на открытый протест», тем самым, по сути, дав «добро» на организацию ею протестных выступлений. Непосредственно перед их началом противники Саакашвили имели встречу с американскими дипломатами. У многих создавалось впечатление, что Вашингтон сделал выбор в пользу оппозиционеров и дни Саакашвили как президента сочтены. Однако, как показало последующее развитие событий, окончательного решения «по грузинскому досье» в Вашингтоне не было принято, оно определилось лишь после бурных акций протеста с требованием отставки Саакашвили. Тот же Брайза в интервью каналу «Имеди» заявил, что «нет разумных оснований для разрушения в Грузии конституционного строя», и назвал требования об отставке Саакашвили «безответственными». Да и как иначе, если президент Буш буквально накануне, выступая на 62-й сессии Генассамблеи ООН, приветствовал Грузию как страну, сделавшую существенные «шаги к свободе».

Но спасение Саакашвили было вызвано не только необходимостью спасти лицо американского президента. Вашингтон сделал ставку на Саакашвили ради более важных, геополитических целей по закреплению своего влияния на постсоветском пространстве и в регионе Большого Ближнего Востока. Очевидно, что, словесно поддержав оппозиционеров, американцы отнюдь не собирались менять грузинское руководство. Скорее всего, они хотели дать понять Саакашвили, что линия Белого дома в его отношении может в дюбой момент измениться и американские симпатии могут оказаться на стороне тандема Патаркацишвили – Окруашвили. Фактически в лице непарламентской оппозиции Вашингтон приобрел дополнительный рычаг воздействия на грузинский режим. Рычаг тем более необходимый, что непредсказуемый и политически неуравновешенный Саакашвили, от которого, похоже, начинают уставать и его американские покровители, вполне может ввязаться в не санкционированные Вашингтоном авантюры. В этом контексте ноябрьское выступление оппозиции можно рассматривать в качестве одного из этапов «смотра» возможных кандидатур, призванных сменить Саакашвили. В целом с высокой долей уверенности можно сказать, что досрочные президентские выборы Саакашвили выиграет. Связано это с тем,

что еще не сложился весь комплекс как внутренних, так и внешних предпосылок для смены власти в Грузии.

Оппозиция при всей своей активности не составляет пока единого организационного монолита, способного выдвинуть из своей среды сильного лидера, который станет реальной альтернативой Саакашвили. Внутри оппозиционных сил сейчас борются несколько группировок, и выдвижение паллиативной фигуры Левана Гачечиладзе в качестве единого кандидата является отражением этой борьбы. Да и Саакашвили принял все возможные меры для «зачистки» избирательного поля: оппозиционные СМИ разгромлены, ведущие оппозиционеры нейтрализованы (кто под судом, кто в бегах, кто запуган и затаился), назначен новый премьер-министр, которому пока еще легко давать обещания грядущих социальных благ населению страны. Не готовы пока к замене Саакашвили и в Вашингтоне. Там взят твердый курс на прием Грузии в НАТО (приглашение ей может быть сделано уже на весеннем саммите НАТО 2008 года в Бухаресте), а смена лидера может серьезно отсрочить эти планы.

Настроения грузинской общественности также еще не перешли в стадию жесткого неприятия действий властей. Недовольство выражает наиболее активная часть городского населения Грузии, нация же в целом пока не готова указать Саакашвили на дверь. Здесь необходимо учитывать и масштабную работу пропагандистского аппарата президента, и его личную харизму. Нельзя упускать из виду и тот факт, что Саакашвили очень активно использует ряд консолидирующих нацию моментов: восстановление территориальной целостности страны, ее вступление в НАТО (и в ЕС, хотя это пока вряд ли возможно), антироссийскую идеологию (которая, к сожалению, уже переходит на очень опасный бытовой уровень). Относительно роли России в грузинском кризисе можно сказать, что она была минимальной и опосредованной. О том, что грузинскую оппозицию «науськали» на Саакашвили из Москвы, говорить не приходится ввиду однозначного антироссийского настроя оппонентов режима (особо популярные среди оппозиции лозунги: «Москва, забери своего прихвостня/агента Саакашвили!», «Ванька, топай из Грузии!» и т. п.). То есть даже в случае смены власти в Тбилиси для России вряд ли что-то изменится существенно.

Кремль часто обвиняют в проведении непродуманной политики в отношении Грузии. Наверное, определенные основания для таких обвинений есть, хотя истерия, раздуваемая в некоторых западных СМИ относительно «блокады» Грузии, российских «провокаций», «подготовки террористов» для действий на грузинской территории, поддержки «сепаратистских режимов» и т. д., носит преднамеренный и субъективный характер. Но нельзя не замечать и того, что русофобия стала для большей части грузинской политической элиты – как правящей, так и оппо-

зиционной — своего рода векселем, который она стремится предъявить Вашингтону, не имея или не видя других возможностей для вхождения в евроатлантическое сообщество. Россия крайне заинтересована в поддержании стабильности на Южном Кавказе — это главный лейтмотив ее политики в регионе, и отсюда стремление сдерживать агрессивные намерения Тбилиси в отношении Абхазии и Южной Осетии. Москва конечно же заинтересована в приходе к власти в Грузии более вменяемого политического деятеля, способного вести с Россией полноценный конструктивный диалог. Однако ускорить его приход кремлевские власти не имеют возможности. Не имеют они и желания удерживать под своим крылом Грузию. Но не реагировать на антироссийские выходки провокационного характера Россия конечно же не может.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что по крайней мере в среднесрочной перспективе ситуация в Грузии будет характеризоваться ее дальнейшим дрейфом в направлении США и Запада и еще большим отходом от России. Некоторое потепление и налаживание диалога по волнующим как Россию, так и Грузию проблемам возможно лишь с приходом к власти в Тбилиси относительно умеренных политических сил, но пока таких сил и таких лидеров на грузинском политическом горизонте не просматривается. А вот прием Грузии в НАТО наверняка увеличит опасность острых трений альянса с Россией и слома того механизма сотрудничества, который с немалым трудом создавался обеими сторонами все последние годы. Когда за спиной импульсивного, но не слишком обремененного высокой государственной мудростью Саакашвили будет стоять мощный военный блок – ему удержу не будет, тем более что Запад в отношении России испытывает постоянную настороженность и готов во всем видеть «руку Москвы» и принимать на веру едва ли не все небылицы в ее адрес, организовывать которые Саакашвили показал себя незаурядным мастером.

«Российская Федерация сегодня» $\mathcal{N}_{23} - 2007$ г.

ЧТО ГОД ПРИШЕДШИЙ НАМ ГОТОВИТ?

«Сколько стоит?..» Этот, казалось бы, незамысловатый вопрос, который мы задаем ежедневно, теснейшим образом связывает нас с экономикой и политикой. Дефицит советских времен остался в прошлом. Теперь есть все, и много. Но у многих дефицит... денег. Когда цены растут быстрее, чем появляются деньги в кошельке, мы в оба уха начинаем прислушиваться к экономистам в надежде услышать что-нибудь утешительное.

Утешение вроде есть. Благосостояние людей может расти только в стабильно развивающейся стране. Если взять за основу такие близкие каждому россиянину категории, как внутренняя стабильность, качество жизни, уровень благосостояния, надежды на будущее развитие страны, то есть основания прогнозировать перспективы наступившего года оптимистически, хотя и не без некоторой доли здорового скепсиса. Стабильность будет обеспечена продолжением курса, проводимого руководством страны в последние годы и который поддерживается большинством населения. Новая команда в составе соратника действующего Президента Д.Медведева, Правительства, которое намерен возглавить В.Путин, на сегодняшний день наиболее авторитетный и опытный политик, новый состав дееспособной Госдумы будет работать, что называется, в одной упряжке. А это значит, что эффект «лебедя, рака и щуки», долгие годы тормозивший развитие страны и не позволявший в полной мере использовать потенциальные возможности для роста, будет сведен к минимуму. В этом отношении 2008 год должен задать тон на будущее. Как сказал на съезде «Единой России» В.Путин, на выборах в Госдуму народ России «защитил страну от возврата к временам популизма и общественного раскола и выступил главным гарантом стабильности нашей политической системы». Но теперь от всех нас требуется нечто большее, а именно более активная гражданская позиция, нацеленная на уверенное развитие страны, и, если хотите, повышенная самооценка своих прав и гражданского долга. По расчетам Правительства, макроэкономические показатели в 2008 году изменятся в лучшую сторону, хотя значительных прорывов, по-видимому, ждать не следует. Но что

несет 2008 год каждому из нас в сугубо прагматических, житейских вопросах, которые волнуют любого россиянина больше всего, в частности, таких, как цены на товары и услуги, инфляция, оплата труда, трудовая занятость? Инфляция и для 2008 года останется головной болью. Добиться ее спада будет не просто. А тут еще ускоренная индексация тарифов на товары (услуги) естественных монополий (тарифы на газ и электроэнергию выросли с начала 2007 года на 25 процентов). Свой вклад в рост инфляционных ожиданий вносят и президентские выборы, даже при всей их предсказуемости.

К сожалению, нет оснований ожидать, что в 2008 году рост цен на продукты питания будет остановлен или повернет вспять – причины этого лежат не только в российском рынке. Удорожание продуктов питания – общемировая тенденция, вызванная объективными факторами долговременного действия: подорожанием энергоносителей и сырья на мировых рынках, ростом потребления, особенно в странах Азии. А для России ситуация с продовольствием обостряется растущей зависимостью от импорта. Темпы роста предложения отечественных продовольственных товаров остаются недопустимо низкими (4-5) процентов в год), значительно отставая от растущего спроса. Наибольший рост цен ожидается на мясо (Россия импортирует 35 процентов свинины и говядины), плодоовощную и молочную продукцию (спрос на молочные изделия вырос на 7 процентов за год, а производство цельномолочной продукции – менее чем на 0,5 процента). Российские власти обещают, что в 2008 году рост цен на продукты питания будет проходить в рамках запланированной инфляции – примерно 8,5 процента (хотя ряд аналитиков называют 10-12 процентов). Реально ли это?

Опыт 2007 года показал, что жесткими административными мерами вряд ли можно сдержать рост цен. Так, соглашение о замораживании цен на социально значимые продукты, подписанное крупнейшими торговыми сетями и производителями продуктов питания прошлой осенью и действующее до 1 февраля 2008 года, явилось временной тактической и пропагандистской мерой, но желаемых результатов не принесло. Были подняты цены на более дорогостоящие товары, что ударило по карману среднего класса – наиболее активного и производительного слоя общества. По-видимому, необходим комплексный подход, сочетающий действие рыночных и административных механизмов (не столько запретительных, сколько стимулирующих), тем более что в 2008 году подорожает не только продовольствие, но также жилье и услуги, а возможно, и бензин. Понимание всех этих сложностей у властей, по их заверениям, имеется. Нам обещают, что резкого скачка цен удастся избежать (хотя после завершения срока действия соглашения цены на социально значимые продукты могут вновь вырасти на 10-15 процентов). Да и у российского бизнеса все же начинает постепенно расти чувство социальной ответственности и понимание необходимости разумного самоограничения. А это позволяет надеяться, что в России эпоха «дикого капитализма» подходит к концу, и наступивший год должен внести в это решающий вклад. Президент страны особо подчеркнул социальную направленность государственной политики в новом году, назвав ее главными задачами рост благосостояния российских граждан, снижение инфляции, сдерживание цен. Понятно, что повышение качества жизни населения – задача масштабная и за один год, даже при благоприятных условиях, ее не решишь. Она должна стать одной из главных стратегических задач ближайших лет, которую предстоит решать тандему Медведев -Путин. Важной ее частью явится реализация приоритетных национальных проектов, выдвинутых в 2006 году, которые предполагают модернизацию образования и здравоохранения, формирование рынка доступного жилья, развитие $A\Pi K$. Это – основные сферы, которые, по существу, определяют качество нашей жизни и социальный климат, формируют «человеческий капитал». Но осуществление этих проектов – лишь первый, хотя и важный шаг по реализации социально ориентированной стратегии развития страны.

В 2008 году будет продолжено решение таких важных социальных задач, как повышение пенсий и совершенствование пенсионного обеспечения; социальная поддержка детей-сирот; совершенствование государственной поддержки малообеспеченных категорий населения; поддержка материнства, детства и семьи. С 1 февраля повышаются пенсии, а также оклады военнослужащим.

Что касается уровня безработицы, то он, по планам, должен снизиться в 2008 году до 6 процентов (в 2006 году, по официальным данным, он составил 7,3 процента). Цифры, казалось бы, довольно приемлемые, если сравнивать с европейскими странами и не принимать во внимание различие в методиках подсчета. Но что обращает на себя внимание? Во-первых, намного более высокий уровень безработицы в отдельных регионах, особенно в республиках Северного Кавказа (в Ингушетии и Чечне, по официальным данным, доля не имеющих работы достигает 40 процентов). Во-вторых, возрастная и образовательная структура: около 30 процентов безработных составляет молодежь от 20 до 29 лет, более 30 процентов — лица, не имеющие профобразования. Так что требуется серьезное совершенствование государственной политики в сфере занятости и на рынке труда, и конечно же с учетом региональных факторов.

О доходах населения. В 2008 году сохранятся достаточно высокие темпы роста денежных доходов за счет всех составляющих: заработной платы, трансфертов и социальных выплат, доходов от собственности,

предпринимательской деятельности. Реальные доходы за год возрастут на 10-11 процентов. Будут происходить изменения и в структуре доходов и расходов граждан. Несколько возрастет доля фонда заработной платы и увеличится доля социальных трансфертов, что связано с проводимой государством активной социальной политикой. Повысится доля расходов на оплату услуг, и наоборот, доля расходов на покупку товаров несколько снизится. Это обусловлено смещением потребления в пользу услуг по мере роста доходов населения.

В 2008 году продолжится рост заработной платы, причем с опережением роста экономики в целом. Размер среднемесячной заработной платы возрастет в реальном выражении более чем на 12 процентов (в 2007 году, по оценке МЭРТ, на 15 процентов). Динамичный ее рост не только в нынешнем, но и в последующие годы будет обусловлен высокими доходами в ориентированных на экспорт отраслях экономики, повышением оплаты труда работникам бюджетной сферы, а также мерами по содействию развития различных секторов экономики. Кроме того, увеличение заработной платы будет стимулироваться, с одной стороны, дефицитом высококвалифицированных специалистов, а с другой – общим сокращением предложения трудовых ресурсов. Но все еще существенным остается разрыв в оплате труда в частном и государственном секторах, и он, скорее всего, в последующие несколько лет будет увеличиваться. А это ставит под угрозу срыва многие социальные реформы, особенно национальные проекты модернизации систем здравоохранения и образования, так как их серьезная перестройка при низких зарплатах работников этих сфер невозможна.

В 2008-2010 годах продолжится поэтапное повышение минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума. Предусматривается увеличение трудовой пенсии. Размер среднегодовой трудовой пенсии по сравнению с 2007 годом должен возрасти в 1,3 раза, что обеспечит ее дальнейшее приближение к прожиточному минимуму. Намеченный рост денежных доходов граждан будет способствовать дальнейшему уменьшению доли бедного населения. В 2008 году она составит 12,6 процента от общей численности населения (в 2006 году -16 процентов). Повышение минимального размера оплаты труда, пенсий и других социальных выплат позволит сократить число лиц, которым будет оказываться государственная социальная поддержка, и сосредоточить внимание на помощи наиболее обездоленной части населения. Программы помощи бедным будут носить комплексный характер и предусматривать сочетание материальной помощи малообеспеченным категориям граждан с мерами по социальной интеграции и повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

В целом же можно считать, что социальные планы Правительства на 2008 год будут выполнены. Залогом тому служит также и то, что

цены на основной экспортный российский товар – нефть не уменьшатся, а будут расти (прогнозируется среднегодовая цена на российскую нефть в 74 доллара за баррель против 69 долларов в 2007 году). А это значит, что будут расти налоговые и другие поступления. Да и в целом общемировой тренд таков, что экспортные цены повсеместно растут. И, следовательно, при ожидаемом росте российского экспорта (по прогнозам, на 2008 год он составит почти 400 млрд. долларов против примерно 345 млрд. в 2007 году) вполне можно рассчитывать на достаточно надежное финансовое обеспечение социальных программ. С января 2008 года в стране начали действовать ряд нововведений, касающихся интеллектуальной и информационной сфер. Наиболее важным из них является урегулирование правовых отношений в сфере интеллектуальной собственности – с нового года введена в действие часть IV Гражданского кодекса РФ, серьезно ужесточена ответственность за нарушение авторских прав. С одной стороны, это в какой-то мере ограничит подпольную деятельность по изготовлению и продаже нелицензионных носителей. Но с другой – пострадают электронные библиотеки и прочие полезные интернет-ресурсы, которые в нынешних российских условиях являются важным подспорьем, а то и единственным источником для тех, кто занимается той или иной интеллектуальной деятельностью.

Изменения коснулись также единого социального налога и налога на прибыль. Кроме того, крупнейшие российские компании освобождены от налога на дивиденды, а для остальных их ставка снижена с 15 до 9 процентов. По мнению налоговых органов, это повысит инвестиционную привлекательность российского бизнеса. В целях дальнейшей борьбы с «серыми» схемами выплат ограничиваются нормативы суточных, не облагаемых налогом (до 700 руб. в день по России и до 2500 руб. за день загранкомандировки).

Несколько слов о будущем российского фондового рынка. В целом его перспективы в наступившем году российские эксперты оценивают с умеренным оптимизмом, что в первую очередь это связано с большим весом акций нефтегазового сектора в российских индексах и продолжающимся ростом цен на энергоносители. Российские эксперты считают, что в ближайшей перспективе российский рынок будет приносить доходность, сравнимую со средней на развивающихся рынках. Это означает рост на 15–20 процентов. Что касается курса валют, то, по преобладающему мнению, соотношение рубля к доллару США в течение 2008 года останется на нынешнем уровне, примерно 24,5 рубля за доллар. Текущие цены фьючерсов на золото, приближающиеся к 1000 долларов за унцию, также дают повод для оптимистических ожиданий. Наконец, что готовит нам 2008 год во внешне политической сфере? Было бы ошибкой считать, что для рядового

российского гражданина внешние условия являются делом второстепенным, мало касающимся повседневных забот, личного и семейного благополучия. Страна глубоко интегрирована в систему мировых отношений, в мировую экономику. Любые изменения внешнеполитических факторов, так или иначе, булут сказываться на благосостоянии российских граждан, их повседневной жизни. Особенностью 2007 года для России явилось укрепление внешних связей на азиатском направлении и, к сожалению, заметное ухудшение отношений с США и Евросоюзом. Некоторые из внешнеполитических проектов, которые пытаются реализовать наши западные партнеры, несут прямую угрозу как для безопасности нашей страны, так и для успешной реализации планов в экономике и социальной сфере. Выстраиваются искусственные барьеры на путях продвижения в Европу и на другие мировые рынки российского бизнеса. А главное – Россию пытаются буквально принудить к участию в разорительной гонке вооружений, втянувшись в которую, страна вынуждена будет отказаться от многих своих социальных программ.

В целом 2008 год, несмотря на кардинальную перегруппировку трех высших ветвей государственной власти, к счастью, вряд ли явится очередным годом «великих перемен», от которых в последние годы российские граждане натерпелись достаточно. Но он должен положить начало новому этапу преобразования России, в котором государство ставит своей первейшей задачей улучшение качества жизни своих граждан. Такую направленность государственной политики можно только приветствовать. Но важно понимать и то, что выполнение намеченных Правительством России задач в социальной сфере, качественное улучшение жизни российских граждан, преодоление немалых трудностей, стоящих на этом пути, в значительной мере зависят от осознания каждым гражданином России своей роли и ответственности в тех преобразовательных программах, которые объявлены в качестве приоритетных, от личного вклада каждого в это трудное, но благородное дело.

«Российская Федерация сегодня» №2 – 2008 г.

А НАШИ ФИНАНСЫ НЕ ЗАПОЮТ РОМАНСЫ?

Разразившийся в прошлом году в США ипотечный кризис затронул все мировые финансовые рынки. Во многих странах известнейшие инвестбанки были вынуждены в своих годовых отчетах отобразить убытки в миллиарды долларов. Более того, его воздействие не только продолжается, но и вызывает серьезные опасения, что в случае его перерастания в США в рецессию мировую экономику ожидает серьезный кризис. В этой связи банковские системы большинства стран принимают все возможные меры с целью своей защиты или хотя бы смягчения последствий от этого воздействия.

При этом основными мерами защиты в конце 2007 — начале 2008 года были аукционы по увеличению ликвидности банков. В частности, в США такие аукционы проводились дважды, 17 и 20 декабря (по 20 млрд. долларов — кредиты на 28 и 35 дней) и аналогично 14 и 28 января.

Вместе с тем, пытаясь реанимировать банковский рынок сильнодействующими средствами, представители центральных банков все равно признаются в собственной растерянности. Даже с учетом тех операций, которые они провели, невозможно гарантировать существенное снижение спрэдов, то есть разницы между процентными ставками. Их действия могут повысить доверие к банковскому сектору, но трудно сказать, окажет ли это существенное воздействие на ситуацию. Сейчас банки накапливают ликвидность из-за опасений по поводу состояния капитала коллег. Финансовые организации боятся, что замедление роста экономики США может привести к новым потерям и дальнейшему ухудшению условий кредитования. В любом случае начало 2008 года для многих банков оказалось непростым. При этом не приходится сомневаться в том, что банковский сектор ждет болезненный процесс адаптации.

Что касается российского банковского сектора, то он легче других перенес затронувшие его последствия ипотечного кризиса в США. В этой связи некоторые чиновники сравнили нашу банковскую систему с «островом стабильности» в мире.

Это произошло из-за ее относительной изолированности от мировых финансовых структур и благодаря своевременности принятых Центральным банком России мер по борьбе с нехваткой ликвидности.

Вместе с тем российская банковская система также не избежала некоторых последствий. Это произошло в основном из-за возникновения проблем с внешними заимствованиями. Если раньше российские банки могли получать многочисленные дешевые займы у зарубежных партнеров, то в результате ипотечного кризиса эти возможности резко сократились, да и сами деньги «подорожали».

В этой связи в деятельности российских банков стали заметны две тенденции. Во-первых, банки значительно (в ноябре — на 14,7 процента) уменьшили объем кредитов, привлеченных в целях рефинансирования. Одновременно в том же ноябре на 57,7 процента — до 25,95 млрд. руб. — увеличился объем привлеченных однодневных кредитов (овернайтов). При этом занимать по ставке овернайт 10 процентов могли лишь банки, оказавшиеся в совсем отчаянном положении, ведь к тому моменту Центробанк предлагал более дешевые ресурсы. Так что рост спроса на подобные кредиты не мог не настораживать.

Впрочем, кредиты овернайт не показатель, а оценивать ноябрьскую ситуацию надо по сделкам РЕПО (договоров обратного выкупа). 28 ноября банки заняли рекордную сумму -300 млрд. руб. в рамках таких сделок.

Второй же тенденцией стало то, что в ноябре в 3,6 раза сократился объем средств банков на депозитах Центробанка – до 324,4 млрд. руб. В результате ситуация с ликвидностью на российском рынке выровнялась, а нежелание банков размещать средства на счетах Центробанка связано с тем, что свободные деньги выгоднее размещать на рынке.

И все же, несмотря на проблемы с внешними заимствованиями, в декабре иностранный капитал продолжал притекать в российскую банковскую систему, хотя и меньшими темпами, чем раньше. Внешние межбанковские заимствования в декабре выросли на 6 млн. долларов, их рост за четвертый квартал составил 15,5 процента. Внешнее фондирование по-прежнему доступно для российских банков, несмотря на сложную ситуацию на мировых кредитных рынках. Тем не менее увеличение внешних межбанковских обязательств обусловило всего 14,2 процента роста активов в четвертом квартале 2007 года, следовательно, можно сделать вывод, что этому процессу в большей степени способствуют внутренние источники.

Не обошлось и без плюса: по оценке Банка России, кризис ликвидности лишь оздоровил банковские финансы.

Активы банковской системы за декабрь 2007 года выросли на 6,8 процента, а рентабельность всего банковского сектора за прошлый год увеличилась на 3 процента. А это свидетельствует о том, что российские

банки хорошо пережили начало глобальной финансовой нестабильности, сократив лишь пропорции кредитования от потребительского сектора к корпоративному. По состоянию на конец 2007 года банковский сектор в России вряд ли можно назвать проблемным.

Декабрьские данные о состоянии финансовой системы, опубликованные Центробанком, свидетельствуют также о том, что рентабельность российских банков в 2007 году по сравнению с 2006 годом практически не снизилась. Если в 2006 году она составляла 3,3 процента, то в 2007 году — 3,11 процента, несмотря на существенные проблемы с ликвидностью в мировой финансовой системе, которые начались во второй половине 2007 года.

Рост активов банковского сектора в декабре составил 6,8 процента, а за весь 2007 год они выросли на 44 процента. С точки зрения структуры активов рост был достаточно сбалансированным, ликвидные активы увеличивались более быстрыми темпами, чем кредитный портфель. Рост депозитов также не замедлился: по сравнению с ноябрем он увеличился на 7,9 процента, а физических лиц —на 6,8 процента.

Однако необходимо отметить, что во втором полугодии рост депозитов и вкладов населения замедлился и в 2007 году был несколько меньше, чем в 2006 году. Именно рост депозитной базы обеспечивал рост активов банковской системы. Вместе с тем темпы роста декабря 2007 года оказались не ниже аналогичного показателя 2006 года, а это говорит о том, что ресурсы финансового сектора позволяют сделать рывок в кредитовании и росте общих активов.

В то же время необходимо отметить, что во втором полугодии российские банки заметно ужесточили кредитные требования, но в основном это коснулось физических лиц. Видно, что потребительское кредитование замедлилось к середине года. Причина — многие банки понадеялись, что восстановят клиентов среди физических лиц, и поэтому занялись вплотную кредитованием предприятий. При этом благодаря ужесточению требований отмечается снижение доли просроченных кредитов физических лиц в декабре 2007 года до 3,11 процента с 3,3 процента в ноябре.

Впрочем, кредитование банковской системой как физических, так и юридических лиц в 2007 году в абсолютных цифрах заметно увеличилось. Если в 2006 году физические лица взяли кредитов на сумму 17,1 млрд. руб., то в 2007 году она выросла до 30,1 млрд. руб. В то же время кредитование предприятий в 2007 году по сравнению с 2006 годом выросло с 57,2 млрд. руб. до 83,8 млрд. руб.

После тяжелой осени прошлого года, когда ежедневный объем заимствований банков у Центробанка достигал 300 млрд. руб., а ставки для банков второго эшелона на рынке межбанковского кредитования (МБК) достигали 10 процентов, в начале 2008 года российский денежный ры-

нок почувствовал облегчение: на рынке появилось много дешевых бюджетных средств и ставки МБК снова вернулись на уровень 6 процентов. Однако отдыхать банкам осталось недолго: по словам первого зампреда Центробанка Алексея Улюкаева, в марте—апреле ожидается пик дефицита ликвидности, который может достигнуть 400 млрд. руб. ежедневно. При этом можно отметить, что прошлогодние октябрьские прогнозы первого зампреда о дефиците ликвидности в 300 млрд. руб. месяц спустя подтвердились.

Этот дефицит ликвидности может сложиться в результате оттока капитала, крупных налоговых выплат по НДС и погашения займов. По словам А.Улюкаева, в марте-апреле Центробанк готов ежедневно давать банкам до 700 млрд. руб. дополнительно к текущим уровням ликвидности, для чего, возможно, придется увеличить лимит регулятора на рефинансирование банковской системы, который сейчас составляет 500 млрд. руб. в день.

В этой связи, хотя финансового кризиса в России «не наблюдается», он уже обрел официальный статус — 15 высокопоставленных представителей банковского сообщества России впервые обратились к премьерминистру Виктору Зубкову за помощью в его преодолении.

Премьер провел совещание представителей Правительства с членами совета Ассоциации российских банков. На встрече присутствовали 15 руководителей крупнейших банков во главе с руководителем Сбербанка Германом Грефом, вице-премьер Алексей Кудрин, председатель Центробанка Сергей Игнатьев, глава экспертного управления Администрации Президента Аркадий Дворкович, руководитель ФСФР Владимир Миловидов, глава Комитета Госдумы по финансовым рынкам Владислав Резник, представители министерств и правительственных агентств. Этой встречи АРБ добивалась с декабря 2007 года — банкиры хотели обсудить действия Правительства в случае повторения кризиса ликвидности, аналогичного ситуации осени 2007 года.

Все присутствующие, кроме Виктора Зубкова, не скрывали, что тема совещания в такой степени тревожна, что никаких публичных сомнений в существовании кризиса быть не может. В частности, новый президент Сбербанка Герман Греф заявил, что «уже во втором квартале» банки могут столкнуться с проблемами, вызванными мировым кризисом: банковское сообщество уже начинает чувствовать проблему на международных финансовых рынках, которая выражается в увеличении стоимости привлечения средств. Г.Греф утверждал, что к апрелю—маю 2008 года происходящее может привести к увеличению большинством банков кредитной ставки, снижению денежного предложения и вследствие этого снижению темпов экономического роста. Как минимум, спрогнозировал Г.Греф, в 2008 году темпы роста инвестиций не покажут и 20 процентов уровня 2007 года. Процесс повы-

шения кредитных ставок наблюдается уже сейчас: фондирование за счет привлеченных средств из-за рубежа достаточно подорожало. Многие банки переориентируются на депозиты, инфляция высокая, ставки по вкладам повышаются. Чтобы сохранять свою рентабельность, многие действительно будут вынуждены повышать ставки по кредитам. Каждый банк будет оценивать свои возможности по привлечению фондирования и в соответствии с этим строить свою ценовую политику. Есть банки, которые вовлечены и больше зависят от мировых рынков, – у них соответственно это влияние будет больше, у тех, которые могут пользоваться локальными средствами, зависимость, наверное, будет меньше. Далеко не все банки будут ждать повышения кредитных ставок Сбербанка. У всех своя история с фондированием, и если кому-то оно уже сейчас обходится дороже, другого пути, кроме как повышать ставки, у них нет. Ставки по розничным кредитам банков могут повыситься не менее чем на 1-2 процента по кредитам в любой валюте. По итогам встречи никаких решений не объявлялось. По словам участников совещания, до появления какихлибо кризисных симптомов никакой господдержки банковская система не получит — по крайней мере проблемы дефицита краткосрочной ликвидности будут решаться силами главы Центробанка С.Игнатьева. При этом, по имеющимся данным, принято решение и не вбрасывать в экономику средства госкорпораций - скорее всего, при сохранении нынешних трендов вброса этих денег в банковскую систему через депозиты не произойдет, не будут проводиться и депозитные аукционы. Зато А. Кудрин по итогам совещания изменил свою непримиримую позицию. По его словам, в случае острой ситуации на международном финансовом рынке «могут быть моменты, когда потребуются не только инструменты Центробанка, но и размещение бюджетных средств в коммерческих банках».

Анализ тенденций развития финансовой сферы в нашей стране содержался и в выступлении Президента России В.Путина на расширенном заседании Госсовета 8 февраля. Касаясь ситуации в 90-е годы, он, в частности, сказал, что «значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами... финансы страны были опустошены и практически полностью зависели от внешних заимствований. И это в конечном счете привело к дефолту 1998 года, который обернулся разорением многих предприятий, ростом бедности и безработицы.

Инфляция съедала и без того невысокие доходы граждан России. В 1999 году она составляла 36,5 процента. На начало 1999 года пришелся и пик задолженностей по заработным платам, пенсиям и пособиям. На предприятиях задержки с выплатами зарплат достигали двух лет... богатая Россия превратилась в страну бедных людей».

В настоящее же время «созданы значительные финансовые резервы, защищающие страну от внешних кризисов и гарантирующие исполнение социальных обязательств в будущем. В целом обеспечена макроэкономическая устойчивость и финансовая самостоятельность страны. Как результат — в течение последних двух лет наблюдается настоящий инвестиционный и потребительский бум в России». Как отметил Президент, приток иностранного капитала в 2007 году составил 82,3 млрд. долларов.

В качестве актуальной задачи для данного сектора отечественной экономики В.Путин выдвинул развитие финансовой инфраструктуры, формирование в России одного из мировых финансовых центров.

Выступление Владимира Путина на Госсовете породило у предпринимателей и многих рядовых россиян оптимистичные ожидания.

Основной вывод — глобальный ипотечный кризис фактически не сказался на российской банковской системе, так как наша банковская система находится в достаточно изолированном состоянии от кризисных явлений. Единственное изменение — если раньше предприятия предпочитали обращаться к иностранным банкам, то теперь обращаются к российским.

Перспективы развития банковской системы в 2008 году не внушают опасений. Хотя ужесточение кредитных требований к физическим лицам приведет к некоторому замедлению кредитования населения, высокие темпы роста реальных доходов обеспечат достаточную базу для увеличения активов и кредитования предприятий. Уже сейчас очевидно, что запросы банкиров на поддержку финансовой системы государством – скорее стремление поддержать или увеличить рентабельность своего бизнеса, нежели «крики о помощи утопающих».

«Российская Федерация сегодня» №4 – 2008г.

КАК ДОЛЖНА СЕБЯ ЧУВСТВОВАТЬ РОССИЯ В «ОБЪЯТИЯХ» США И НАТО?

Начало 2008 года отмечено рядом важнейших международных событий. Главные из них, связанные с проблемами безопасности, прошли в Бухаресте (саммит НАТО и заседание Совета Россия – НАТО) и в Сочи (неформальная встреча президентов России и США)

Особенность этих международных мероприятий заключается прежде всего в том, что они были призваны определить для всех участников курс и приоритеты внешней политики по крайней мере на ближайшие 8–10 лет. Это относится как к России, где смена президентов многими на Западе увязывается с ожиданиями смягчения внешнеполитического курса России в отношениях с Западом, так и к НАТО, где накопилось немало проблем не только на российском направлении, но и во взаимоотношениях между членами союза. Перечень этих проблем хорошо известен, и касаются они в основном военно-политической сферы.

Заседания в Бухаресте и неформальная встреча президентов России и США в Сочи, если оценивать их итоги по большому счету, никаких прорывных результатов для России не принесли, те разногласия, которые существовали в подходах к целому ряду вопросов внешней и военной политики, остались практически на прежнем уровне. Но все же Бухарест и Сочи нельзя назвать очередными дежурными мероприятиями, которые зачастую напоминали диалог глухих.

Какие выводы можно сделать по их итогам?

Альянс остался верен своей стратегии, нацеленной на расширение — в него приглашены Албания и Хорватия. На очереди — Босния и Герцеговина и Черногория, с которыми НАТО начинает усиленные консультации по подготовке к вступлению. (С Македонией пока вопрос не решен, но, надо полагать, компромисс с Грецией по поводу названия этой страны все же будет найден.) Прием в блок этих небольших Балканских государств, конечно, не явится каким-то знаковым событием, но он вряд ли добавит успокоения на Балканах. Так, приглашение Албании в альянс косвенно свя-

зано с признанием независимости Косова, и для Сербии это явится очередным ударом, явным сигналом к тому, что фактически насильственно отторгнутый при прямой поддержке НАТО край Косово никогда не возвратится под крыло Белграда. Сербия в этой конфигурации подвергнется дополнительному давлению не только в отношении Косова, она, как рассчитывают в НАТО, вынуждена будет в конце концов смириться с потерей значительной части своей территории и для собственной же безопасности часть своего суверенитета делегировать Брюсселю.

Но главная интрига саммита — и наиболее болезненный для России вопрос — это вступление в альянс первых из стран СНГ: Украины и Грузии.

Официального приглашения к вступлению в НАТО эти страны в Бухаресте так и не получили, несмотря на поддержку президента США и большинства членов альянса (только шесть государств, в том числе Германия и Франция, высказались против поспешного решения, но отнюдь не против их членства). Можно ли рассматривать такое решение саммита НАТО как пусть небольшую, но победу российской политики и дипломатии? Думается, такой вывод был бы неоправданным.

Во-первых, главное в решении саммита НАТО не то, что эти две страны постсоветского пространства пока не приглашены в блок. Их официальное приглашение лишь отложено, скорее всего, до юбилейного саммита НАТО, который состоится через год, когда НАТО будет отмечать свое 60-летие в Кельне (ФРГ) или Страсбурге (Франция). Как руководство НАТО, так и его ведущие члены не устают повторять, что Украина и Грузия непременно станут членами НАТО, что и отражено в итоговой декларации саммита. Президент Буш недвусмысленно заявил о том, что в Бухаресте положено начало интеграции Украины и Грузии в альянс. Нельзя исключать, что их приглашение последует уже в декабре на встрече министров иностранных дел стран НАТО. Фактически России дали понять, что если она не проявит гибкости и не пойдет на уступки в отношении спорных проблем (тот же ДОВСЕ и др.), то прием Украины и Грузии в НАТО может пойти по ускоренному варианту. Но задержка на полгода-год практически ничего не дает России. И российскую политику надо строить с учетом того, что Украина для России как стратегический партнер потеряна - со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые коснутся не только военно-технического сотрудничества, но и политической сферы, и экономических отношений, и, что самое главное, исторически сложившихся традиционно добрых отношений между нашими народами.

Во-вторых, обработка населения Украины в отношении вступления страны в НАТО строится, к сожалению, на антироссийской основе. Президент Украины постоянно твердит о необходимости защиты украинского суверенитета, который якобы без помощи НАТО наверняка подвергнется ущемлению, о безопасности страны, которая, по его мнению,

в настоящее время находится на низком уровне. Источником всех этих угроз явно подразумевается Россия. В этом духе и осуществляется обработка общественного мнения Украины.

Многие наши политики и аналитики, комментируя проблему, упирают на то, что большинство населения Украины выступает против членства страны в НАТО. Сближение с НАТО не только создает серьезные проблемы для российско-украинских отношений, считают в Думе, но «негативно повлияет на внутреннюю ситуацию на Украине, поскольку к вступлению в НАТО отрицательно относится большинство граждан Украины». Но этот аргумент строится на довольно зыбкой почве. Президент Украины В. Ющенко накануне саммита высказался в том духе, что поначалу идею вступления в НАТО поддержали только 17 процентов населения, но уже вскоре ее сторонников насчитывалось 30 процентов, теперь же их, по его словам, уже 40 процентов, «а мы еще не начинали работать». Вполне вероятно, что очень скоро этот аргумент противников вступления Украины в НАТО перестанет работать, тем более что власти в Киеве, поддерживаемые США и Европой, вполне овладели приемами манипулирования общественным сознанием, как и приемами получения нужных результатов при голосовании.

Другое дело, что вступление Украины в НАТО приведет к тому, что российско-украинский Договор о дружбе, действующий с 1998 года, потеряет свое значение, а вместе с ним прекратят свое действие почти 60 межгосударственных и межправительственных соглашений, в том числе о сотрудничестве в области информации, о защите инвестиций, о ядерном оружии, базировании Черноморского флота и др. Придется забыть и о формировании Единого экономического пространства.

Причины некоторого «притормаживания» руководством НАТО темпов вступления Украины и Грузии в альянс видятся в другом. Руководство Грузии рассчитывает, что вступление в альянс поможет восстановить целостность страны. Но многие члены НАТО – и США вынуждены считаться с их мнением – пока не готовы взять на себя решение территориальных проблем Грузии. Альянс и без того столкнулся со многими трудностями в Афганистане, в Африке, на Балканах, в Ираке, где он участвует в подготовке сил безопасности. Сотрудничество с Россией в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, ее помощь в транзитных проблемах по обеспечению войск НАТО в Афганистане для альянса сегодня крайне важны. Прием Грузии пока создает для НАТО больше проблем, чем выгод.

С Украиной дело обстоит еще сложнее. В НАТО понимают, что ее вступление в альянс навсегда закроет возможность восстановления мощной державы на просторах бывшего СССР и возрождения на восточных границах ЕС сильного геополитического конкурента. Но, с другой стороны, как бы ни афишировали официальные лица НАТО единство ее членов, фактическое разделение Европы на «старую» и «новую» со сче-

тов не сбросишь. НАТО уже далеко не прежний монолит времен «холодной войны», эта организация при всей ее растущей военной мощи становится все более рыхлой. В ней наблюдается заметный рост влияния (но не авторитета!) США, создавших команду из новых членов, готовых во всем поддерживать Вашингтон. Создание такого неофициального «альянса в альянсе» не может не беспокоить Германию, Францию, другие страны Западной Европы. Премьер-министр Франции Фийон заявил, в частности, что вступление Украины и Грузии в НАТО было бы «неправильной реакцией на существующий баланс сил в Европе, баланс между Европой и Россией».

Для России вступление Украины в НАТО будет означать если и не прямую военную опасность, то, без сомнения, оно повлечет за собой ослабление российского военного потенциала, принесет серьезные осложнения для внешней политики и экономики России. И, чтобы там ни твердили в Брюсселе относительно исключительно мирных намерений блока, прямой выход огромной военной машины НАТО практически на всю российскую границу от Балтики до Каспия сам по себе не может не вызывать серьезных тревог.

России, очевидно, придется смириться с тем, что Грузия и Украина в скором времени все же станут членами НАТО — сколько-нибудь серьезных силовых, экономических или финансовых рычагов воспрепятствовать этому у нашей страны нет. Вступать в очередной виток гонки вооружений, к чему нас явно подталкивают, надеясь на истощение экономики, что сделало бы страну более покладистой, России никак нельзя. Но у России есть достаточное политическое влияние, на ее стороне несомненная и понятная европейской общественности логика в построении действительно равнопрочной и одинаковой для всей Европы системы безопасности, которая не может быть обеспечена без участия России. Нам все время твердят, что Россия не имеет права вето на решения блока. Но Россия имеет несомненное право отстаивать интересы своей безопасности, заявлять о своих опасениях, не считаясь с недовольством Вашингтона или Брюсселя, о том, что вступление Украины в НАТО несет угрозу безопасности России (в том числе и военную).

В повестку дня Бухарестского форума не был включен вопрос о новой стратегической концепции блока, работа над которой ведется полным ходом и которая, по всей вероятности, будет принята на юбилейном саммите НАТО в 2009 году. Изучение документов саммита, в том числе итоговой декларации, позволяет определить направленность новой стратегии. НАТО в своей политике окончательно выходит за традиционные географические рамки блока и позиционирует себя как военно-политический союз с глобальной ответственностью. Основные усилия в своей деятельности альянс намерен сосредоточить главным образом на сопредельных и удаленных территориях. Помимо Балкан

и Средиземноморья это Большой Ближний Восток (включая Афганистан, Ирак, страны Залива и др.), страны АТР и Африки. Это и «стратегически важные районы» Кавказа и Центральной Азии. Как рассуждают в НАТО, деятельность блока в регионе ББВ и расширяющееся сотрудничество со странами АТР значительно облегчится, если НАТО будет территориально соседствовать с этими регионами. Это еще одна из причин, по которой следует ожидать очередных волн расширения НАТО за счет бывших южных республик СССР. Речь, конечно, пока не идет о приеме в альянс Азербайджана, Армении, государств Центральной Азии (прежде всего прикаспийских, богатых энергоресурсами), но более тесное сотрудничество с ними в военной и политической областях — насущная задача для НАТО.

В новой концепции существенно поменяются акценты, определяющие важность решаемых НАТО задач. Среди них — борьба с международным терроризмом, противодействие распространению ОМУ, предотвращение угроз, связанных с так называемыми «падающими» государствами. Важными задачами для НАТО становятся противоборство в информационном пространстве («кибероборона») и обеспечение энергетической безопасности стран-участниц, а также гуманитарные операции, участие в предотвращении и устранении последствий техногенных катастроф и экологических бедствий.

По существу, новая концепция, при сохранении и наращивании способностей к ведению традиционных войн (как обычной, так и с применением ядерного и других видов ОМУ), потребует подготовки альянса и его вооруженных сил к специфическим войнам и операциям нового типа — «антитеррористической», «антиядерной», «информационной», «энергетической», «гуманитарной».

Мало нового внес в решение проблем международной безопасности неофициальный саммит Россия — США в Сочи. Как известно, по его итогам принята Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений, охватывающая обширный круг вопросов. Подведены итоги последних лет, стороны пообещали продолжать диалоги по всем проблемам, представляющим общий интерес, и не скатываться на конфронтационный путь. Для Буша эта встреча была важна прежде всего по внутренним причинам. Согласие России, пусть косвенное, в отношении планов развертывания американской ПРО в Европе (так американцы трактуют соответствующие положения документа) — весомый аргумент в пользу республиканцев и их кандидата Маккейна.

«Российская Федерация сегодня» №8 – 2008 г.

ЧТО В КОНЦЕ ИРАКСКОГО ТУННЕЛЯ?

Мир и Америка отметили пятую годовщину вторжения американских войск в Ирак и свержения правительства Саддама Хусейна. Мир – в основном антивоенными демонстрациями и статьями с критикой глобальной политики Белого дома. Америка – рассуждениями о цене войны, измеренной долларами и человеческими жизнями, а также поиском альтернативы курсу Дж.Буша-младшего.

Очевидно, что с приходом к власти в США в конце 2008 года новой администрации американская стратегия в Ираке претерпит определенные изменения. В то же время вывода войск из этой страны в ближнесрочной перспективе ожидать не стоит. Покинуть Ирак американцы смогут либо вследствие принятия волевого политического решения, либо в случае стабилизации ситуации в этой стране, либо переложив ответственность за поддержание порядка на другие государства. Однако ни один из этих вариантов не может быть реализован сразу после президентских выборов в США, вопреки обещаниям кандидатов от Демократической партии.

Волевое решение о выводе войск из Ирака Белым домом вряд ли будет принято, поскольку оно может и не получить одобрение Конгресса. Американское руководство наверняка понимает, что при таком развитии событий все усилия по «модернизации» Ирака окажутся потраченными впустую. Вашингтон утратит контроль над иракской нефтью, не сумеет локализовать угрозы, исходящие теперь из этой страны для США и их союзников (экспорт исламского фундаментализма, терроризма), и значительно ослабит свои возможности ограничить региональное влияние клерикального режима Ирана. Тем более что Вашингтон, хотя и пытается контактировать с Тегераном по иракской проблематике, не отказался от силового варианта решения «иранской проблемы».

О полноценной стабилизации политической ситуации в Ираке пока говорить не приходится, не просматриваются и перспективы снижения уровня этноконфессиональной напряженности. По всей видимости, раскол внутри иракского общества становится все более глубоким — основные общины страны (курды, сунниты и шииты) не стремятся к вы-

работке платформы для политического объединения и сохранения территориальной целостности Ирака.

После некоторого затишья, связанного с увеличением численности американских войск в Багдаде и окрестностях столицы, ситуация в Ираке возвращается в привычное русло — вновь растет число терактов и диверсий, вновь звучат взрывы и выстрелы, вновь гибнут простые иракцы и американские солдаты (потери США в Ираке уже превысили 4 тыс. человек). По данным социологических исследований, почти 80 процентов иракцев выступают за вывод из страны иностранных войск, именно в них видя главный источник всех своих бед.

Установить стабильность не помогают ни военные усилия, ни гигантские финансовые вливания. Американская администрация покупает лояльность суннитских группировок, финансирует создание армии и полиции, которые по сей день так и не могут полноценно противостоять разгулу экстремизма, дотирует программы восстановления экономики и инфраструктуры страны.

По оценкам известнейшего американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица, авантюра Белого дома в Ираке в совокупности с афганской кампанией будут стоить налогоплательщикам из Соединенных Штатов к 2017 году 3 трлн. долларов. Пока прямые расходы на войны в Ираке и Афганистане, по оценкам все того же Стиглица, достигли уровня 645 млрд. долларов. Таких затрат может не потянуть даже сверхмощная американская экономика.

Что же касается сценария, при котором основной груз по поддержанию стабильности в Ираке будет переложен с американских плеч на плечи других стран, то он также вряд ли реализуем. Ни один из международных контингентов не станет полноценной заменой войскам Соединенных Штатов. Масштабное вовлечение в иракскую кампанию чревато для крупных европейских государств также серьезными потерями в живой силе и финансовыми затратами. Это может достаточно быстро привести к росту общественного недовольства и падению популярности правящих в этих странах кабинетов. Американские сателлиты (Польша, Грузия, Украина и т. д.) также не станут полноценной заменой в Ираке американским войскам в силу худшей оснащенности и обученности их солдат.

Однако после президентских выборов 2008 года политика США в отношении Ирака все же начнет меняться. Скорее всего США будут прилагать усилия для сокращения своего участия в военных операциях, начнут активнее поддерживать иракскую армию, вполне вероятно, вступят в диалог с оппозиционными силами — шиитскими радикалами, федаинами из числа суннитов и т. д.

Также, вероятнее всего, США предпримут действия для того, чтобы отстранить от власти в Ираке неэффективное, проиранское, по мнению

американцев, правительство Нури аль-Малики. Пока иракский Кабинет министров не выработал важнейшие законы (о нефти и об административно-территориальном делении страны), принятие которых в Белом доме считают едва ли не залогом стабилизации ситуации в стране. В этой связи в американских экспертных кругах достаточно давно дискутируется мысль о том, что на смену «бездеятельному» аль-Малики должен прийти жесткий политик, способный «сильной рукой» объединить государство и продвинуть его по пути прогресса. В этом качестве некоторые наблюдатели видят экс-премьер-министра Ирака Айяда Алави, известного своей проамериканской и прозападной ориентацией (несмотря на малочисленность его фракции в иракском парламенте).

Однако даже в случае успешности вышеперечисленных усилий полноценной стабилизации ситуации в Ираке добиться не удастся. Американцы сумеют значительно сократить свой воинский контингент в Ираке и передислоцировать оставшуюся его часть на относительно спокойную территорию — в Иракский Курдистан — только в случае территориального разделения основных иракских общин и подключения к мирному процессу авторитетных исламских держав: Ирана, Сирии, Саудовской Аравии и Иордании.

В этой связи, по всей видимости, Вашингтону придется смириться с тем, что в течение ближайших лет Ирак фактически прекратит свое существование как единое государство. Вполне вероятно, что в ближайшие несколько лет Ирак будет преобразован в конфедерацию, с последующим отделением от нее Курдистана.

Курды, помимо принадлежащих им трех провинций (Эрбиль, Сулеймания, Дохук), начнут активно лоббировать вопрос о присоединении к их автономному району провинции Киркук. В случае если американцы решат передислоцировать свои войска на север Ирака и начать разработку расположенных там углеводородных месторождений, то, не исключено, они помогут курдам решить вопрос о принадлежности Киркука. В этом случае следует ждать дальнейшей «курдизации» данной провинции.

Создание государства иракских курдов не будет способствовать полноценному решению курдского вопроса в масштабах региона (в частности, оно не сможет принять всех желающих получить гражданство). В этих условиях курды Турции, Сирии и Ирана, вдохновленные примером иракских соплеменников, могут серьезно активизировать свою сепаратистскую деятельность. Относительно определения границ шиитской автономии следует сказать, что они охватят наиболее стабильные области, где шиитское население будет значительно преобладать над суннитским. Нельзя при этом исключать, что шиитские религиозные радикалы могут развернуть на подконтрольных им территориях гонения на суннитов.

На первых порах ситуация в шиитских районах будет относительно стабильна, однако вскоре она начнет осложняться. Связано это будет в первую очередь с тем, что внутри шиитской общины нет единства, и с обретением фактического суверенитета основные ее политические силы (радикалы — сторонники Муктады Садра, умеренные — сторонники Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ) начнут борьбу за власть. Осложнится ситуация еще и тем, что среди шиитов постепенно набирает силу движение, ориентированное на панарабскую солидарность и тяготящееся зависимостью общины от Ирана.

Участие Ирана в урегулировании иракского кризиса и получение в этой связи контроля над шиитскими территориями Ирака, помимо очевидных геополитических преимуществ, чревато для Тегерана и значительными трудностями. Когда обстановка на юге Ирака начнет накаляться и влиятельные шиитские организации вступят в борьбу за власть, Ирану придется приложить немало усилий для поддержания внутриобщинного мира. Тегеран, пытаясь поддерживать стабильность в Южном Ираке, может даже оказаться в ситуации, идентичной той, в которой не так давно оказались сами США, став барьером между различными противоборствующими религиозными группировками. Необходимость поддерживать стабильность на подконтрольных ей иракских территориях будет отнимать у Исламской Республики много сил, что станет залогом снижения геополитической активности клерикального режима и поможет Вашингтону более эффективно «сдерживать» Иран.

Что касается суннитских районов Ирака, то они, по всей видимости, превратятся в глобальный источник нестабильности, власть в которых поделят между собой исламисты, племенная знать и командиры повстанческих формирований. Не исключено, что с течением времени иракские исламисты будут терять поддержку со стороны широких слоев иракской общественности, которая год от года все больше устает от кровавых, бессмысленных терактов, жертвами которых становятся не только «оккупанты-крестоносцы» или еретики-шииты, но и мирное суннитское население. Полностью, однако, исламисты разгромлены не будут. Не исключено, что под их контролем будут оставаться отдельные районы в самой большой и нестабильной в политическом отношении провинции Ирака Аль-Анбар.

Необходимо также обратить внимание на то, что в борьбу против исламистов в центральных районах Ирака вступят и многочисленные местные шиитские общины, которые будут стабильно получать помощь от Ирана и шиитской автономии на юге страны. Данное обстоятельство будет способствовать некоторому сдерживанию активности религиозных радикалов по «экспорту исламской революции» в другие районы мира.

Помимо исламистов шииты, проживающие в Центральном Ираке, будут находиться в перманентном конфликте с суннитами. Таким образом, в центральных иракских провинциях расширятся зоны, где будет тлеть вооруженное межконфессиональное противостояние.

По всей видимости, Ирак на долгосрочную перспективу останется одним из основных источников глобальной нестабильности. В этих условиях России необходимо выстраивать свою внешнеполитическую концепцию с учетом возрастания угроз, исходящих из этой страны, и интересов отечественного бизнеса в разработке энергетических ресурсов Ирака.

Не секрет, что бизнес-интересы российских компаний располагаются именно в Южном Ираке, на территории которого в среднесрочной перспективе вполне может появиться фактически самостоятельное шиитское квазигосударственное образование, политический патронат над которым будет осуществлять Тегеран. В этой связи России было бы неплохо установить прочные контакты с наиболее авторитетными шиитскими политическими деятелями, которые в будущем составят костяк местного руководства, и в особенности с духовным лидером иракских шиитов великим аятоллой Али Систани, который, скорее всего, станет неформальным главой шиитской автономии.

Также России необходимо укреплять контакты с курдской общиной Ирака, оказывать ей всяческую поддержку и налаживать в этой связи взаимодействие с Соединенными Штатами. Помощь иракским курдам позволит снизить угрозу, исходящую для России со стороны иракских исламистов.

«Российская Федерация сегодня» № 10 – 2008 г.

ЧЛЕНСТВО РОССИИ В ВТО: ВРЕМЯ ПОДУМАТЬ О ПОСЛЕДСТВИЯХ

Двери Всемирной торговой организации (ВТО) до сих пор остаются закрытыми для России, несмотря на то, что переговоры о вступлении идут уже 14 лет. Процесс явно затянулся, если учесть, что Грузии, например, это удалось сделать еще в 2000 году. И все эти годы в России не утихает горячая дискуссия о пользе такого шага.

Если вспомнить в самых общих чертах основополагающие принципы и правила ВТО, то это — взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, регулирование ее преимущественно тарифными методами, отказ от использования количественных и иных ограничений, разрешение торговых споров путем консультаций и переговоров и т. д. Таким образом, с правовой точки зрения система ВТО представляет собой своеобразный многосторонний контракт, нормами и правилами которого регулируется примерно 97 процентов всей мировой торговли товарами и услугами.

Отсюда вытекают и преимущества от членства в ВТО, которые для России можно суммировать следующим образом:

- получение недискриминационных условий для доступа российской продукции на иностранные рынки;
 - доступ к международному механизму разрешения торговых споров;
 - создание благоприятного климата для иностранных инвестиций;
- расширение возможностей для российских инвесторов в странахчленах BTO;
- создание условий для повышения качества и конкурентоспособности отечественной продукции в результате увеличения потока иностранных товаров, услуг и инвестиций на российский рынок;
- участие в выработке правил международной торговли с учетом своих национальных интересов;
- улучшение имиджа России в мире как полноправного участника международной торговли.

Однако это – теория, которая всегда более привлекательна, чем практика. С практической же точки зрения проблему можно коротко сфор-

мулировать следующим образом: Россия слишком слаба экономически, чтобы получить от вступления в ВТО одни только преимущества, и соотношение плюсов и минусов этого шага будет зависеть от того, на каких условиях он будет сделан.

Следует сразу заметить, что, хотя некоторые политики и эксперты еще продолжают вести дискуссии на тему «Вступать или не вступать России в ВТО?», такая постановка вопроса давно перестала быть актуальной. Политическое решение о вступлении в ВТО уже принято. Поэтому апеллирование к общественности под лозунгами типа «Мы абсолютно не готовы к вступлению в ВТО», которые используют политики и партии, теснящиеся на платформе «патриотизма», абсолютно бесперспективно.

Почему такое решение принято — понятно. Какая бы политическая погода ни наступала в России, взятый еще при Президенте Ельцине курс на вхождение в основные глобальные институты остается неизменным. Достаточно вспомнить известное заявление В.Путина, сделанное в октябре 2001 года, о том, что «мы твердо приняли решение двигаться в направлении вступления в ВТО, и это решение будет реализовано».

Хотелось бы сослаться еще на одно, более позднее высказывание В.Путина. В ходе интернет-конференции 6 июля 2006 года он заявил: «Современная ВТО способствует развитию мировой торговли. Это некий сертификат качества, который создает благоприятные условия для инвестирования, повышает доверие к стране, и это, безусловно, плюс».

Как считают во властных структурах России, никакое выстраивание торгово-экономических отношений с Китаем, Индией или даже Бразилией нельзя рассматривать как альтернативу такой линии. Если несколько месяцев назад, до разрешения «проблемы» выборов Президента в России, еще были какие-то сомнения, то сейчас можно говорить о полной преемственности политического и экономического курса страны, который, судя по всему, распространится и за пределы только что начавшегося четырехлетнего президентского срока.

Вместе с тем переговоры о вступлении России в ВТО начаты так давно (процесс присоединения РФ к Генеральному соглашению по тарифам и торговле, из которого «вышло» ВТО, был начат в 1992 году), что пора было бы уже российскому политическому классу и тем, кто принимает решения, взвесив все «за» и «против», начать готовить нашу страну к вступлению в эту организацию. Этого, к сожалению, не происходит.

Проблема членства России в ВТО большей частью решается обществом не в рационально-экономической, а в политической плоскости и потому до сих пор является предметом жарких политических дебатов. Однако благодаря достигнутой в «эпоху Путина» высокой степени концентрации принятия решений по управлению страной можно с уверенностью сказать, что наше вступление в ВТО, несмотря ни на что, рано или поздно состоится.

При этом, если бы решения такого рода в нашей стране удалось перевести из «эмоциональной» в «рациональную» плоскость, сегодня в обществе было бы куда меньше и алармистских настроений, и завышенных ожиданий. Многие помнят, сколько писалось в отношении того, что после вступления России в так называемые Парижский и Лондонский клубы кредиторов к нам хлынет поток возвращаемых разными странами «советских» долгов. Этого, однако, не произошло. Рациональный подход в отношении ВТО в том и состоит, чтобы первоочередными факторами в этом процессе стали продуманность и осознанность нашего вступления.

Приходится с сожалением констатировать отсутствие адекватного механизма координации интересов различных отраслей российского хозяйства в тот момент, когда Россия уже фактически находится на пороге вступления в ВТО. Безусловно, кое-что делается в этом направлении, в частности, Торгово-промышленной палатой или Российским союзом промышленников и предпринимателей. Но сам негосударственный статус этих объединений не позволяет им выступать в качестве «головных» координаторов.

Такой «сбор» различных предложений и учет интересов отраслей российского хозяйства на государственном уровне должно прежде всего осуществлять Министерство экономического развития. Однако, в лучших традициях российской бюрократической практики, на первый план выступают узковедомственные интересы, которые в данном случае состоят в том, чтобы как можно скорее рапортовать о завершении переговоров о вступлении в ВТО. На протяжении последних нескольких лет хотя бы раз в год кто-то из официальных лиц (обычно это был бывший министр Герман Греф) заявлял о вступлении в ВТО в ближайшие несколько месяцев.

И каждый раз на пути вступления вставали форс-мажорные обстоятельства в лице тех или иных государств—членов ВТО (в этой организации решения о приеме новых членов принимаются консенсусом), которые, преследуя собственные эгоистические цели, не давали «добро» на прием в организацию России. Сначала Москва долго ждала согласия из Вашингтона, где традиционно недовольны уровнем развития в нашей стране демократии. Затем на уровне высокопоставленных чиновников ЕС делались попытки, в частности, увязать с переговорным процессом по присоединению РФ к ВТО вопрос о снятии запрета на поставку в Россию мяса из Польши. Теперь настала очередь Грузии, которая обещает блокировать переговоры до тех пор, пока не сможет установить контроль на пунктах пропуска на абхазском и югоосетинском участках границы с Россией. Кроме того, Грузия требует отменить решение России об экономическом сближении с Абхазией и Южной Осетией. Уже из-за этого прогресс на этих переговорах маловероятен.

Однако президент Грузии М.Саакашвили намерен использовать ВТО и в долгосрочном плане, в качестве средства заставить Москву соблюдать двусторонние договоры, подписанные в 1994 году. Напомним, что одним из базовых межправительственных соглашений в области российско-грузинского торгово-экономического сотрудничества является Соглашение о свободной торговле от 3 февраля 1994 года, в соответствии с которым экспорт и импорт товаров между двумя государствами не облагаются таможенными пошлинами, за исключением отдельных видов алкогольной продукции, табачных изделий и белого сахара. Однако в целях защиты своих потребителей Россия ввела запрет на ввоз из Грузии растительной продукции (с 19 декабря 2005 года), вина и виноматериалов (с 27 марта 2006 года) и минеральной воды (с 7 мая 2006 года), что привело к падению двустороннего товарооборота. По данным Минэкономразвития, товарооборот между Россией и Грузией составил в 2007 году всего 647,1 млн. долл., в том числе российский экспорт – 586 млн. долл. Импорт же сократился на 13,7 процента и составил всего 61,1 млн. долл.

Наконец, намеки на возможность будущих осложнений для России на этом направлении делаются также со стороны новоиспеченного члена ВТО Украины (16 мая 2008 года вступил в силу ратифицированный Верховной радой Протокол о присоединении Украины к Марракешскому Соглашению о создании ВТО, и Украина стала полноправным 152-м членом этой организации). Тем более что Украина уже вошла в состав рабочей группы по вступлению России во Всемирную торговую организацию.

У украинской стороны есть несколько претензий к российской стороне по таким товарам, как сахар, табак, трубы большого диаметра, на которые действуют ограничения на российском рынке. Судя по всему, Украина хочет вынести эти вопросы на переговоры по присоединению России к ВТО. Очевидно, это может как-то затянуть переговорный процесс, в зависимости от того, каким образом Украина сформулирует свои запросы.

Остается добавить, что на сегодняшний день Еврокомиссия считает основной проблемой, которая мешает присоединению России к Всемирной торговой организации, высокие экспортные пошлины на лес, которые между тем уже принесли России экономический эффект. Так, именно эти меры оказали решающее влияние на решение японской торгово-инвестиционной корпорации Sumitomo Corp вложить 18 млрд. иен (175 млн. долл.) в строительство лесоперерабатывающего завода в Приморье. В связи с этим вопросом заблокировать процесс вступления России в ВТО может прежде всего Финляндия, хотя не исключено, что Хельсинки пересмотрит свою позицию и будет также наращивать инвестиции в лесной сектор РФ.

Таким образом, процесс присоединения России к ВТО идет непросто, что, вообще говоря, не является большой неожиданностью, хотя бы с учетом опыта других стран с постсоциалистической экономикой. Например,

для вступления в ВТО власти Украины пошли на очень серьезные уступки, поставив под удар многие отрасли национальной экономики. Так, с первых дней своего пребывания в рядах этой организации Украина рискует подвергнуться санкциям за невыполнение обязательств перед ВТО в сфере стандартизации продукции. Ситуация, сложившаяся в этой сфере, характерна и для других направлений реформирования украинской экономики, где изменения также носили поверхностный характер. В результате начальный этап членства Украины в ВТО и ее первый опыт в рамках этой организации могут значительно девальвировать для властей Украины значение такого шага, как вступление в ЕС.

Именно опыт Украины, прежде всего отрицательный, должен быть основательно изучен и проанализирован в России. Присоединение к ВТО поставит российскую экономику на одну доску с сильнейшими экономиками мира. Конечно, российские корпорации получат «недискриминационный доступ» на рынки других стран и смогут достаточно эффективно, с использованием всего массива европейской юрисдикции отстаивать свои права, в частности добиваясь отмены более чем 120 затеянных за рубежом против наших компаний антидемпинговых процедур.

Но в то же время необходимо учитывать, что после вступления России в ВТО начнется активное освоение отечественного рынка иностранными компаниями. На российский рынок придут международные корпорации, что усилит конкуренцию во всех отраслях экономики и приведет к значительному увеличению маркетинговых расходов на поддержание рыночных позиций. В связи с этим можно ожидать значительного падения рентабельности бизнесов отечественных предприятий и снижения их конкурентоспособности. Это в особенности относится к пищевой, фармацевтической, химической, авто- и авиастроительной, легкой и электронной промышленности, секторам страхования, финансовых услуг и розничной торговли, мелкому и среднему бизнесу.

Опыт стран Балтии и Восточной Европы показал, что при слиянии национального и международного рынков происходит потеря национального контроля над целыми отраслями экономики. Подобная угроза существует и для России.

В первую очередь пострадает сельскохозяйственный сектор. Как известно, уровень поддержки государством аграрного сектора, например, в США, Канаде, в странах Евросоюза в десятки раз выше, чем в России. А по условиям вступления в ВТО Россия должна снижать господдержку сельского хозяйства каждые пять лет на 5–10 процентов.

Но все же не следует ни драматизировать последствия вступления России в ВТО, ни чрезмерно превозносить ценность этой организации. Оценки профессионалов, в частности из Торгово-промышленной палаты РФ, показывают «мозаичность» последствий вступления в ВТО для

России – на отдельных направлениях в результате конкуренции российский потребитель окажется в выигрыше.

Следует трезво смотреть на вещи и отдавать себе отчет, что ни одна страна ВТО из 152 ее членов еще не поправила резко свои дела после вступления в это объединение. Тем не менее данная организация уже стала неотъемлемой частью стремления стран к более эффективному регулированию торгово-экономических отношений, таким образом превратившись в своего рода «осознанную необходимость» современных рыночных условий.

При этом у России остается единственный рациональный вариант поведения — с толком использовать опыт других стран и образовавшуюся в силу политической конъюнктуры задержку. Это время надо употребить на то, чтобы серьезно подготовиться к членству в ВТО. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. В конце мая премьерминистр В.Путин на заседании Президиума Правительства поручил первому вице-премьеру В.Зубкову и главе Минсельхоза А.Гордееву подготовить список мер по защите интересов отечественных товаропроизводителей в рамках переговоров по ВТО. Но если вступление в ВТО действительно состоится в недалеком будущем, а некоторые официальные лица говорят о конце 2008 — начале 2009 года, то Правительству явно следует поторопиться. На сегодняшний день не решено множество вопросов.

Необходимо хотя бы задуматься о срочной подготовке кадров — тех, кто сможет на равных отстаивать интересы России перед лицом «еврочиновников». За эти годы экспертное сообщество достаточно подробно проработало проблематику ВТО, но, как это часто бывает в России, чувствуется дефицит «оргресурса» для того, чтобы претворить в жизнь наиболее дельные из внесенных предложений. В частности, перед Российским государством, как представляется, стоит не терпящая отлагательств важнейшая социально-экономическая задача — поиск финансово-экономических механизмов для того, чтобы использовать в нужном направлении деньги, которые были выручены за последние годы в нефтегазовом секторе.

Вступление страны в BTO в любом случае будет означать перестройку российской экономики. Масштабность этого процесса предполагает и необходимость принятия эффективных решений государственного уровня.

> «Российская Федерация сегодня» № 13 – 2008 г.

СТАНЕТ ЛИ ГРУЗИЯ «ЦЕНТРОМ МИРА» ИЛИ «ЦЕНТРОМ ВОЙНЫ»?

Резкое обострение военно-политической ситуации в зоне конфликтов Грузии с Абхазией и Южной Осетией никак нельзя назвать спонтанным. Обращает на себя внимание как синхронность развития опасных событий в обеих зонах, так и обозначившаяся ставка на силу, камуфлируемая заверениями М.Саакашвили в том, что грузинские власти «не начнут войны против собственных граждан» (давно ли усилиями России были остановлены такие войны?) и сопровождаемыми, как обычно, обвинениями Москвы в агрессивных намерениях, в аннексии грузинских территорий. Создается впечатление вполне продуманных и спланированных акций, хорошо обеспеченных в информационном отношении и пользующихся поддержкой Соединенных Штатов, которые окончательно отошли от роли беспристрастного судьи и открыто встали на сторону Тбилиси.

Каковы же истинные цели всех этих «мероприятий», подводящих регион к новому витку вооруженных столкновений, жертвами которых вновь становится население Абхазии и Южной Осетии?

Как представляется, ближайшей — но далеко не единственной — целью ставится расчистка препятствий на пути вступления Грузии в НАТО. Апрельский саммит альянса в Бухаресте отказался пригласить Грузию и Украину в свои ряды. Главной причиной этой отсрочки явились не возражения России, обеспокоенной собственной безопасностью, а неразрешенные конфликты с Абхазией и Южной Осетией, инициированные, не лишне напомнить, усилиями Тбилиси. Это бремя многие западноевропейские страны НАТО не готовы взвалить на себя, да еще нарушая устав блока, запрещающего подобные «сделки». Не помогло даже беспрецедентное давление Вашингтона, представители которого заявляли, что эти конфликты не могут служить непреодолимым препятствием на пути вступления Грузии в альянс. Отсюда и стремление Саакашвили до очередного саммита НАТО любой ценой решить проблему самопровозглашенных республик — либо вынудить их принять план Тбилиси по урегулированию, либо решить

проблему силой. Но абхазы и осетины не согласны входить в состав Грузии на правах автономий. А силовой вариант, к которому капитально готовился все эти годы решительный грузинский лидер, сдерживается его западными покровителями, опасающимися негативных последствий. Пока, по всей видимости, избран третий вариант, своеобразный обходной маневр, суть которого заключается в том, чтобы дискредитировать Россию как миротворца, изменить формат миротворческих сил в конфликтных зонах, заменив российских военных международными полицейскими силами, и в конечном счете полностью вытеснить Россию из региона. Именно на этом сосредоточены сегодня усилия Тбилиси и Вашингтона. Этим объясняется демонстративное наращивание грузинских вооруженных сил на границах Абхазии и Южной Осетии, полеты беспилотников, периодические обстрелы объектов и населенных пунктов «мятежников» и провокационные действия, предпринимаемые властями Тбилиси против российских миротворцев. И все это происходит под заверения о стремлении Грузии к мирному разрешению конфликтов.

Но с этими заверениями диссонируют реальные факты. Грузия в 2006 году, в нарушение всех соглашений, ввела войска в Кодорское ущелье; только с середины апреля 2008 года численность войск и силовых структур увеличена с 700 до 2500 человек — более чем в три раза. Всего же в районах, граничащих с Абхазией, по данным властей республики, сосредоточено до 12 тыс. человек. Подготовлено до 70 тыс. резервистов, планируется довести их численность до 200 тыс. Военный бюджет страны за годы правления Саакашвили вырос в 10 раз. В 2006 г. Грузия стала абсолютным лидером среди стран СНГ, увеличив свой военный бюджет в пять раз — с 77 до 341 млн. долларов, при этом доля военных расходов составила 4,9% от ВВП (по другим оценкам существенно больше — до 9%), что намного превышает потребности обороны.

29 и 30 июня в Сухуми и Гаграх прогремели взрывы. Кому были выгодны эти террористические акты в туристических центрах Абхазии в разгар сезона? С 1 июля власти Абхазии, чтобы предотвратить новые теракты и обеспечить безопасность отдыхающих, закрыли границу с Грузией. В ночь на 4 июля обстрелу подвергся Цхинвали – столица Южной Осетии. Создалась более чем реальная опасность вторжения грузинских войск на территорию республики. В связи с этим «возникла необходимость принятия срочных и действенных мер, чтобы не допустить кровопролития и сохранить ситуацию в правовых мирных рамках». Одной из таких мер явился пролет 8 июля четверки российских самолетов над зоной конфликта.

Вторжение было предотвращено, но Грузия не осталась в проигрыше. Власти Тбилиси подняли шумную кампанию в СМИ, сразу же под-

держанную на Западе, обратились с жалобой в ООН, ЕС, другие международные организации. 10 июля из Москвы был отозван посол Грузии. Тбилиси, еще в феврале отказавшийся от участия в работе Смешанной контрольной комиссии по урегулированию, стал требовать введения в ее состав представителей ОБСЕ и ЕС, а также Д.Санакоева, главы марионеточного правительства Южной Осетии. Дело представляется так, что абхазскую и южноосетинскую проблемы невозможно решить только из-за России, с которой маленькой демократической Грузии без военной и политической помощи США и НАТО никак не справиться.

Весомость всем этим акциям придал демонстративный визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля, безоговорочно поддержавшей Саакашвили и фактически обвинившей российские власти в нагнетании напряженности в зоне конфликтов. Чуть позднее официальные представители Госдепартамента США Шон Маккормак и НАТО Д.Аппатурай почти одинаковыми словами заявили о том, что действия Москвы «поднимают вопросы относительно роли России как миротворца и посредника на переговорах по урегулированию конфликтов».

Все это лишний раз подтверждает, что Тбилиси и его старшему партнеру Вашингтону сегодня важно доказать несостоятельность и необъективность России как миротворца и ввести в районы конфликта международные полицейские силы, состав которых будет тщательно подобран. Надежнее всего реализовать эти планы, выставив Россию стороной конфликта. Позиция удобная и крайне выгодная: стоит только вытеснить российских миротворцев из этих республик – и отпадет необходимость в трудных переговорах с «мятежниками», а мнение населения этих республик никого не будет интересовать.

Саакашвили часто – и, надо сказать, не без оснований – называют ставленником Вашингтона, пришедшим к власти в Грузии в результате очередной «цветной революции», в «выращивании» которых Вашингтон преуспел. Совсем недавно их «производство» поставлено на широкую ногу – создан т.н. Гражданский корпус быстрого реагирования, цель которого - «экспорт демократии», а фактически «мирная» смена неугодных политических режимов. Первоочередными объектами его деятельности, по словам Дж.Буша, должны стать Кавказ и Центральная Азия. Грузии с ее безоглядно преданным Вашингтону президентом, в этом «мирном» наступлении отводится роль главного плацдарма, основой «базы демократии». И кавказский сектор деятельности этого органа, судя по всему, не ограничится странами Южного Кавказа, где влияние США, и сегодня достаточно весомое, продолжает наращиваться. Россия вынуждена серьезно опасаться за судьбу своих северокавказских территорий. По сути, речь идет о новой стратегии США на Кавказе, в основу которой заложен принцип единства Южного и российского Северного Кавказа.

Так. России, если она «не прекратит агрессивную политику в отношении Грузии», угрожают дестабилизацией обстановки в Чечне, Ингушетии. Дагестане. Кабардино-Балкарии. Смахивает на открытый шантаж. Такое заявление сделал МИД Грузии в связи с началом 15 июля военных учений Северо-Кавказского военного округа, на которых, среди прочих, отрабатывалась и задача проведения в случае необходимости спецопераций по «принуждению к миру». Понятно, что зачинщиками боевых действий не могут стать ни Сухуми, ни Цхинвали, вооруженные силы которых во много раз уступают грузинским. В это же время начались «странные», иначе не назовешь, учения в Грузии с многозначительным названием «Немедленный ответ», в которых число участников из «лучшей в мире армии» (реверанс посетившего эти учения М.Саакашвили в сторону армии США) чуть ли не в два раза больше, чем хозяев. Учения, которые продлятся около месяца, полностью финансируются Пентагоном – только на боеприпасы и оснащение войск выделено \$8 млн.

Кроме того, очередным главным объектом торпедирования российского влияния для США становится Центральная Азия. Грузии и в этих планах отводится важная роль «передового бастиона», способствующего «продвижению демократии» в этом регионе, также объявленном США жизненно важным для своих интересов.

Одна из причин активности США на Кавказе и в Центральной Азии — энергетика. Грузия используется не только как важная транзитная территория для перекачки нефти и газа из Центральной Азии и Каспия на Запад, в обход России, требующей повышенного уровня безопасности проходящих через нее трубопроводов, а значит, постоянного военного присутствия США и НАТО, что и наблюдается в последние годы. Недавно были подписаны соглашения между «Газпромом» и Национальной нефтяной компанией Ирана о совместном освоении ряда месторождений в Иране и строительстве НПЗ на севере Ирана. Эти соглашения в случае их реализации будут способствовать созданию трубопроводной системы от Ямала до Персидского залива и могут заложить реальный костяк будущей «газовой ОПЕК», которая рассматривается США и другими странами-потребителями западного мира как серьезная угроза их национальной безопасности. Грузинский плацдарм для противодействия этим замыслам является идеальным.

Так что для Вашингтона Грузия важна не сама по себе, а прежде всего как наиболее удобный опорный район, как стратегически важный, ключевой и многофункциональный плацдарм, используемый США в экспансионистских (распространение своего влияния на весь Кавказ, Центральную Азию и далее в восточном направлении), энергетических и военно-стратегических планах. Это и ББВ, во многих странах которого американцы окопались всерьез и надолго. Это и Иран (не говоря уже

об использовании территории Грузии в случае развертывания Вашингтоном военных действий против этой страны, военное присутствие США в Грузии является серьезным сдерживающим фактором для Тегерана). Это и дальнейшая экспансия в Центральную Азию, которая в «матримониальных» планах Вашингтона выдвигается на первый план. Это, наконец, надежная опора в охватывающей Россию той связке «новых демократий», которая выстраивается США последние десятилетия и которая уже протянулась от Балтики до Каспия и, по всей видимости, будет продолжена вплоть до Забайкалья, что показала попытка очередной «цветной» революции в Монголии.

Попутно своей позицией в отношении Грузии республиканская администрация США, изрядно подмочившая свою репутацию в международных делах, пытается продемонстрировать свою твердость и бескомпромиссность в защите национальных интересов США. В Ираке и Афганистане США прочно увязли без видимых надежд на скорый успех, в ближневосточном урегулировании за последние годы сделан даже шаг назад, а Грузия — очень удобный повод поднять свой авторитет в глазах избирателей накануне президентских выборов. И одновременно показать президенту Д.Медведеву, кто есть истинный хозяин положения на Южном Кавказе и в прилегающих районах.

«Грузинский фактор» также активно используется Вашингтоном для консолидации союзников по НАТО, в том числе для того, чтобы ускорить прием в НАТО Грузии и Украины. Это, помимо всего, широко откроет дверь в НАТО для остальных стран СНГ Южного Кавказа, Центральной Азии и других, обеспечит политическую и военную изоляцию России.

В частности, к урегулированию грузино-абхазского конфликта активно подключились Германия и Франция (председательствующая в ЕС). Министр иностранных дел Германии Штайнмайер в Тбилиси, Сухуми и Москве представил трехэтапный план грузино-абхазского урегулирования. Первое, что предусматривается планом, – подписать соглашение о неприменении силы и начать возвращение беженцев в Абхазию. На втором этапе — провести восстановительные работы и экономическую реабилитацию Абхазии (задачу сбора средств Германия готова взять на себя). После этого начать переговоры о политическом статусе Абхазии.

Но обе конфликтующие стороны видят в германском плане ущемление своих интересов. Не лишен он серьезных недостатков и с точки зрения Москвы и Вашингтона.

Тбилиси считает, что план должен быть «усилен». В частности, соглашение с Абхазией о неприменении силы грузинское руководство не намерено подписывать, мотивируя тем, что это может трактоваться как отказ от суверенитета над Абхазией, так как обязательство

коснется не только армейских, но и полицейских и других сил обеспечения правопорядка. Кроме того, в плане Штайнмайера ничего не говорится о российских миротворцах, вывода которых требует Грузия. Обязательным условием для начала переговоров в Тбилиси считают возвращение беженцев с предоставлением им международных гарантий безопасности.

В Сухуми недовольны тем, что никаких обязательств по выводу грузинских вооруженных сил из Кодорского ущелья план не предусматривает, и в нем почти не учтены интересы Абхазии. Высказываются также опасения, что выделяемые средства на восстановление республики будут поступать в Тбилиси, и уже грузинские власти будут определять, как, где и кому их расходовать. Кроме того, Абхазия ни под каким предлогом не намерена входить в состав Грузии.

США в качестве первоочередного шага заявляют о необходимости замены российских миротворцев и настаивают на прямых переговорах обеих сторон конфликта, что практически исключит из переговоров Россию, но никак не скажется на кулуарной роли Вашингтона.

Россия поддерживает заключение соглашения между Грузией и Абхазией о неприменении силы и одобряет идею поэтапного подхода, однако считает, что для возвращения беженцев необходимо восстановить доверие между конфликтующими сторонами, обеспечить стабилизацию обстановки, а для этого прежде всего надо вывести грузинские войска из Кодорского ущелья.

В этом «четырехугольнике» противоречивых и несовместимых мнений германский план, по-видимому, имеет мало шансов на успех. Он выдвинут, скорее, в силу необходимости, так как именно Германия выступила на саммите НАТО в Бухаресте против поспешного приглашения Грузии в альянс, мотивируя свою позицию нерешенными конфликтами. Но вместе с тем она поставила свою подпись под заявлением саммита, где прямо говорится, что Грузия и Украина «станут членами НАТО».

Президент Саакашвили, воодушевленный резко возросшей активностью Запада, связанной с урегулированием конфликтов, поспешил заявить, что «именно в Грузии решается судьба нового мирового порядка», что у Грузии «значительная миссия в регионе, она стала флагманом». Учитывая небогатые собственные возможности Грузии, ее экономическую слабость и политическую нестабильность (еще недавно ее относили к «падающим» странам; она и упала, но довольнотаки для себя удачно — в объятия США, чем и держится), подобные эпатажные заявления относительно миссионерской и флагманской роли Грузии невольно напоминают Нью-Васюки незабвенного О.Бендера, их нельзя воспринимать всерьез. Но то, что Грузия становится территорией пересечения геополитических, геоэкономических и во-

енно-стратегических интересов многих мировых центров силы, — факт. И сегодня действительно стоит вопрос о том, станет ли Грузия «центром мира» или «центром войны». В какую сторону колебнется чаша весов из нынешнего положения неустойчивого равновесия, во многом зависит и от Тбилиси.

К сожалению, пока обстановка в этом регионе особого оптимизма не внушает, стороны продолжают балансировать на грани кризиса. Грузия, рассчитывая тем самым решить свои территориальные проблемы, буквально напролом стремится в НАТО и, надо сказать, пока на этом пути набирает очки в свою пользу.

Позиции же России на Южном Кавказе, к сожалению, продолжают ослабевать. Четкой стратегии в отношении этого региона, исходящей из долговременных интересов России и опирающейся на реальные возможности, как не было, так и нет. Наши власти много шумели насчет увязки косовского прецедента с непризнанными республиками, но когда дошло до дела — предпочли страусиную тактику. Попытки же усидеть на двух стульях, не допустить конфронтации с Вашингтоном и Европой и одновременно пытаться реализовать какието половинчатые меры по развитию отношений с Абхазией и Южной Осетией, приносят в основном обратный результат. Пустые угрозы, не подкрепленные реальной политикой и активной дипломатией, лишь снижают авторитет и влияние России среди обеих сторон конфликта и усиливают опасность в отношении ее собственных территорий, прежде всего на Северном Кавказе.

«Российская Федерация сегодня» № 15 – 2008 г.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

Россия и мир после грузинской агрессии против Южной Осетии

Вторжение грузинской армии в Южную Осетию с его трагическими последствиями для мирного населения этой непризнанной республики и последовавшая за ним операция российской армии по принуждению Грузии к миру — события, которые затрагивают не только непосредственных участников этих событий, но и внешние, как их принято называть, центры силы, и влекут за собой долговременные и многоплановые последствия. Многие хотели бы даже рассматривать их как непрямое военное столкновение России и США, хотя для этого, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Можно лишь говорить о конфликте интересов Москвы и Вашингтона на Южном Кавказе.

Тем не менее авантюра Саакашвили, приведшая к гибели более полутора тысяч мирных граждан Южной Осетии, российских миротворцев, не говоря уже о военных потерях обеих сторон, заставляет задаться вопросом: действительно ли США держат под контролем поведение своего ставленника Саакашвили? Или новая война в Южной Осетии стала еще одним доказательством несовершенства внешнеполитических методов американской администрации — наряду с фактическим фиаско в Ираке, непродуманной политикой в Афганистане, непредсказуемой ситуацией в Пакистане, возросшей нестабильностью в зоне арабо-израильского урегулирования, балканскими событиями, включая отторжение Косово и признание его независимости?

Никто из американских и западных политиков не пытается признать связь между «прецедентом Косово», этим «ящиком Пандоры», и нынешним обострением ситуации с непризнанными республиками Южного Кавказа. Никто из них не пытается хотя бы «пожурить» Саакашвили, политика которого в отношении России и отколовшихся территорий отличается все большим цинизмом, провокационными заявлениями, попытками столкнуть лбами Россию с западными странами. И уж тем более никто не пытается вспомнить начало 90-х годов, когда Рос-

сия, сама находящаяся тогда в очень сложном положении, пришла на помощь братским народам Грузии, и что ситуация с той же Южной Осетией была доведена до кровопролития с массовой гибелью мирного населения в основном усилиями властей Тбилиси.

Придя к власти в 2004 году при поддержке Вашингтона, М.Саакашвили главным приоритетом своей политики сделал «восстановление территориальной целостности» Грузии. Ничего плохого в этом не было бы, тем более что и официальные власти России все эти годы признавали территориальную целостность Грузии, подчеркивая при этом, что быстро эти конфликты не решить. Но беда в том, что Саакашвили с самого начала взял курс на силовое решение проблемы (что, кстати, сразу же поставило в сложное положение миротворческий контингент России в регионе). Относительно быстрый и легкий успех со «строптивой» Аджарией, похоже, укрепил его веру в эффективность такого «метода» и способствовал тому, что Саакашвили, в ущерб социальным программам и экономике, основные усилия сосредоточил на реформировании, перевооружении и целенаправленной подготовке к войне с «сепаратистами» грузинской армии и достиг, надо сказать, в этом определенных успехов, что, по-видимому, и дало ему основание пообещать грузинскому народу в новогоднюю ночь, что в наступающем 2008 году грузинские беженцы вернутся в свои дома.

Конечно, главную роль в выборе и реализации этого курса сыграл «старший партнер» по кавказским делам и покровитель Саакашвили – вашингтонская администрация, представители которой постоянно твердят, что Грузия — достойный пример для стран, становящихся на путь демократии. Может ли демократическая страна решать свои внутренние проблемы, применяя танки и «Грады» против своих же граждан (а именно так рассматривается в Тбилиси население «мятежных» республик), — на эту тему в Вашингтоне предпочитают не распространяться.

Грузия конечно же имела шанс решить свои территориальные проблемы мирно. Но для этого требовались длительные и трудные политические переговоры, требовалось, чтобы страна стала действительно демократической и экономически развитой, привлекательной для населения Южной Осетии и Абхазии. Но этого не произошло. Был взят курс на всестороннюю изоляцию «сепаратистских» республик, их экономическое удушение, от которого в первую очередь страдало мирное население (вспомним, какую озлобленную реакцию властей Грузии вызвало решение В.Путина отменить экономическую блокаду Абхазии и укрепить связи с ее деловыми кругами), курс на войну. В последнее время действия правительства Саакашвили все больше напоминали поступки бездумного националиста З.Гамсахурдия. К моменту вторжения на границах с Южной Осетией было сосредоточено около десятка бригад грузинской армии, создан внушительный наступательный «кулак». Осуществлялась и соответствующая подготовка мирового общественного мне-

ния, призванная выставить Грузию не зачинщиком, а объектом «российской агрессии». Да и момент вторжения был выбран очень продуманно: канун выходных, открытие Олимпиады, время отпусков у российских властей. Буквально накануне была распространена «усыпляющая» информация о якобы предстоящей встрече грузинской и осетинской сторон, а сам Саакашвили выступил с заведомо нереализуемой инициативой о предоставлении широкой автономии Южной Осетии.

Была, конечно, просчитана и реакция Кремля. Россия была поставлена в такое положение, что не могла не вмешаться, чтобы защитить своих миротворцев, которые стали одним из первых объектов нападения (кстати, со стороны своих грузинских «коллег» по миротворческому контингенту) и понесли большие потери, защитить жизни российских граждан, предотвратить еще большее кровопролитие.

Как писали западные СМИ, «действия России в Грузии многих шокировали». Их всеми силами пытаются представить как «агрессию против суверенной страны». Но европейских защитников грузинской демократии почему-то не шокировали кровавые (иначе трудно назвать) действия Грузии в Южной Осетии под прикрытием «наведения конституционного порядка». И никого не волнует, что в результате «штурма» мирного города погибли около 1600 человек, в своей массе мирных жителей – детей, женщин, стариков, разрушены осетинские села, разрушен Цхинвали – центр Южной Осетии, почти 20 тыс. беженцев вынуждены были, спасая свои жизни и жизни своих детей, бежать на территорию России под огнем грузинских танковых орудий и установок залпового огня, под ударами авиации.

Многие западные покровители не хотят видеть, что военный конфликт в Южной Осетии был спровоцирован Саакашвили преднамеренно, при этом он делал все, чтобы представить его как столкновение между Россией и Западом, а Грузию — «передовым фронтом».

Чего же добился Саакашвили своим неудавшимся «блицкригом» против Южной Осетии под названием «Чистое поле»? За что положены жизни тысяч осетин и многих грузинских молодых людей, подготовленных американскими инструкторами, вооруженных и экипированных на американские доллары? «Поле», т.е. территория Южной Осетии, отнюдь не стало «чистым», оно полито кровью с обеих сторон, стало «полем ненависти», которое еще глубже и теперь на долгие годы разделило два народа, многие десятки лет живших мирно друг с другом. И теперь, как бы ни развивались события дальше (вполне вероятно, что грузинский президент на этом не успокоится и вновь попытается решить проблему самопровозглашенных республик силой), Грузии вряд ли удастся убедить осетин и абхазов стать частью Грузии. Таким путем еще можно завоевать «чистое поле», т.е. территорию, но не народ, который можно только изгнать или уничтожить, к чему, похоже, и стремились грузинские власти в Южной Осетии.

Особо надо сказать о роди США в этих событиях. Вправе задаться вопросом, не стал ли демонстративный визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля, безоговорочно поддержавшей грузинского президента и фактически обвинившей Россию в нагнетании напряженности в зоне конфликта, побудительным толчком для Саакашвили, месяц спустя отдавшего приказ на вооруженное вторжение в Южную Осетию? США, надо сказать, по-хозяйски чувствуют себя в Грузии. В 2003 г. между двумя странами было заключено соглашение о сотрудничестве в военной области. Американским военным на территории Грузии предоставлены беспрецедентные привилегии, безвизовый режим пребывания, ношение оружия, освобождение от всех налогов и сборов, полный дипломатический иммунитет. Разрешена переброска любой военной техники на территорию Грузии и ее передислокация на территории страны по первому требованию американского командования. И не потому ли Аджария с ее портом Батуми, через который и доставляются в Грузию американские военные грузы, стала первым объектом силового воздействия со стороны режима Саакашвили? Дж.Буш в своем заявлении по поводу событий в Южной Осетии выразил обеспокоенность, что Россия может нарушить соглашение о прекращении огня в Грузии. Москве пригрозили даже «глубокой изоляцией» в случае, если она будет продолжать «акты военной агрессии». Ни слова осуждения агрессивных действий Грузии или хотя бы сожаления по поводу безвинно погибших тысяч жителей Южной Осетии в результате грузинского вторжения и разрушения Цхинвали.

Что касается позиции России, то, конечно, ни о какой аннексии грузинских территорий, ни о войне против Грузии и уж тем более о конфронтации с Западом речи с ее стороны не идет. Цель России – защита своих граждан, установление и поддержание мира в этом тревожном районе. Российские власти, надо отметить, не пошли на признание независимости самопровозглашенных республик, хотя поводов для этого, особенно после Косово, у них было более чем достаточно, не говоря уже о том, что подавляющее большинство населения Южной Осетии выступает не только за отделение от Грузии, но и за воссоединение с Северной Осетией. Другое дело, что проблему самопровозглашенных республик, Южной Осетии в том числе, надо решать с учетом мнения их народов. Тупо стоять на позиции сохранения любой ценой территориальной целостности Грузии, как это делает Запад, уже не получится. Саакашвили и его покровителям пора понять, что насильственными мерами целостность Грузии не сохранить даже при помощи США, если только не избрать путь полной «зачистки» непокорных территорий от проживающего там населения. Единственный реальный путь – путь мирных переговоров, экономическая и социальная реабилитация разрушенных районов, восстановление доверия путем прекращения всех видов силовой деятельности против непризнанных республик и их населения. Именно за такой путь и выступает Россия. А силовой путь, под каким бы соусом его ни подавали, приведет лишь к росту напряженности на границах с Россией и вынудит ее принять в конце концов соответствующие политические и военные меры по защите своих соотечественников на этих территориях.

Каковы же политические итоги, и в первую очередь для России, южноосетинского кризиса?

Во-первых, война продемонстрировала, что альтернативой американо-российскому взаимодействию может быть только конфронтация и что, несмотря на достаточно лояльную риторику Белого дома последних лет, Россия по-прежнему остается для США принципиальным геополитическим противником.

Во-вторых, война стала катализатором тех процессов, которые уже давно латентно протекали в мировой политике, — усиления конфронтационного потенциала между Россией и Западом, четкой антироссийской ориентации военного механизма НАТО, тактики постепенного выдавливания России с постсоветского пространства. Можно предположить, что вследствие новой войны на Кавказе данные тенденции приобретут дополнительный импульс.

В-третьих, в очередной раз встал вопрос о состоятельности СНГ. Влияние в нем России оказалось не столь велико, как казалось еще не так давно. Ни один из членов СНГ не выразил поддержку действиям России. Отмолчалась даже братская Белоруссия. Сдержанность постсоветских государств, не в последнюю очередь, объясняется тем, что США располагают серьезными рычагами воздействия на их внешнюю и внутреннюю политику, и лидеры стран Содружества предпочли промолчать.

Полную солидарность с Грузией выразили не только балтийские республики и Польша, но и Украина. А это значит, что следующие неприятности могут ожидать нашу страну на украинском направлении.

В-четвертых, конфликт в Южной Осетии продемонстрировал, что информационное обеспечение является все более важным фактором противоборства и что в этой сфере Россия по-прежнему отстает. И хотя государством сегодня выделяются немалые средства на ведение информационной и пропагандистской работы, используются они, мягко выражаясь, неэффективно.

В-пятых, вновь проявилась беспомощность международных институтов. ООН показала неспособность быстро вырабатывать решения в кризисных ситуациях и эффективно действовать в плане поддержания мира и стабильности. Незадолго до вторжения Грузии в Южную Осетию Москва предложила Совбезу ООН принять резолюцию с призывом к отказу от применения силы обеими сторонами. Это решение могло бы предотвратить кровопролитие, но было заблокировано западными странами. В то время как целый народ подвергался фактическому геноциду, СБ ООН «шлифовал» формулировки и «выпускал пар» в бесполезных дебатах.

В-шестых, нельзя исключать, что США взяли курс на изоляцию России, выстраивание «единого фронта» против нашей страны и в конечном счете на усиление тенденций возврата к временам «холодной войны». С этой целью в Европу была послана Кондолиза Райс, которая провела ряд совещаний с западными союзниками и представителями международных институтов. Срочно подписано соглашение с Польшей о размещении американских противоракет на ее территории и об усилении системы ПВО Польши. Кораблям российского ВМФ отказано от участия в совместных с ВМС НАТО учениях. Не исключено, что будут поставлены серьезные преграды на пути вступления России в ВТО и подготовки нового соглашения с Евросоюзом. Обсуждается вопрос об исключении России из «восьмерки». И конечно же уходящей администрацией Буша будет сделано все, чтобы уже в декабре Грузия и Украина получили приглашение в НАТО. Все это вынудит Россию вырабатывать новую линию поведения на западном направлении в целом и в отношении США.

Дж.Буш выступил с резкой критикой действий России в Грузии, в особенности за ее «непропорциональный» ответ. Госсекретарь США К.Райс заявила, что «цели и устремления» России были большими, чем просто защита ее миротворцев в Южной Осетии, и пригрозила, что «придет время заняться последствиями того, что произошло». Особое внимание следует обратить на риторику кандидатов в президенты США — Д.Маккейна и Б.Обамы. Первый назвал действия России в Южной Осетии неприемлемыми и призвал ответить на них жесткими контрмерами со стороны США. Второй заявил, что «нет возможного оправдания... атакам» России на Грузию, и подчеркнул, что кризиса можно было избежать, если бы мир прислушался к его призывам направить в непризнанные республики Южного Кавказа международные миротворческие силы.

Следует ожидать, что США уже в ближайшее время постараются ответить на возрастание российской активности на Южном Кавказе.

В целом можно сделать вывод, что в ближнесрочной перспективе Россию ждет дальнейшее охлаждение отношений с США и Европой. Рассчитывать можно только на развитие экономического сотрудничества, все остальные направления могут быть частично или полностью заморожены, формальны и наполнены недружественным содержанием. Помимо всего прочего, это диктует России необходимость внимательно следить за своей деловой репутацией на Западе, чтобы не подставляться под удар лишний раз, с особой тщательностью выполнять все взятые на себя обязательства по поставкам энергоносителей в Европу и Азию, не допуская спекуляций на теме «энергетического оружия».

«Российская Федерация сегодня» №17 – 2008г.

АВТОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ

А.В.Черняк

Предисловие

[6]

П.В.Холоден, Н.П.Савкин

Оглядываясь на сделанное, заглянем вдаль.

О некоторых итогах ушедшего года и перспективах нынешнего

[7]

В.А. Гусейнов

Ближний Восток как зеркало «глобальной демократической революции»

[13]

А.В.Гончаренко

Теплый газ с Востока и холодный ветер с Запада

[19]

Н.П.Савкин

Единоличные решения Вашингтона.

Перспективы американо-индийского стратегического партнерства и интересы России

[25]

П.В.Холоден

Эта «проблемная» для себя и других Украина

[32]

А.П.Денисов

Россия и Запад: трудный экономический диалог

[39]

Н.П.Савкин

Что нас ждет? Ответ за нами!

[45]

Н.П.Савкин

По-прежнему главное - нефть и газ

[52]

П.В.Холоден

Невыученные уроки пятилетней борьбы с терроризмом

[58]

А.П.Денисов

Может ли Конгресс помешать Бушу дружить с Путиным?

[64]

С.В.Демиденко

Не обернется ли очередной кризис новой арабо-израильской войной?

[70]

О.В. Поклоннов

Быть ли России авиационной державой?

[76]

В.А.Гусейнов

Вместе или врозь предстоит жить народам на постсоветском пространстве?

[82]

П.В.Холоден

Международные организации: польза или вред?

[88]

Н.П.Савкин

Стоит ли браться за оружие после встречи «без галстуков»? Какое наследство Путин и Буш оставляют российско-американским отношениям

[94]

О.В.Поклоннов

Новый этап в освоении Арктики

[101]

А.П.Денисов

Кому выгоден «косовский прецедент»?

[107]

А.П.Денисов

Трудный путь к взаимопониманию Почему в Португалии не было прорыва?

[113]

С.В.Демиденко, Н.П.Савкин

Грузия: от «революции роз» к «революции розг»?

[119]

А.П.Денисов

Что год пришедший нам готовит?

[125]

А.П.Денисов

А наши финансы не запоют романсы?

[131]

А.П.Денисов, Н.П.Савкин

Как должна себя чувствовать Россия в «объятиях» США и НАТО?

[137]

С.В.Демиденко

Что в конце иракского туннеля?

[142]

С.К.Ознобищев, А.В.Романов

Членство России в BTO: время подумать о последствиях

 $\lceil 147 \rceil$

Н.П.Савкин

Станет ли Грузия «центром мира» или «центром войны»?

[153]

С.В.Демиденко, Н.П.Савкин

«Холодная война» возвращается?

Россия и мир после грузинской агрессии против Южной Осетии

[160]

РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Корректор А.Панюгина Дизайнер обложки Г.Сафина Верстальщик А.Алешин

Отпечатано в ФГУП «Издательский дом «Красная звезда» 123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38 Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46

Подписано в печать 28.10.2008. Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 10,5. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 183.